Мэтт Дикинсон

Перед нами перевод книги английского восходителя Мэтта Дикинсона о штурме Эвереста с севера, со стороны Непала.

Автор книги - не профессионал. Он отправился в горы по предложению одной из телекомпаний снять фильм о восхождении на высочайшую точку Земли и планировал подъем до той предельной высоты, которой будет ему доступна, как неопытному высотнику. Съемку на большой высоте должны были вести другие операторы. Однако сложившиеся обстоятельства неожиданно предоставили возможность автору книги стать одним из покорителей Эвереста.

Участие в сложной высотной экспедиции и её победный финиш захлестнули М. Дикинсона таким морем впечатлений, переживаний и других эмоций, связанных с глубоким осмыслением не только своих действий, но и поступков других альпинистов, что в результате мы получили отличную историю. Она перекликается с драмой, разыгравшейся на южных склонах Эвереста в мае 1996 года и описанной в книгах Анатолия Букреева и Джона Кракауэра.

О. Капитанов и Ю. Ровк

Автор перевода - мой большой друг и опытный альпинист Юрий Ровк. Это его не первая пре-восходная работа.

В захватывающем повествовании внимательный читатель обратит внимание так же и на высвеченные переводчиком экологические проблемы высокогорья и огромный труд, выполняемый в коммерческих экспедициях высотными носильщиками-шерпами, роль которых в проведении успешных высотных мероприятий принято не замечать.

Общественная редакция Федерации альпинизма, скалолазания и леденолазания Санкт-Петербурга в очередной раз радует нас, выпуская новую книгу об альпинизме.

Президент ФАСиЛ СПб,
мастер спорта Олег Капитанов

Другая сторона Эвереста

Мэтт Дикинсон

Другая сторона Эвереста

Восхождение по северному склону, ставшее убийственным для многих

Мэтт Дикинсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед нами перевод книги английского восходителя Мэтта Дикинсона о штурме Эвереста с севера. Автор книги не профессионал. Он отправился в горы по предложению одной из телекомпаний снять фильм о восхождении на высочайшую точку Земли и планировал подъём до той предельной высоты, которая будет ему доступна, как неопытному высотнику. Съёмку на большой высоте должны были вести другие операторы. Однако сложившиеся обстоятельства неожиданно предоставили возможность автору книги стать одним из покорителей Эвереста.

- Мэтт Дикинсон
  - Предисловие к изданию в мягком переплете
  - Благодарности
  - Введение
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - Об авторе
  - От переводчика
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2

Мэтт Дикинсон
Другая сторона Эвереста

Предисловие к изданию в мягком переплете

Журналисты, пишущие об Эвересте, скрупулезно составили два списка. Первый список включает тех, кто достиг вершины, второй — тех, кто погиб. Тот факт, что моё имя оказалось в первом списке, постоянно изумляет меня. И даже теперь, через два года после того, как моя нога ступила на вершину Эвереста, я просыпаюсь в холодном поту, когда мои разум снова и снова напоминает мне, как близок я был к тому, чтобы вписать своё имя во второй список. Эверест — суровое место, и прошедшие годы не смягчили воспоминания о нём.

Я был один из сотен, собравшихся у подножья горы весной 1996 года. Как и все остальные, я испытывал благоговение перед феноменальным созданием природы. В отличие от других, я никогда не намерёвался взойти на вершину и, конечно, не собирался писать об этом. Мои обязанности были сугубо профессиональными - снять одночасовой документальный фильм о британской экспедиции на Эверест с севера, организованной расположенной в Шеффилде британской компанией «Гималайские королевства». Маршрут восхождения должен был проходить через Северное седло, по северному гребню и далее по северо-восточному гребню — повторяя попытку, предпринятую в 1924 году британской экспедицией, в которой трагически исчезли Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин.

По сравнению с наиболее часто посещаемой альпинистами южной (непальской) стороной Эвереста, северной стороне пресса традиционно уделяла меньше внимания. Но все резко изменилось после обнаружения тела Джорджа Лейха Мэллори в верхней части северного склона. Исчезновение Мэллори и его партнера Эндрю (Солнечного) Ирвина вошло в альпинистский фольклор. Свою дерзкую заявку на вершину они сделали 8 июня 1924 года, когда никто не обладал тем высокотехнологичным снаряжением, которое применяется теперь. Они восходили в той же одежде, которую одевали на зимних восхождениях в Шотландии — тяжелую шерстяную и твидовую одежду и отриконенные ботинки. Маршрут был нехоженый, опасности, связанные с высотой, были не изучены — Мэллори и Ирвин действительно шагнули в неизвестность.

Когда они не вернулись в верхний лагерь, стало ясно, что произошла трагедия — Мэллори и Ирвин погибли на пути к вершине. Но достигли ли они её?

Пропавших безрезультатно искали участники их команды и другие альпинисты на протяжении семидесяти пяти лет. Северный склон огромен, и тело погибшего трудно обнаружить в недоступном кулуаре или среди больших камней. Казалось, что тайна Мэллори и Ирвина никогда не будет разгадана.

Затем в прессе появился полный драматизма отчет маленькой англо-американской экспедиции, обследовавшей северные склоны в верхней их части в предмуссонный период 1999 года. Тело Мэллори найдено! Альпинистский мир с нетерпением ждал новых подробностей. Какие открытия могут последовать? Умерли он в результате падения, или на его теле нет следов повреждений, указывающих на то, что смерть наступила от изможденья? Самым мучительным был вопрос — найден ли на теле фотоаппарат? Было известно, что у Мэллори и Ирвина был с собой маленький фотоаппарат Кодак. Возможно, в нём есть снимки с вершины, что может послужить неопровержимым доказательством того, что два первопроходца взошли на вершину почти на 30 лет раньше Эдмунда Хиллари и Тенцинга Норгея.

Постепенно поступала все новая информация. Тёмные очки, найденные в кармане у Мэллори, стали неопровержимым доказательством, что падение произошло в темное время суток. Были обнаружены и другие артефакты — письма к возлюбленной в Англию, записи, касающиеся их запасов кислорода для штурма вершины.

Были и волнующие фотографии трупа, выбеленного солнечной радиацией и временем, сделанные экспедицией 1999 года. Мэллори был наполовину подо льдом и мелкими камнями, но его спина и ноги были отчетливо видны. На одной ноге обнаружены остатки горного ботинка. Другая нога была сломана в двух местах. Позднее были определены травмы головы, связанные с серьёзным падением, а также обнаружена порванная на две части пеньковая верёвка.

Но окончательно тайна не была разгадана. Фотоаппарат не был найден и альтиметр Мэллори был разбит при падении.

Что было неопровержимо — это опасная природа северной стороны Эвереста, той стороны, о которой мне было поручено снимать фильм. Это было место, где простая ошибка могла закончиться гибелью. Как и у Эндрю Ирвина, это была моя первая экспедиция на Эверест, и этот факт не давал мне покоя с тех пор, как наша команда собралась в трехмесячную экспедицию.

Моим первым решением было пригласить Алана Хинкса (опытного высотника, покорившего К-2), чтобы поручить ему вести съемку фильма, если у команды появится шанс взойти на вершину. Мой предел будет ограничен, как я предполагал,

недостатком опыта. Я раньше никогда не поднимался выше 6030 метров, а на Эвересте, высота которого 8848 метров, этого опыта едва ли хватит для достижения базового лагеря.

Наша экспедиция началась не по плану. Ни одна экспедиция не придерживалась плана в этот предмуссонный период 1996 года, как об этом было написано в бесчисленных сообщениях газет, журнальных статей и книг. Яростный ураган, который разразился на горе 10 мая, стал причиной гибели восьми альпинистов. В эти тревожные месяцы на Эвересте погибли 12 человек. Менее чем через год после урагана была опубликована имевшая ошеломляющий успех книга Джона Кракауэра «В разрежённом воздухе», доказавшая, что события 1996 года вызвали беспрецедентный интерес к Эвересту во всем мире.

В предисловии к своей книге Джон Кракауэр говорит, что надеялся ею «вычистить Эверест из своей жизни». Но книга возымела обратное действие, вызвав шквал отзывов в средствах массовой информации и Интернете, что сделало имя автора известным по обе стороны Атлантики. Книга имела такой успех, что была продана в количестве более миллиона экземпляров — количество вполне достаточное, чтобы из книг, поставленных одна на другую, образовать башню более высокую, чем сама гора.

«В разрежённом воздухе» — превосходная хроника в классическом жанре. Полемика возникла с самого начала. Критика Кракауэром действий Анатолия Букреева, русского гида, нанятого предприятием Скотта Фишера «Горное безумие», в день штурма вершины породило публичную шумиху вокруг спора этих двух участников событий. В книге «Восхождение», написанной совместно с Вестоном де Уолтом, Букреев ловко опровергает аргументы, направленные против него. Впоследствии Букрееву была вручена награда от Американского альпийского клуба за героические действия при спасении пострадавших на Южном седле в условиях бушующего урагана.

Вскоре после выхода его книги Букреев трагически погиб в лавине на Аннапурне. Несмотря на то, что его уже нет с нами, дебаты продолжаются. В Интернете, через сайты vvww.amazon.coni и www.salon.com, открылся новый форум об Эвересте, на который ежедневно со всех концов земли летят аргументы и контраргументы.

Книга «В разрежённом воздухе» — правдивый рассказ об альпинизме и, особенно, о состоянии коммерческих экспедиций в горах. Не все наблюдения Кракауэра были встречены радушно. Так директор IMAX и восходитель на Эверест Давид Бришерс комментировал впоследствии: «Я думаю, книга Джона является очень искренней, в ней открывается много горькой правды.

Альпинисты не те люди, кто обычно подвергается критике. Мы — некий клан. Джон написал о вещах, которые людям неприятно слышать, и некоторым это нанесло душевную травму».

***

«Другая сторона Эвереста» написана не для того, чтобы соревноваться с книгой «В разрежённом воздухе» или с другой книгой об Эвересте, хотя я, как и Кракауэр, лелею мысль, что однажды, когда книга будет написана, гора навсегда останется далеко позади. Книга написана, чтобы рассказать о нашем восхождении по северной (тибетской) стороне, маршрут по которой имеет репутацию более длинного, технически сложного и холодного, чем подъём с юга. Я был удивлен тем, что увидел за эти месяцы… и ещё сильнее удивлен своей изменившейся ролью в этой экспедиции от кинохроникёра до участника команды, штурмующей вершину. Делать фильм об экспедиции было само по себе вознаграждением (особенно возможность снимать на вершине), но когда шёл процесс обработки фильма, я почувствовал необходимость начать писать об этом повесть.

Начав писать, я не мог остановиться в течение шести месяцев, результатом чего явилась книга, которую вы сейчас держите в руках. Она была опубликована в Великобритании спустя месяц после того, как книга Джона Кракауэра с триумфом заполнила книжные магазины. На мой взгляд, «Другая сторона Эвереста» всего лишь книга, описывающая события этого сезона, произошедшие на северной стороне Эвереста, и с этой точки зрения, я надеюсь, послужит ценным дополнением к уже сказанному.

У нас, на тибетской стороне, тоже были четыре несчастных случая, включая австрийца Рейнхарда Власича, который издал свой последний вздох в палатке, стоящей всего в нескольких ярдах от нашей, в то время как Алан Хинкс и я вышли из лагеря 6 на штурм вершины. Я поймал себя на мысли, что задаю себе вопрос, касающийся именно этого случая: «Почему мы не постарались сделать все возможное, чтобы спасти его?» и «как мы могли думать только о своём штурме вершины, когда рядом кто-то погибает?»

Простого ответа на этот вопрос нет. Возможно, на большой высоте нет адекватного восприятия происходящего. Обычно я отвечаю, что чем больше оглядываюсь назад, тем больше вопросов мне хочется задать. Но и это не ответ.

В своей книге я постарался поставить эти вопросы.

Другая непрекращающаяся полемика возникла относительно неожиданной встречи японской команды Фукуока и трех альпинистов индийско-тибетскнх пограничников. В этом эпизоде три японских альпиниста и их шерпы прошли мимо погибающих на северном гребне индийцев, не предложив им ни еды, ни питья, не сделав ни малейшей попытки их спасти. Этот поступок вызвал шквал протеста во всем мире и привел к митингу в базовом лагере, на котором руководитель нашей экспедиции и другие присутствующие лидеры осудили действия японской команды. Реакция лидеров была интересной и неожиданной для меня. Алан Хинкс и я ощутили дыхание смерти, найдя тела двух индийцев, в день нашего штурма.

«Другая сторона Эвереста» — это Эверест глазами начинающего высотника, просто частный отчёт, предназначенный не для альпинистов, а для всех, кто попал под очарование Эвереста. Книга была встречена неоднозначно сообществом альпинистской элиты (один хорошо известный британский альпинист сказал мне язвительно, что книга не может считаться альпинистской, так как вы не альпинист).

Возможно, я вторгся не на свою территорию. Я не являюсь ни авторитетом в альпинизме, как Джон Кракауэр, ни восходителем, как Букреев. Я оказался не на своем месте и первым признаю это. Тому факту, что сегодня я ещё жив, я обязан удаче, заботе со стороны команды и шерпов, которые поддерживали меня в трудные моменты.

Тем не менее, я обнаружил, что мой опыт, полученный на Эвересте, вызвал интерес у читателей. Много раз я выступал в альпинистских клубах, книжных магазинах и на собраниях бизнесменов, в Объединенном королевстве, Франции, Испании и Швейцарии, где рассказывал о том, что случилось на Эвересте в тот злополучный 1996 год. Я ни разу не столкнулся с отсутствием интереса к этому вопросу. Напротив, кошмар урагана и грубая действительность неожиданной смерти на большой высоте разжигали воображение публики до такой степени, что Эверест стал снова предметом повсеместного обсуждения в барах и пабах, как это было в 1953 году, когда экспедиция под руководством Джона Ханта впервые взошла на высочайшую вершину мира.

Как и изображение, спроектированное на шестифутовый экран, никогда не сможет передать реального величия северной стороны Эвереста, видимое с высоты 27 000 футов, так и слова никогда не смогут передать истинный ужас переступания через простертые ноги погибшего альпиниста на усыпанном трупами пути к вершине.

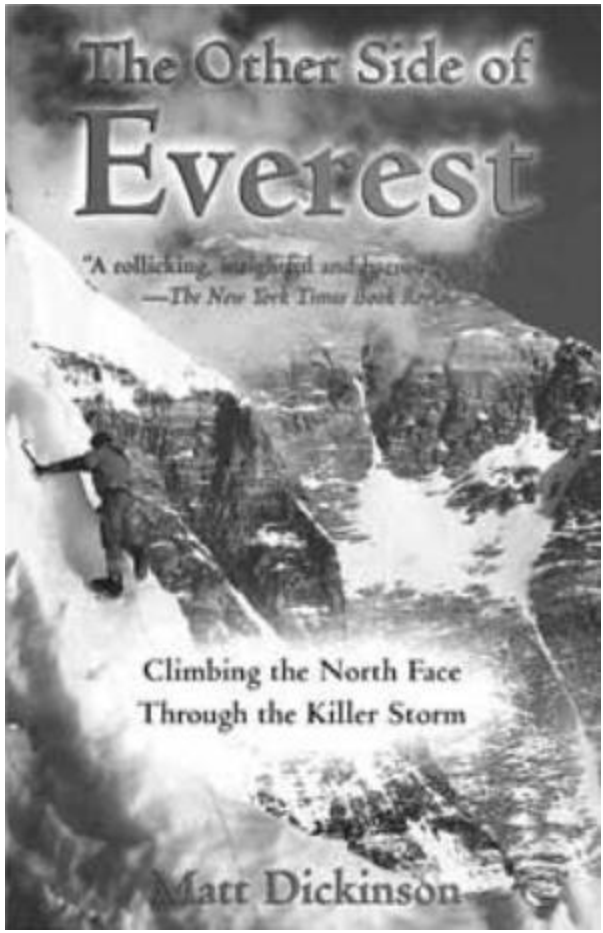
Вот ещё одни вопрос, который мне часто задают: «Изменило

ли вашу жизнь восхождение на Эверест?» Я думаю, что ближе всего к истине был бы ответ, что восхождение на Эверест не изменило мою жизнь, но написание «Другой стороны Эвереста» изменило.

В течение последних 12 лет я был профессиональным рассказчиком, говоря об экспедициях в документальных фильмах. Написание этой книги открыло мне более глубокую форму передачи действительности, чем любой сделанный мною фильм. В моем документальном фильме об Эвересте «Вершинная лихорадка» я сорок семь минут рассказывал о трех месяцах на Эвересте. В книге же я владею вашим вниманием на протяжении 200 страниц. Впоследствии я буду больше писать и меньше снимать.

«Другая сторона Эвереста» переведена на немецкий, голландский, иврит и испанский языки, но мне было особенно приятно, когда я услышал, что она пересекла Атлантику, чтобы стать этим американским изданием. Я делал приключенческие фильмы для американского телерадиовещания, каналов Дискавери, Искусство, Развлечения и Народная география более десяти лет, и как частому гостю Соединенных Штатов было очень волнительно увидеть мою книгу в книжных магазинах рядом с такими значительными книгами об Эвересте, как «В разрежённом воздухе» и «Восхождение».

Мэтт Дикинсон, ноябрь 1999.


The Other Side of
Everest
"A rollicking, insightful and
—The New York Times Book
Climbing the North Face
Through the Killer Storm
Matt Dickinson

Благодарности

Во- первых, я хочу выразить сердечную благодарность моей жене Фионе и моим детям: Томасу, Алистару и Грегори. Их любовь и поддержка были со мной на каждом дюйме пути, как и любовь моих родителей Шейлы и Дэвида.

Я также хочу поблагодарить людей, активно помогавших мне как во время экспедиции, так и при написании книги: Николу Томпсона, который нашел мне издателя, «Гималайские королевства» за четкое проведение экспедиции в экстремально тяжелых условиях, Саймона Лава, Сандипа Дилона и Роджера Порча за предоставленные дневники, Киса Хуфта и Алана Хинкса за активное участие в съемке фильма на горе, Джулиана Веэра из ITN и Чарльза Фэна с четвертого канала за то, что они поверили в мои фильм, и Брайана Блессида, чьей мечтой было получить полный экспедиционный прокат.

На протяжении всей экспедиции наша команда шерпов под руководством Нга Темба выполняла спиноломательиую работу по установке лагерей, и особо я хочу поблагодарить Лакру, Мингму и Джайалтсена за их невероятные усилия в день штурма.

При подготовке книги мне помогали Одри Сэлкедд, доктор базового лагеря Роба Холла Каролина Маккензи, Дэвид Бришерс, лидер экспедиции IMAX, и Грэг Джонс.

Мой редактор Тони Виттон был постоянным источником ободрения, а Крис Брэдли и Николас Креин вносили необходимые редакционные замечания.

В заключение я хочу поблагодарить Анну Гьюму Мартинер, без чьего вдохновения ни одна гора не была бы покорена.

Введение

10 мая 1996 года как раз в 4 часа после полудня, когда установился резкий дневной холод, Одри Сэлкелд, историк и исследователь Эвереста, сидела в палатке в базовом лагере под Эверестом и печатала на ноутбуке фирмы Apple Mac один из двух своих ежедневных отчетов в Интернет. Это была вторая экспедиция Сэлкелд на Эверест, она была нанята Американской киноэкспедицией IMAX и в её обязанности входила рассылка новостей, чтобы об их успехах было известно во всем мире.

Базовый лагерь на высоте 5360 метров и в лучшее время унылое место, но когда солнце погружается за окрестные хребты, жизнь в нём становится похожа на жизнь в холодильнике. Дрожа от холода, Сэлкелд вышла из палатки-столовой, пересекла морену ледника Кхумбу и направилась к своей палатке, чтобы одеться потеплее.

Взглянув на южную часть неба, она стала одной из первых, а возможно, и самой первой, кто увидел, что надвигается с нижних долин Гималаев на Эверест. Она застыла на месте, забыв о холоде.

Неожиданные шквалы обычны дня Эвереста, но ничего подобного Сэлкелд никогда не видела. Она описывает, как огромные лиловые облака, вздымаясь волнами, неслись с юга. Сэлкелд позвала из палаток остальных членов команды, и они застыли в ужасе, наблюдая, как апокалипсическое явление молчаливо и быстро надвигается на них.

Через несколько минут ураган ворвался в лагерь со скоростью от восьмидесяти до ста километров в час, моментально понизив температуру воздуха на десять-пятнадцать градусов, разрывая палатки в своей слепой ярости. За считанные минуты он захватил всю северную сторону и поднялся к вершине. Высочайшие горы мира исчезли из виду, поглощенные ураганом.

Даже если бы Шива, индийский бог разрушения, и Немезида, греческая богиня наказания, объединили свои усилия, то и они не смогли бы наделать столько бед, сколько наделала в этот день сама природа. Момент был абсолютно сверхъестественным. Если бы ураган налетел зимой, то никто бы не пострадал. Но случилось так, что буря нагрянула в самый плотный день календаря восхождений на Эверест, самую середину предмуссонного периода.

Когда разразился ураган, наша британская экспедиция на Эверест по северо-восточному гребню находилась в лагере 3 (6450 м), готовая к штурму вершины.

Мы мгновенно поняли, что случилось что-то намного опаснее, чем любой ураган. Температура упала до десяти градусов ниже нуля, потом до двадцати, потом до тридцати. Ветер достиг постоянной угрожающей силы, он выдергивал изо льда оттяжки палатки, побросал бочки со снаряжением в трещины, снёс с пугающей легкостью брезентовую палатку-столовую. Палатки, рассчитанные на противостояние сильным ветрам, трещали, стонали и меняли свою форму под ударами урагана, а кевларовые стойки были напряжены до предела.

Пытаясь отснять грозное явление природы, мы вылезли в этот кошмар, одетые во всю теплую одежду, которая попалась под руку.

Снег падал сплошной стеной, как это могло бы быть в Антарктиде или на ледовой шапке Гренландии, закрывая все вокруг. Ни одного ориентира, даже огромного северного гребня не было видно. Скрылись во мгле и соседние палатки индийской экспедиции. Сквозь белую стену снега и рёв ветра из-за ледника доносился другой звук, зловещий вой ещё более мощного урагана, бушевавшего на высоте 8000 метров.

Там, в «зоне смерти», более 30-ти альпинистов боролись за свою жизнь. На северной стороне, высоко на северном гребне три индийских альпиниста находились в изможденном состоянии и без запаса кислорода. На южной стороне две коммерческие экспедиции растянулись между Южным седлом и вершиной — «Горное безумие» под руководством Скотта Фишера и команда Роба Холла «Консультанты по приключениям».

Ночь, которую им предстояло пережить, была ночью дьявола. К концу текущего дня три индийских альпиниста на севере и пятеро из команд Холла и Фишера были мертвы. Восемь человек потеряли свои жизни на горе в течение 24 часов.

Но и это ещё не конец драмы.

День урагана был самым черным днем из многих черных дней сезона, в котором одно несчастье сменялось другим. Еще до урагана произошли два смертельных случая. Потом ещё две смерти. Это изменило судьбы каждой команды, в том числе нашей, разожгло сенсационные дебаты на страницах газет и в телевизионных программах, которые пытались выяснить, в чем же причина случившегося.

Ураган оставил после себя массу вопросов. Как могли альпинисты мирового класса, такие как Роб Холл и Скоп Фишер, погибнуть на горе, которую они отлично знали? Почему, когда грянул ураган, высоко на горе оказалось так много неопытных альпинистов? Почему команда японских альпинистов и их шерпы прошли мимо умирающих индийцев, не попытавшись их спасти?

Ураган продолжался меньше двадцати часов, но для тех из нас, кто не терял надежды штурмовать вершину, он длился бесконечно.

Смерти, которые принес ураган, породили сомнения, которые оставались с нами на каждом шагу. Он изменил сам процесс восхождения на гору, опрокинул все планы, но более всего он внёс хаос в наше сознание, мы молились о безопасности во всех наиболее опасных местах и практически остановились. Все, кроме двух участников нашей экспедиции.

Для меня, новичка в той смертельно опасной игре — высотном варианте русской рулетки, эти вопросы были необъяснимыми, как для любого, кто никогда не входил в «зону смерти» — манящий и пугающий мир, в атмосфере которого кислорода в три раза меньше, чем на уровне моря.

Я отправился на Эверест не для того, чтобы покорять его, а для того, чтобы сиять фильм и нанял для этой работы более квалифицированных людей. Я никогда не поднимался на Бэн Нэвис или Сноудон, никогда не ступал на вершину Альпийского пика, но по мере того, как разворачивались события этого сезона, моё желание самому посетить «зону смерти» стало непреодолимым.

Это была одержимость, которая привела меня к самому краю саморазрушения, но она же привела меня на вершину Эвереста.

1

Когда тьма накрыла Тибетское нагорье, прогнав последнее мерцание света прочь из Гималаев, я, чуть живой, проковылял последние несколько шагов, ведущих в передовой базовый лагерь. Это было 20 мая 1996 года в 6-35 после полудня.

Я стоял в одиночестве, неуверенно покачиваясь на ногах, пытаясь понять, что мне делать дальше. Я слабо различал засыпанные снегом палатки вокруг меня. Вдруг из темноты раздался крик. Светящийся налобный фонарь, как поплавок, качался вверх-вниз, откуда-то появился силуэт, направляющийся ко мне по камням на леднике.

Внезапно у меня подломились колени. Я обнаружил себя лежащим на синие и глядящим в небо, усыпанное звездами, неуклюжий пилот но имени Роджер целовал меня в обе щеки и называл ублюдком. Мы держали друг друга в медвежьих объятиях, и казалось, что слова поздравления Роджера медленно доходят до моего помутненного сознания.

Первое время, и даже по прошествии многих недель, это полузабытое ощущение доводило меня почти до слез. Чувство спасения. Что всё кончено. Вершина Эвереста позади.

Я открыл рот, чтобы ответить Роджеру, но вышло только бормотание неразборчивых слов. Смущенный смесью эйфории и шока мозг под действием большой высоты и обезвоживания не давал мне связать двух слов.

Мне даже не пришло в голову поинтересоваться, куда пропал мой компаньон Ал Хинкс, хотя мы вместе с ним спускались с Северного седла. Пока заботились обо мне, он просто исчез. (На самом деле, как мне потом сказал Роджер, он пошёл к своей палатке, чтобы разобрать свои вещи, прежде чем отправиться на поиски еды и питья.)

Роджер поднял меня на ноги, помог мне освободиться от рюкзака и расстегнул мою альпинистскую обвязку. Затем он помог мне добраться до невероятного тепла столовой палатки, где в керосиновом и сигаретном дыму сидела команда шерпов вокруг двух дымящихся котлов с едой. Меня проводили на сидение, пока Дорже, повар, готовил сладкий чай.

С меня стянули трехслойные перчатки, обнажив обмороженные пальцы. Кто-то присвистнул, когда появилась моя правая рука с двумя обмороженным средними пальцами. На кончиках каждого из них красовался волдырь, величиной с крыжовник, кожа была мраморного цвета, по фактуре похожая на сыр.

Шерпа но имени Кипа изобразил движение пилы, пилящей поперек пальцев.

— Вот так, — смеялся он.

— Нет. Нет, — Анг Чалдим, многоопытный в определении степени обморожения, повертел мою руку в своей и сказал доверительно, — первая степень. Но пальцы вероятно уцелеют. Не отрежут.

По мере того как я пил, сладость чая смешивалась с горьким вкусом крови, сочившейся из волдырей на моих губах, и я почувствовал, что палатка начинает вращаться. Когда керосиновые испарения, казалось, поглотили меня, приступ тошноты подступил к моему горлу, меня чуть не вырвало. Я перебрался в нашу палатку-столовую, где воздух был чище, уронил голову на колени, стараясь побороть слабость и не свалиться в обморок. Холодный воздух и чай вернули меня к жизни, и вдруг осенила мысль — как странно, что Роджер здесь один.

— Где все?

— Они ушли в базовый лагерь!

— Ох!

Великодушие Роджера стало теперь ещё более очёвидным, передовой базовый лагерь не место, где следует засиживаться, а он ждал здесь несколько дней, в то время как остальные участники уже эвакуировались вниз в более теплый и гостеприимный климат базы в долине Ронгбук в шестнадцати километрах отсюда. Его поступок растрогал меня.

— Спасибо, что вы здесь.

— Ничего, я подумал, что здесь должен быть кто-нибудь, чтобы встретить вас, вернувшихся в Страну Живых.

Я выпил чай, вышел наружу и пошёл как пьяный вместе с Роджером к палаткам. Я знал, что одна из них моя, но в моем полубессознательном состоянии не помнил, какая именно. Роджер указал мою палатку, я расстегнул её и залез вовнутрь, Роджер вытащил из моего рюкзака коврик и спальный мешок и показал на мои ноги.

— Вам не следует спать в ботинках.

Он расшнуровал их и стащил с меня. Я почувствовал замерзшую материю внутренних носков, рвущихся там, где волдыри лопнули, и кровь засохла. В этот момент я испугался. Я не смотрел на свои ноги с кануна штурма, и они выглядели очень странно — вздутые и онемевшие, как пальцы моих рук.

Пока Роджер ходил за питьем, я набрался смелости и посветил фонариком на пальцы ног.

Они были покрыты кровавой коркой. Вначале я ужаснулся,

по, приглядевшись поближе, понял, что повреждения поверхностные, кровь была от постоянного трения ноги о пластиковый ботинок и отёки от ударов при вбивании ног в лёд. Также было два небольших участка, прихваченных морозом, и ничего больше. Я представил себе, как мои пальцы могли бы уже почернеть, и началась бы гангрена.

Роджер вернулся. Он взглянул на мои ноги.

— Похоже, вы сохранили ноги.

— Да, похоже.

Роджер одарил меня широкой улыбкой и сказал:

— Увидимся завтра.

Он застегнул палатку, и я услышал его удаляющиеся шаги.

Не имея сил стащить пуховку, я засунул ноги в спальный мешок и укрылся верхним концом спальника. Затем я выпил целый литр чая, ощущая, как горячая жидкость бежит по моему телу.

Мне очень хотелось спать, но мозг теперь очнулся от замороженного состояния и силился догнать события. С событиями было все в порядке, они осознавались с кристальной определенностью, но вот порядок их следования перепутался.

Он всплывет достаточно быстро, но тогда он находился под замком.

Моим основным ощущением было ощущение полного отдыха после тяжелого испытания. Один факт засел в моем мозгу крепче, чем остальные, факт, что я вернулся с горы живой. За это я был благодарен судьбе. Я был одним из счастливчиков.

Вместе с Алом Хинксом и тремя шерпами мы выжили «в зоне смерти» и вернулись невредимыми с вершины Эвереста. Теперь я мысленно пробегал по своему телу, отыскивая повреждения.

Я подсчитал, что потерял одиннадцать килограммов живого веса. Мои ноги были полностью лишены жира, и я мог легко обхватить бедро пальцами обеих рук. У меня было обморожение первой степени двух пальцев и ряд поверхностных повреждений, которые обычны на большой высоте, солнечные ожоги ушей и губ, гноящиеся трещины на пальцах рук и ног. Оба мои глаза имели кровоизлияния, так как капилляры лопнули в процессе восхождения. Мои почки пульсировали с тупой болью от недостатка жидкости в течение многих дней. Мои кишки извергали пугающее количество крови каждый раз, когда я осмеливался их очистить.

Постоянный, мучительный кашель, порванные мышцы вокруг грудной клетки, воспаление горла, терзавшее меня многие недели, теперь я почти не замечал.

Но этот перечень недугов не значил ничего. Гора отпустила

меня предельно легко, и я знал это. В физическом смысле моя плата за вершину Эвереста была незначительной. Если Анг Чалдим окажется прав относительно моих пальцев, то я не потеряю ничего. Через пару месяцев я поправлюсь, и не останется ни малейшего признака, по крайней мере, на моем теле, того, что я когда-то вообще был здесь.

Для других двенадцати альпинистов попытка взойти на вершину Эвереста в этот предмуссоный период закончилась фатально. Тела десяти из них до сих пор лежат высоко на склонах горы. Только два трупа уже найдены. Волны шока до сих пор реверберируют по всему миру. Цена страдания семей, друзей и любимых тех, кто погиб, неисчислима.

Другие выбрались из «зоны смерти», но цена спасения оказалась слишком высока. Американский и тайваньский альпинисты обморозились так, что одному из них пришлось ампутировать часть лица и руку, другому пальцы на руках и ногах.

Этот гибельный сезон на Эвересте приковал внимание многих средств массовой информации, чего не было даже после первого восхождения на Эверест в 1953 году.

Прежде чем я забылся сном, моя рука инстинктивно нащупала маленький прямоугольный футляр, лежащий в нагрудном кармане термобелья — портативная цифровая видеокамера, в которой был отснятый материал с Крыши Мира. Когда я проснулся, спустя пятнадцать часов, моя рука находилась в том же положении, баюкая драгоценную кассету.

Следующие сорок восемь часов я лежал на спине в палатке безмолвно и неподвижно.

Иногда шерпы, Ал или Роджер, проверяли, все ли со мной в порядке и не надо ли принести мне еды или питья, но в основном я только лежал, уставившись в брезент палатки.

Мое сознание цепенеет, когда медленно проигрывает события последних десяти дней пребывания в «Зоне смерти».

Термин «зона смерти» был впервые внедрен в 1952 году Эдуардом Висс-Дунантом, шведским физиком, в книге «Мир гор». Участвуя в шведской экспедиции на Эверест 1952 года, которая была так близка к вершине, он описал с большой точностью воздействие высоты на человеческий организм.

Висс-Дунант выделил несколько зон, чтобы читателям было понятнее. Он считал, что в зоне 6000 метров человек все ещё может акклиматизироваться за короткий срок. В зоне 7000 метров акклиматизация невозможна.

Зоне свыше 7500 метров он дал особое название. Он назвал её по-немецки — Todeszone, или «зона смерти». Выше этой высоты

не сможет выдержать ни один человек, жизнь из него будет уходить с ужасающей скоростью. Даже с помощью дополнительного кислорода никому не удастся оставаться в «зоне смерти» продолжительное время.

Этот ужасный термин, который он внедрил, в итоге характеризует место, где каждый вдох сигнализирует о разрушении человеческого организма, где каждый час уничтожаются миллионы клеток и где не место живому существу.

Как «поля убийств» (с 1975 но 1979 гг. места массовых казней в Камбодже, организованных авторитарным режимом Красных кхмеров), так и «зона смерти» — два простых слова несут смысл непередаваемого ужаса. Они вызывают в воображении картины, которые могли бы прийти в голову лишь такому писателю, как Толкиен. Место Quest в средневековом смысле — зона битвы, где воины и мечтатели пришли сражаться с темными силами природы и откуда человек выходит настолько потрясенным тем, что с ним произошло, что никогда не находит силы говорить об этом снова.

«Зона смерти» — это место, где сознание забредает в отдаленные и тёмные углы, где постоянно подстерегают безумие и призраки, где трупы бойцов, более сильных, чем вы, будут лежать на воющем ветру с черепами, глазеющими из рваных остатков их штормовой одежды. Приведений здесь множество и их предупреждающие крики эхом разносятся по ночам.

Виза в «зону смерти» выдается богами ветра самое большее на несколько дней и заканчивается без предупреждения. Оказаться по ту сторону барьера, значит никогда не вернуться назад.

10 мая 1996 года барьер опустился на Эвересте.

***

В этот день высоко в горах вершину штурмовали экспедиции двух совершенно разных типов: традиционного — национальная экспедиция, финансируемая спонсорами, и коммерческого, финансируемая клиентами.

В первом случае, члены экспедиции были отобраны по заслугам, не платили за участие и сами отвечали за свою безопасность. В другом же случае, главным цензом отбора в экспедицию служила платежеспособность клиента. Специальные высокогорные гиды были наняты компаниями для обеспечения

безопасности клиентов. Наша экспедиция была коммерческой.

Две экспедиции традиционного тина, которые оказались вовлеченными в события 10 мая: на северной стороне индийская команда, состоящая из индо-тибетеких пограничников под руководством Мохиндора Сингха, на южной стороне тайваньская национальная команда, ведомая Макалу Го.

Коммерческими были две экспедиции: команда Роба Холла «Консультанты по приключениям» и «Горное безумие» под руководством Скотта Фишера.

Коммерческие экспедиции состояли из большего количества участников и, соответственно, большего количества кислородного оборудования для штурма. Индийская экспедиция состояла из шести участников и не использовала шерпов. Тайваньская команда была уменьшена до самого лидера Макалу Го и двух шерпов.

Команда «Консультантов но приключениям», которая вышла около полуночи с Южного седла, состояла из пятнадцати человек: трех гидов, восьми клиентов и четырех шерпов.

Команда «Горного безумия», которая находилась на юго-восточном гребне, тоже состояла из пятнадцати человек, шесть из которых были клиентами.

Для Роба Холла, лидера «Консультантов по приключениям», ночной выход с Южного седла был делом обычным, и он уверенно вёл свою команду. Холл был в авангарде коммерческих экспедиции на Эверест с самого их основания, он четырежды лично взошел на Эверест и за последние пять лет провел на вершину мира тридцать девять человек.

Холл имел безупречную репутацию высотного гида, несущего ответственность за жизни клиентов. Это был настоящий лидер. Так о нём вспоминает врач базового лагеря Каролина Маккензи:

> «Роб был вдохновенным лидером, с ясной головой. Он всегда смотрел вперед и побуждал людей держаться вместе, думал о моральном состоянии группы и обращал внимание на моральное состояние каждого».

Роб Холл начал свою гималайскую карьеру с девятнадцати лет, когда взошел на Ама-Даблам, 6828 метров, в Непале по трудному северному гребню. Он провел три летних сезона в Антарктиде как гид и руководитель спасательной службы в американо-новозеландских программах и продолжил серию высотных восхождений, включая Денали, Аннапурну, К-2, Эверест, Лхоцзе и Массив Винсон. В течение 1990 года он взошел на семь вершин, высочайшие точки всех континентов, за семь месяцев, побив все рекорды.

Завоевав репутацию наиболее опытного новозеландского руководителя экспедиции с отличным послужным списком восхождений на предельные высоты, Роб Холл вместе со своим компаньоном Киви Гэри Боллом, сертифицированным горным гидом, с которым Роб Холл совершил большинство своих наиболее амбициозных восхождений, основал фирму «Консультанты по приключениям». Выходцы из Христианской общины Южного острова в Новой Зеландии, дуэт специализировался на дорогостоящих, обеспеченных гидами альпинистских экспедициях. Они были одной из первых компаний, которая заявила Эверест в своей рекламе. Обаятельные, облачающие талантом создавать известность, эти два альпиниста быстро обзавелись растущим списком клиентов, которые страстно желали положить в «мешок» высочайшую вершину, даже если она стоит $40 000.

12 мая 1992 года Холл и Болл поймали восхитительную удачу. При почти идеальных погодных условиях они провели четырнадцать альпинистов (шесть из них были клиентами) на вершину Эвереста и благополучно спустились вниз. Это выдающееся достижение подтвердило, что Эверест вступил в новую коммерческую эру, как альпийские пики и вулканы Южной Америки. Он пошёл на продажу.

К сезону 1993 года «Консультанты но приключениям» стала компанией с многомиллионным оборотом и насыщенным календарём, в марте они предлагали Эверест, в сентябре Мера Пик, в ноябре Пирамиду Карстенз в Новой Гвинее, в декабре Массив Винсон в Антарктиде. Холл и Болл не только ввели в моду понятие «суперприключения», они реально их создали. Теперь они пожинали плоды, разъезжая по всему миру от одного приключения к следующему, «пася» своих высокооплачиваемых клиентов, большинство из которых были горячо преданы своим харизматическим гидам.

Но как ни привлекательны были другие предложения, Эверест оставался драгоценным камнем в короне «Консультантов по приключениям». Это оправдывало большие затраты времени на организацию и оправдывало большой риск. Подъём клиентов на вершину Эвереста оставался хлебом насущным для компании до тех пор, пока они спускались целыми и невредимыми.

Несмотря на львиную долю в рекламе Холл и Болл не были единственными претендентами на высочайшую вершину. Другие компании, не менее амбициозные, стремящиеся откусить кусок от пирога — Эвереста, теперь соперничали за получение пермитов и клиентов.

Британская компания «Гималайские королевства» вступила в

борьбу в 1993 году под руководством Стива Белла, альпиниста и бывшего армейского офицера, совершившего выдающиеся зимние восхождения на северную стену Айгера и Маттерхорн. Белл топтал склоны Эвереста в двух армейских экспедициях в 1988 и 1992 годах (хотя он и достиг высоты 8400 м), вершина не покорилась ему. Они объявили цену в $21 000 с человека и установили квалификационный уровень высоты в 7000 метров, которого должен был достичь каждый потенциальный клиент. В процессе отбора Белл отклонил заявку журналистки Ребекки Стефенс, считая её «слишком неопытной», но согласился взять пятидесятишестилетнего актера Брайана Блессида, делающего вторую попытку. Известность Брайана должна была увеличить количество публикаций вокруг экспедиции, но было сомнительно, что он станет реальным претендентом на вершину.

Стив Белл подошел к проблеме Эвереста с армейской пунктуальностью. Хотя он не обладал явной харизмой, как Холл и Болл, его лидерство с каждым разом становилось очёвиднее. Он провел семь платных клиентов на вершину Эвереста через Южное седло, включая Рамона Бланко, испанского производителя гитар, постоянно проживающего в Венесуэле, в возрасте шестидесяти лет, ставшего старейшим покорителем Эвереста. Они также провели на вершину Гинет Харрисон, вторую британку, взошедшую на Эверест.

Ребекка Стефенс, отвергнутая «Гималайскими королевствами», была принята в другую экспедицию и оказалась на вершине на пять месяцев раньше Харрисон. Гордость не позволила Беллу признать, что, исключив Ребекку из списка, он совершил ошибку.

«Гималайским королевствам» повезло в двух отношениях: во-первых, они попали в период исключительно хорошей погоды и, во-вторых, им удалось избежать катастрофы, лишь случайно никто из них не оказался в лагере 3 (7400 м) на склоке Лхоцзе, когда огромная лавина разрушила и смела лагерь. Правда, 4 августа на Хан-Тенгри (7010 м) в горах Тянь-Шаня, подобная лавина убила двух русских гидов и двух британских клиентов.

И теперь благодаря газетам, пестрящим фотографиями неопытных путешественников на их пути к вершине, восприятие Эвереста во всем мире изменилось раз и навсегда. Для печати миф об Эвересте стал окончательно развенчан. Эверест стал доступным, как Порше, Мерседес и любая забава.

Все, что от вас потребуется — это сменить штиблеты от Гуччи на пару пластиковых ботинок и — вершина ваша. Возникло новое ощущение, что взойти на Эверест может любой относительно здоровый человек, имеющий желание и деньги. За несколько лет

Эверест из высотного заповедника для лучших альпинистов превратился в «троффи-пик» для нового поколения так называемых в прессе «социальных альпинистов». Эти люди, не имея представления об опасностях, готовы почти за любые деньги купить «билет» на гору, чтобы поставить на камине фотографию с вершины.

Теперь Эверест снова был в центре внимания прессы. «Очередь на Крышу Мира», — так называлась передовая статья в «Обзервер ревю» 16 мая 1993 года. Эта ситуация контрастировала с положением, создавшемся в конце 1980-х, когда средства массовой информации потеряли интерес к Эвересту. Пресса стала уставать от репортажей об основных пройденных маршрутах, о восхождениях без кислородной поддержки с юга и с севера. В сентябре 1988-го смерть шерпы в лавине на Эвересте была удостоена отчетом из восемнадцати слов в газете London Times. Сообщение о молниеносном восхождении Марка Батарда (за двадцать два часа вверх и вниз) в той же газете был на семь слов длиннее. Для сообщения о смерти пяти польских альпинистов в Лавине в мае 1989 года хватило места меньше дюймовой колонки.

Теперь тысячи дюймовых колонок были посвящены новой эре экспедиций на Эверест, сопровождаемых гидами.

Разгорелись новые споры. Коммерциализация Эвереста подверглась критике со стороны влиятельных кругов и со стороны сэра Эдмунда Хиллари, чьё интервью было опубликовано в газете Newsweek в мае 1993 года, совпавшее с сорокалетней годовщиной первого восхождения Хиллари на Эверест. В своем интервью он сказал: «Больше всего мне не нравится то, что восхождения на вершины стали коммерческими предприятиями. Эверест слишком значимая гора, чтобы вызов ей был доступен за деньги».

Это уже был не первый раз, когда сэр Эдмунд включался в дебаты по поводу Эвереста. В 1990 году «Ассоциация Свободной Прессы» опубликовала его призыв прекратить альпинистскую деятельность на Эвересте на пять лет, чтобы природа смогла восстановиться от ущерба, нанесенного сотнями альпинистов, толпящихся на склонах.

Восхождение Питера Хиллари, сына сэра Эдмунда, иллюстрирует растущий трафик в мае этого же года. В тот день, когда он поднялся на вершину, ещё шестнадцать альпинистов вписали своё имя в постоянно растущий список покорителей.

Как новозеландцы, увлеченные в детстве сэром Эдмундом, Холл и Болл были глубоко задеты публичной критикой со стороны Хиллари. Был и другой повод: компаньонами Питера Хиллари по восхождению на Эверест в том мае 1990-го были ни

кто иные, как Роб Холл и Гэри Болл. Ещё больше их огорчило то, что высказывания Хиллари повлекли за собой разбор их усилий во все более враждебно настроенной прессе. Делая гору доступной для обычного человека. Холл и Болл проводили тонкую и опасную линию связи с общественностью. Но до сих пор их шарм и талант создания хорошей репутации оберегали от нападок.

Пока им сопутствовала удача. Но как долго это может продолжаться? Как раз в 1991 году в редакторском комментарии в альпинистской прессе был поднят вопрос о надвигающейся катастрофе.

Бернард Ньюмэн, редактор «Горного журнала», писал в апреле того же года по поводу коммерческих экспедиции на Эверест:

> «Это служит примером плохого отношения к горам. Было бы отвратительно для Гималаев, если они будут использоваться так же, как Цермат или Монблан. Люди думают, что с применением новых технологий, одежды и доступности горы стали меньше. Это не правда. Они такие же, как и были всегда, и они напомнят об этом».

Среди альпинистской братии росло такое чувство, что сопровождаемые гидами экспедиции на высоту более 8000 метров играли с огнем, и рано или поздно несчастье обрушится на них.

Несчастье действительно постигло «Консультантов по приключениям», но оно не касалось коммерческих восхождений. 6 октября, спустя полгода после своего сорокалетия, Гэри Болл умер от отёка легких на высоте 6500 метров на северо-восточном гребне Даулагири — восьмой по высоте горе в мире. Они были здесь с Робом Холлом в частной экспедиции, втиснутой в их плотный график. Это была их шестнадцатая крупная совместная экспедиция, и не в первый раз Болл страдал от резких приступов горной болезни. В предшествующей эпопее на К-2 (дикой горе) пришлось срочно спускаться с верхнего лагеря, так как Боллу стало трудно дышать.

Он умер на руках у Холла. Через два дня опустошенный Холл опустил тело своего партнера по альпинизму и друга в ледниковую трещину на склоне Даулагири, на своей самой любимой верёвке. Потом он написал в некрологе следующие слова:

«В своей двадцатилетней карьере гида он гордился своим никем не побитым рекордом безопасности. Его величайшим достижением как гида было сопровождение клиентов на вершину Эвереста, и он получал огромное удовлетворение от того, что

этой цели смогли достигнуть альпинисты, обладающие более скромным мастерством».

Свой некролог Холл закончил такими словами: «Некоторые люди входят в вашу жизнь и оставляют следы в вашем сердце — и эти следы не стираются никогда».

Смерть Гэрн Болла глубоко потрясла Роба Холла, но его решение продолжать коммерческие «приключения», которые они вместе основали, оставалось неизменным. Брошюра «Консультантов по приключениям», выпущенная в 1994 году, была полна амбиций. Заголовок одной из их реклам в альпинистской прессе гласил:

«100 ПРОЦЕНТОВ УСПЕХА В ПОКОРЕНИИ ЭВЕРЕСТА!»

9 мая этого же года Роб Холл и легендарный американский высотник, Эд Вистурс, побив все рекорды, провели одиннадцать участников экспедиции на вершину. Эта была первая экспедиция на Эверест, в которой все её участники взошли на вершину и благополучно спустились вниз. В то же время Роб Холл стал первым представителем запада, достигшим вершины четыре раза.

В своей рекламной литературе «Консультанты по приключениям» отмечают, что за четыре экспедиции на вершине побывало 39 восходителей!

Однако в 1995 году удача, сопутствующая команде первые несколько лет, отвернулась от них. Экспедиция «Консультантов по Приключениям» вынуждена была остановиться в нескольких часах ходьбы от вершины. Из-за глубокого снега и крайней усталости команды Холл принял решение повернуть назад. Его решение было мудрым, основано на знании гор и понимании опасности оказаться на вершине слишком поздно, но, тем не менее, оно не соответствовало рекламному заявлению — «100 ПРОЦЕНТОВ УСПЕХА В ПОКОРЕНИИ ЭВЕРЕСТА!» — ещё свежему в головах конкурентов.

Теперь в предмуссонный сезон 1996 года «Консультанты но приключениям» вернулись сюда вновь. Здесь же оказалась и британская компания «Гималайские королевства» из Шеффилда, их конкуренты, «укравшие» у Роба Холла часть славы своей успешной экспедицией 1993 года. Сейчас «Гималайские королевства» решили покорить Эверест с севера по более длинному и технически сложному маршруту, они уже пытались пройти этот маршрут в 1994 году, но ни один из их участников не достиг вершины.

«Консультанты» выбрали «стандарт» — пройденный и проверенный маршрут с юга. Холл начал подготовку с привычной основательностью. Как сказала Каролина Маккензи, «когда дело дошло до планирования, то здесь не было место благодушию, Роб

постоянно думал о возможных неприятностях и вникал в мельчайшие детали».

Рядом на южной стороне расположилась другая коммерческая экспедиция — «Горное безумие», ведомая колоритным сорокалетним американским альпинистом Скоттом Фишером, который намерёвался ворваться в прибыльный рынок под названием «Эверест».

Фишер по своему телосложению принадлежал к типу людей, обычно встречающихся в голливудских агентствах. Он выглядел как американский герой, высотник, желающий быть первым. Фишер был амбициозен до кончиков пальцев, с тех самых пор как он начал ходить в горы в Вайоминге в возрасте пятнадцати лет.

Волосы Фишера были собраны на затылке наподобие лошадиного хвоста. Всегда гладко выбритый, с лицом, будто высеченным из камня, он был харизматическим лидером и хорошим рассказчиком.

«Скотт руководил командой не так как Роб Холл, — сказал мне участник конкурирующей команды, — он мог вести себя артистически на вершине и без сомнения мог увлечь команду».

Он впервые вёл коммерческую экспедицию на Эверест, но ни у кого не возникало вопросов, справится ли он с этой задачей. Фишер, как и Роб Холл, был высококлассный высотник. В 1992 году он взошел на К-2 и в 1994 году на Эверест без кислородной поддержки.

«Горное безумие» было создано в 1984 году, но потребовалось более 10 лет, прежде чем Фишер провел свою первую успешную коммерческую экспедицию на вершину высотой 8000 метров. Объектом экспедиции 1995 года он выбрал Броуд Пик в Каракоруме в Пакистане и использовал материалы этой экспедиции в рекламных проспектах перед экспедицией на Эверест в следующем году.

Эверест требовал плату в размере $65 000, и Фишеру дважды повезло за предшествующие отправке экспедиции месяцы. Первой удачей стало то, что ему удалось заполучить в качестве гида Анатолия Букреева, бесспорно одного из лучших альпинистов-высотников в мире. Букреев был родом из маленького российского шахтёрского городка Коркино, расположенного всего в восьми-десяти километрах от границы с Казахстаном. Поблизости находился Урал, где он впервые почувствовал любовь к горам. Имея ученую степень по физике, Букреев избежал участия в Афганской войне и работал тренером но беговым лыжам и альпинизму в СКА в Алма-Ате. Букреев преуспевал в восхождениях на семитысячники у себя на родине, но это продолжалось только до 1989 года, пока он не получил

разрешение на поездку в Непал, где его поджидали более высокие и более привлекательные горы.

Вторая удача Скотта Фишера явилась в образе Сэнди Хилл Питтмэн — высокопоставленной особы в нью-йоркских общественных кругах, ставшей одной из восьми его клиентов, вооружённой огромным количеством коммуникационного оборудования от телевизионного канала NBC, которому следовало слать отчеты о восхождении и отмечать ежедневное продвижение команды на специальном сайте в Интернете.

Фишер знал, что доставив Питтмэн (она уже трижды делала попытку взойти на Эверест) на вершину, получит массу публикаций о «Горном безумии», что выдвинет его компанию в лидеры.

«Гималайские королевства» также сумели взять с собой пятидесятидевятилетнего британского актера Брайана Блессида, тоже известную личность. Его очарование Эверестом (некоторые называли это одержимостью) привлекло внимание лондонской ITN Productions. И только благодаря этому я обнаружил себя на нижних склонах горы, смотрящим на Эверест и желающим знать, каким же образом я собираюсь делать фильм о горе, на которую даже и не мечтал ступить ногой.

Предложение отправиться в Тибет было получено но телефону 4 января.

2

— Мэтт? Это Алисон из ITN Production. — У меня Джулиан Вэер для вас…

Мое сердце перестало биться. Мне очень нужна была работа. Кипа «последних предупреждений» валялась рядом с телефоном, недавно мы были близки к закладу нашего имущества, компания хотела отобрать дом за неуплату.

— А, Мэтт. Это вы? Как прошло Рождество?

Мы обменялись дежурными шутками.

— Дело в том, что четвёртый канал заинтересован в показе фильма о новой экспедиции на Эверест Брайана Блессида. Это десятинедельная поездка, стартует 31 марта, не заинтересует ли она вас?

Вопрос был задан мимоходом, как приглашение на вечернику.

— По какому маршруту?

На другом конце провода послышался бумажный шорох.

— С севера, с тибетской стороны, — ответил он.

С севера. Эти слова вызвали спонтанную химическую реакцию внутри меня. Со скоростью 3620 километров в час пачки электрических импульсов как борзые неслись в моем сознании. В нескольких дюймах впереди них бежал глупый заяц, на его спине красной краской было намалёвано слово «ответственность». Тридцатипятилетний женатый человек, отец троих детей, должен думать о таких вещах. Осторожно.

Но у меня не было времени, Джулиан Вэер не тот человек, кто будет ждать. Две миллисекунды, три миллисекунды, четыре…

Борзые набросились на глупого зайца с маниакальным рёвом, радостно разрывая его на куски своими клыками.

— Да.

— Хорошо, я организую встречу с Брайаном.

Звонок был прерван мягким щелчком. Дышать стало трудно.

Моя жена Фиона с пятилетним сыном Грегори, картинно расположившись на полу среди обрывков оберточной бумаги и пенопластовых внутренностей коробок от новогодних подарков, играли в настольный футбол. Семилетний Алистар настойчиво боролся с эпидемией грызунов в Супер Нинтендо, компьютерной игре, в то время как девятилетний Томас лежал на диване, делая вид, что учит уроки, читал юмористическую книгу.

— Думаю, что мне только что предложили работу.

Фиона приготовилась пробить из-за линии штрафной площадки, её палец, как пустельга на охоте, завис над маленькой

фигуркой футболиста.

— О, да.

Она даже не подняла глаз. Её палец, настраиваясь на удар, сдвинулся на долю миллиметра.

— Это Эверест. Десять недель.

Её палец провел молниеносный удар, вогнав мяч, величиной с горошину, под верхнюю перекладину ворот.

— Дети, посмотрите внимательно на своего папу, вы, возможно, его долго не увидите.

Дети проигнорировали её, Грерори выстроил своих игроков для нанесения удара по центру.

— Я серьёзно. Это предложил Джулиан Вэер.

— Вау.

— Его четвёртый канал заинтересовался второй попыткой Брайана Блесснда.

— Не может быть, — Фиона быстро остановила контратаку Грегори. — Если ты думаешь, что кто-то в здравом уме собирается поручить тебе это, то ты ошибаешься. Он слишком толстый. Они уже делали фильм о его попытке влезть на эту дурацкую гору.

Нет на земле более циничного человека, чем жена внештатного телевизионного режиссера. Что касается работы, то, если бы я возвратился домой из поездки в Ватикан и сказал Фионе, что Папа собственноручно вручил мне гарантию, написанную своей кровью, что он поручает мне сделать следующий документальный фильм, её ответ был бы: «Ха-ха».

И почему это так? Одиннадцать лет назад она была двадцатитрехлетней цветущей девушкой с цветами в волосах, которая шутя ставила подножку в проходе деревенской церкви в Саксесе. Она верила всему свету и его людям. И мне. Возможно, она видела выбранную мною карьеру телевизионщика благородной, несущей развлечение и свет в дома людей. Выйти замуж за телевизионного режиссера было тем, чем можно гордиться? О, все это было прекрасно.

Теперь она знала правду. И это не есть хорошо. Телевизионный бизнес грязен. Чтобы выжить в нём, нужно быть немного лаской, немного питоном и немного волком. Чтобы в нём преуспеть, вы должны быть на 99 процентов огромной белой акулой. Способность нагло врать также быстро приходит, особенно если вы внештатный сотрудник.

Вы становитесь лаской, чтобы ваш проект программы оказался у ответственного редактора. У него уже полно предложений, таких как ваше и нет времени прочесть ни одно из них. Втихомолку, проскальзывая в вентиляционную шахту, вы

кладете своё предложение ему на стол и молитесь, чтобы зазвонил телефон.

Он зазвонил. Волна радости, эйфории, ощущение; что мир прекрасен, захлестывает вас после этого.

Ответственный редактор проявил «интерес».

Вот тогда вы становитесь питоном. Вы сжимаете ответственного редактора своими кольцами. Сжимаете сильнее, а он выскакивает и исчезает. Стоит на минуту ослабить захват, и он тут же проявляет интерес к чьей-то другой идее.

Месяцами продолжаются встречи. Партнеры найдены в самых отдаленных уголках планеты. Операторы вытащены из особняков и приглашены на ланчи в столовые в квартале Сохо. Момент приближается. Телефоны накаляются докрасна. Вы снова начинаете пользоваться своей карточкой в магазине.

Вдруг мир переворачивается. Звонит ответственный редактор. Он отвергает ваше предложение.

Теперь вы становитесь волком. Вы рычите, вы обнажаете клыки и бросаетесь в бой.

Прибегая к хитрости, нытью, вранью, лести и ругани, встречая упрямый отказ, вы вынуждаете ответственного редактора изменить своё мнение.

Вдруг он обнаруживает, что перед ним величайший проект, какого он ещё не встречал.

Фейерверки. Шампанское. Вы покупаете новый ноутбук.

Все хорошо. Вы оказываетесь в каком-то уголке земного шара рядом с кинокамерой, заряженной четырьмястами фунтами целлулоида. Вы говорите «мотор». Оператор дает старт. Урчит мотор и крошечный прямоугольник света, проходя через линзы точно за одну пятидесятую долю секунды, экспонирует кадр фильма, меньше почтовой марки. Первый из миллионов кадров, которые потом составят вашу программу.

Тогда вы захотите знать, есть ли на свете ещё более ненормальная работа. Тогда вы поймете, что любите её.

Фиона победно завершила игру в футбол. Мама — 3, дитя Грегори — 0.

Я все ещё таращился на телефон. «Замётано. Это грандиозно. Я почувствовал это своими костями. Я отправляюсь на Эверест».

Фиона взглянула на меня своими большими карими глазами.

— Я собираюсь за покупками. Что бы ты хотел на ужин?

***

Через два дня я спустился по улице Грейс Инн в Главное Управление ITN. Главное Управление — это действительно подходяще слово, не говоря о простых офисах, расположенных здесь. Устрашающий восьмиэтажный атриум мог бы поглотить все здания других компаний, вместе взятых, где я когда-либо работал.

Стеклянный лифт со свистом вознес меня на второй этаж, где изысканный Джулиан Вэер разлил кофе из элегантного фарфорового чайника и кратко изложил суть проекта.

Предлагалось сделать одночасовой документальный фильм для четвертого канала, который будет показан под рубрикой «Неожиданные встречи». Понимая, что фильм столкнется с обычными бюджетными трудностями, мы решили создать исключительный творческий коллектив. Он должен был состоять из режиссера, в моем лице, и двух операторов, один из которых владел бы мастерством снимать на вершине, если экспедиция окажется успешной. На подготовку оставалось мало времени. Экспедиция должна была отправиться в Катманду менее чем через три месяца, а фильм до сих нор не получил определенного аванса от радиовещательной компании.

Когда мы приступили ко второй тарелке датского печенья, в офис с громовым ревом ворвался Брайан Блессид, его борода встала дыбом, а в глазах светился странный демонический внутренний огонь.

— Ледоруб генерала Брюса!

Он размахивал древней, деревянной палкой с ржавой пикой на конце. Брайан с восхищением смотрел на него.

— Мне только что вручила это его семья. Я собираюсь внять его с собой на северный маршрут. Тысяча девятьсот двадцать второй год, вы даже не представляете, что сделали эти люди и генерал Брюс — один из них.

Джулиан познакомил нас. Брайан был в восторге. Знакомство заняло ровно десять секунд.

— Вот. Смотрите, Мэтт, мы уже здорово продвинулись.

Брайан нервничал, я тоже. Как режиссер, я понимал, что для нас обоих необходимо сработаться. За свою карьеру менеджера мне приходилось наблюдать, что происходит, когда режиссеры и их «звезды» не находят общего языка. Жизнь слишком коротка, чтобы снимать кино с людьми, которые тебе не нравятся.

Брайан был одет, как фермер, идущий в выходной день на вечернюю кружку пива. Его толстовка несла следы метания низколетящих уток (у Брайана был впечатляющий зверинец полудиких животных), а из оборванных толстых штанов

выглядывали стоптанные кожаные ботинки.

— Важно, Мэтт, быть уверенным, что на вашей чертовски хорошей шляпе есть завязка. Если её нет, то ветер сдует шляпу с Ронгбукского ледника и вы лишитесь её.

Последовала длинная пауза, и я записал в моей записной книжке: «Шляпа с завязкой».

Брайан был во всем эксцентричен и в том числе в своей любви к Эвересту. Он мог назвать каждого участника каждой предвоенной экспедиции на Эверест, мог вспомнить их испытания и злоключения с большой точностью. Он знает все маршруты, которыми они шли, высоты, которых они достигли, несчастья, которые они испытали, когда Эверест отбрасывал их назад с трагическим исходом (как это часто и бывало).

В 1990 году, по прошествии многих лет неоплаченного топтанья на месте, наполненных разбитыми обещаниями и препятствиями, которые сломали бы любого другого человека, Брайан убедил Би-Би-Си и продюсера Джона Пола Дэвидсона сопровождать его в походе на Эверест с севера. В результате появился девяностоминутный фильм «Галаад Эвереста», в котором много места было отдано страсти Брайана по Эвересту и особенно его одержимости альпинистом Джоржем Лейхом Мэллори.

Одетый в альпинистскую одежду тех дней, Брайан восстановил маршрут британской экспедиции 1924 года. «Галаад Эвереста» взывает к духу прошедших лет, к таинственному исчезновению Мэллори и его партнера Эидрю Ирвина недалеко от вершины, трагедии, которая потрясла альпинистов и общественность в 20-х годах XX века и продолжает волновать сейчас.

Реальный успех фильму принесла возможность зрителю своими глазами увидеть действия Брайана на горе. Хотя создатели фильма поставили своей целью достичь вершины, прекрасная погода открыла «окно» на северный гребень, что дало возможность реально повторить восхождение Мэллори и Ирвина.

Вот тогда Брайан удивил всех и себя тоже.

Несмотря на лишний вес и отсутствие высотного опыта, Брайан достиг высоты 7600 метров на северном гребне. И все же высота и усталость вынудили его повернуть назад недалеко от лагеря 5. Испытания пыхтящего и отдувающегося Брайана так достоверно были отсняты оператором Дэвидом Бришерсом, что наблюдать за этим без кислорода было почти невозможно.

Фильм показал, как это прежде показывали очень немногие гималайские фильмы, что высота — это реальный враг. Зритель видел в каждом тяжелом шаге, в каждом глотке воздуха Брайана

ту физическую и моральную борьбу, которую он вёл. В противоположность невозмутимым опытным профессиональным альпинистам Брайан был человеком, на месте которого зритель мог представить себя.

Брайан поднялся высоко, выше, чем кто-либо мог предположить. Ему повезло, повезло и фильму. К моменту возвращения вниз он был на краю гибели. Но счастью рядом находился Дэвид Бришерс — сильный опытный альпинист-гималаец, имеющий в своем активе два восхождения на Эверест. Расчетливые действия Бришерса несомненно спасли Брайана от горной болезни, обморожения или чего-нибудь похуже. Мучительно медленно Брайан был доставлен в передовой базовый лагерь, где его встретил Джон Пол Дэвидсон с остальными членами команды.

Можно было предположить, что, побывав в священных горах, где пропал его герой Мэллори, и тем самым удовлетворив свои амбиции, Брайан повесит свои альпинистские ботинки на гвоздь и вернется к своей деятельности. Но «зов сирен», шедший от Эвереста, оказался слишком силён. В 1993 году Брайан вернулся к Эвересту, на этот раз он собирался взойти на вершину.

Для своей новой попытки он примкнул к коммерческой экспедиции, которую проводила компания из Шеффилда, под названием «Гималайские королевства». Вместе с остальными десятью участниками Брайану предстояло подниматься по южной непальской стороне тем же маршрутом, каким поднялись в 1953 году Эдмунд Хиллари и шерпа Тенцинг. Для организации высотных лагерей, доставки кислорода, еды и газа для приготовления пищи экспедиция опиралась на помощь шерпов. Каждый участник заплатил по $22 000.

В марте 1993 года экспедиция вылетела из Лондона в Катманду и прошла через долину Кхумбу к базовому лагерю, где и началось восьминедельное восхождение.

Если достижения Брайана в «галаадской» экспедиции были впечатляющими, то в 1993 году они были поистине удивительными. Будучи самым старейшим участником в команде пятидесятисемилетний Брайан поднялся выше Южного седла на высоту 8300 метров, не дойдя всего 500 метров до вершины.

Во время спуска с Южного седла Брайан и другие участники едва избежали смерти в лавине, которая сошла со склона Лхоцзе и смела на своем пути лагерь 5, расположенный на высоте 7500 метров, в котором они находились всего несколько часов назад.

На обратном пути команда вместе с Брайаном отпраздновала успех. Экспедиция под руководством Стива Белла привела на вершину восемь участников, рекордное количество для

коммерческих экспедиций, и Брайан снова доказал свою выносливость на предельной высоте. Поднявшись выше отметки 8000 метров без использования кислорода, он совершил настоящий подвиг, говорящий о больших возможностях альпиниста.

Теперь, в шестьдесят лет, Брайан заключил договор об участии в третьей экспедиции на Эверест и снова с «Гималайскими королевствами». И ваг он опять на северной непальской стороне, где шесть лет назад был снят фильм «Галаад». Тогда он был восторженным новичком, незнающим ни о разрушительной силе высоты, ни об умении отступить при необходимости. Теперь же он опытный участник двух экспедиций на Эверест, в его активе впечатляющий подъём на высоту более 8000 метров с южной стороны. Высокие достижения Брайана, учитывая возраст, говорили о его незаурядном таланте высотника и о безграничном энтузиазме в достижении поставленной цели.

Но хватит ли этого? Сможет ли Брайан взойти на вершину? Или он достиг своего потолка в экспедиции 1993 года, выше которого он никогда не поднимется?

Для меня этот вопрос был жизненно важным. Я не хотел повторять «Гадаад Эвереста», а хотел показать в фильме весь путь до самой вершины и Брайана на ней.

У Брайана не было никаких сомнений.

— В этот раз я собираюсь дойти, Мэтт. С Божьей помощью я сделаю это!

Кофе Брайана так и стоял нетронутым перед ним. Он размахивал знаменитым ледорубом, периодически стуча им по коленной чашечке для подкрепления своих слов.

— Я начну пользоваться кислородом намного раньше. Надо было нацепить эту маску на южном склоне, но я был чертовски горд для этого. Но теперь я сделаю это, и вы будете со мной, чтобы отснять лучший гималайский фильм из всех сделанных ранее!

Ледоруб генерала Брюса рассек воздух в драматическом росчерке.

— Созданы ли вы для гор, Мэтт? — спросил Брайан.

— Думаю, самую малость, — ответил я и подарил Брайану мою самую сдержанную улыбку.

Действительно, для того, кто задумывается о создании фильма об Эвересте с севера, мой альпинистский опыт выглядел весьма сомнительно. В числе моих прежних достижений были только два восхождения. Одно во время треккинга в Гималаях на пик Покалде, высотой 5700 метров и на неприметный вулкан в Эквадоре примерно такой же высоты. Для серьёзных гималайцев

это просто бугорки, на которые можно подняться для разминки перед завтраком.

Взойти же на них было предельно трудно.

Более тревожным, чем эти сомнительные победы, были те ошибки, которые преследовали меня во время альпинистской стажировки.

Я почти мог гордиться попыткой взойти соло на Бэн Нэвис в октябре 1981 года, будучи студентом университета в Дархеме.

Оно началось довольно обнадеживающе. К полудню в пятницу я добрался на попутной машине до Эдинбурга, а затем до Глазго, К вечеру начался ливень, и пришлось остановиться.

В 2-30 ночи я застрял севернее Дамбартона, насквозь промокший и переполненный чувством жалости к себе. Редкие проезжающие машины не желали останавливаться.

Вспомнив о сервисной станции, оставшейся в нескольких милях позади, я решил вернуться к ней и дождаться там рассвета. Я шёл с поднятым вверх большим пальцем без всякой надежды, что меня подберут.

К моему удивлению, машина остановилась. Это оказался дом на колесах, переделанный из старого фургона «Рыба и картошка». Семья пригласила меня в машину, посочувствовав моему состоянию. Когда водитель узнал, куда я собираюсь, он предложил мне вместо Бэн Нэвиса взойти на Сноудон.

Семья ехала домой во Флинт, расположенный на северном побережье Уэльса. Они собирались довезти меня туда к рассвету, и мне бы остался небольшой перегон но дороге А5151 до Бангора, затем короткий бросок до Сноудонии, откуда величественный пик может быть быстро и победоносно покорен.

В машине было тепло, мне было предложено сиять мокрую одежду и прилечь. Бэн Нэвис подождёт. Он ждёт до сих пор. Я пока ещё не взошел на него.

Когда я проснулся во Флинте, то обнаружил одну из девочек-двойняшек, ей, наверное, было около восьми-девяти лег, укрывающую меня одеялом, пока я спал.

— Я думала, вы замерзли, — сказала она и дала мне батончик Марса на завтрак.

Путь в Сноудонию оказался гораздо длиннее, чем предполагалось. Только к середине дня я доехал до Бетвс-и-Коед. Низкие облака, как одеялом, накрыли национальный парк, уменьшив видимость до нескольких сотен метров. Гору было не видно, и у меня не было карты и не было денег, чтобы её купить.

Посмотрев на карту на парковке в национальном парке, я отправился в тумане под моросящим дождем по направлению к Сноудону. Два часа я тащился по болотистой тропе, которая

упрямо пролегала по низу долины. Я уговаривал сам себя, что, конечно же, скоро начнется подъём. Тропа тем временем превратилась просто в болото. Я поймал себя на том, что перепрыгиваю с одной кочки на другую. Топкие ямы с черной тиной подстерегали с обеих сторон. Облака сгущались, и я потерял дорогу окончательно. Я стал искать путь наверх через поля, где с кислыми мордами паслись овцы, преодолевая каменные стены, пока не зацепился за забор из колючей проволоки. Случайно на исходе хмурого дня я наткнулся на остов брошенного трактора и признал своё поражение. Сноудон может подождать, подумал я.

В моей поклаже была четвертинка Южного Комфорта. Я выпил её менее чем за полчаса, затем съел пачку печенья и сосиску. Почувствовав тошноту, я начал отступление с горы, если я вообще был на горе, и к ночи оказался на асфальте.

В понедельник утром за несколько минут до начала лекции я, изможденный, с красными глазами, наконец, автостопом добрался до Дархема. Странно, но, несмотря на жгучий стыд, что никуда не залез, я считал, что прекрасно провел выходные дни.

Частью моей альпинистской истории, о которой я сейчас рассказывал Брайану и Джулиану, было время, когда я работал в качестве гида. Летом 1984 года я провел несколько треккингов в Атласских горах в Марокко для компании «Познавай мир», устраивающей походы выходного дня.

Каждые две недели новая группа прилетала в Марракеш из Парижа. Я обычно сидел в аэропорту в кафе, попивая что-нибудь в компании Филиппа — французского гида из конкурирующей компании, и наблюдал, как вновь прибывшие выходят из самолета. Филипп обладал талантом отбирать клиентов для своей группы.

— Это моя, — заявлял он доверительно всякий раз, когда появлялась симпатичная девушка.

— Это твоя, — звучало каждый раз, когда появлялась пожилая или не отвечающая требуемым стандартам Филиппа женщина.

Больше всего бесило то, что Филипп почти всегда оказывался прав. «Le Trekking» была престижной компанией в то время во Франции, и его группы действительно в большинстве состояли из девушек. Мои же группы состояли в основном из усатых пожилых матрон и бородатых библиотекарей. На маршруте группы Филиппа представляли собой блистательный парад облегающих велосипедных шорт и зеркальных солнцезащитных очков. Мои же были одеты в молескиновые (молескин — плотная прочная ткань) бриджи и рубашки с начесом, выброшенные с армейских складов.

В аэропорту Филипп бросал мне прощальное:

— Как всегда, Мэтт, у меня газели, а у тебя козлы! Увидимся через две недели.

Без особых усилий посадив лучшую часть добычи в свою Тойоту-турбо, Филипп с ревом срывался в ночь со своими газелями, оставляя позади себя след дизельных выхлопных газов и «Шанели».

Оставив раздражение но этому поводу, время, которое я провел как руководитель треккинга в горах Высокого Атласа, было очень хорошим. Я понял, какие странные вещи случаются, когда встречаются горы и люди. Треки не были тяжелыми, около шести часов ходьбы ежедневно, но в условиях летней марокканской жары они были достаточно утомительными. В Высоком Атласе я наблюдал, как меняются люди, когда меняется настроение гор от одной долины к другой.

Горы снимают шкуру с альпиниста, как разбирают машину на свалке. Они снимают верхний слой, кожуру, оставляя очищенную сущность — шасси, к которому привинчены части тела. Спокойные участники могут вдруг прийти в сильную ярость. Суровый житель Глазго может пустить слезу. Тихие как мыши матроны могут превратиться в горных львиц, взбираясь на пики и обратно в долину со сверхчеловеческой скоростью. Посреди этого волнующегося меняющегося бытия находится руководитель трека, подбадривающий, информирующий и старающийся не допустить, чтобы одни участник разбил другому голову во время случайного столкновения. Эта требующая психологического подхода, физически изматывающая работа замешана на мягком, ироничном юморе, который кажется неизменным атрибутом британца, оказавшегося в группе.

Мне нравилось это. Особенно, когда одинокая привлекательная газель покидала Марракеш с багажной биркой «Познавай мир» на своем рюкзаке.

— Моя, — говорил я Филиппу. И он плевался от злости.

Но треккинг — не альпинизм, и Тубкаль 4165 метров — наивысшая точка в горах Высокого Атласа был бы просто чернильной точкой на карте Гималаев;

Короче, я был совершенно неподготовленным для экспедиции на Эверест, по технически трудному маршруту с севера. Как упоминалось ранее, я никогда не поднимался на высочайшие вершины Европы. Я не только никогда не оканчивал обычного курса альпинистского обучения, но и не имел элементарных навыков работы с верёвкой. Еще хуже была моя склонность совершать ошибки. Развернутые карты вылетали из моих рук на легком ветру, карабины мистически выпадали из обвязки,

бутылки с водой выпрыгивали без предупреждения из карманов моего рюкзака и улетали вниз по ледовым склонам. Я поджигал палатки, ронял спальные мешки в замерзающие реки, а потерянных солнцезащитных очков вполне хватило бы на средний магазин. Такая неловкость создает неудобства на небольших высотах, но на высоте свыше 8000 метров она может вас погубить.

— Я только сделаю виды из базового лагеря, — сказал я Брайану, — а высотную съемку оставлю специальному оператору.

— Ерунда. — Брайан был непреклонным. — Вы будете со мной до конца. Однажды вы выйдите оттуда и увидите, какая великая сияющая пирамида стоит над Ронгбукским ледником, и вы попадете под её чары.

Брайан пожал до хруста пальцев руку на прощание и поехал в Сохо, в студию, озвучивать фильм.

***

— Вы думаете, это может сработать? — Джулиан вылил осадок от кофе. Несмотря на то, что Брайан успел мне понравиться, с точки зрения режиссёра проект имел ряд нерешённых вопросов.

— Я думаю, мне надо кое в чем разобраться. Не следует торопиться, пока мы не будем абсолютно уверены, что Брайан сможет попытаться взойти на вершину. Если да, и мы сможем найти способ отснять это, то действительно что-то получится. Если нет, то мы будем иметь ремейк Галаада, а я этого не хочу.

Джулиан дал мне неделю собраться с мыслями.

Я стал прикидывать шансы Брайана. Я поговорил с некоторыми из высотников, знавших Брайана, и все они в один голос сказали одно и то же, основываясь на впечатляющем высотном достижении Брайана, что он сможет попытаться взойти, если всё сложится хорошо и погода и график.

Как профессионал я склонялся к тому, чтобы принять предложение, и, кроме того, была личная причина, по которой идея провести десять недель в Тибете выглядела привлекательной.

Мой одиннадцатилетний брак трещал по швам, и я отчаянно пытался разрешить его кризис. Я стал понимать, что Эверест смог бы дать мне необходимое время, чтобы избежать ошибки.

3

Я встретил Фиону в 1981 году на первом курсе Дархемского университета, что на севере Англии, но только через некоторое время понял, как я люблю се. Я изучал археологию и антропологию, она искусство, так — что мы редко встречались в аудиториях, в действительности мы оба не часто посещали лекции.

У Фионы была дерзкая улыбка, каскад непослушных черных кудрей и вызывающе короткие юбки. Она курила сигареты «Бенсон и Хеджес», коротко стригла ногти и пила так много джина с тоником, что однажды её друг подарил ей на день рождения пять упаковок от Юнайтед Дистиллерс. Она могла разгромить лучших университетских теннисистов даже после полбутылки Пиммса, но никогда не вступала ни в какую команду, возможно, не желая лишних хлопот. Я думал, что это было весьма дерзко.

Всякий раз, когда я ловил мимолетный взгляд Фионы, мне казалось, что она проплывает мимо на лодке, или пьет шампанское на университетской лужайке в компании людей, опоясанных бархатными поясами.

Мы случайно встречались на вечеринках и знали друг друга достаточно хорошо, чтобы поздороваться на улице, но я был очень осторожен относительно её студенческих друзей независимо от того, как часто она заставляла меня смеяться. Мой окружающий мир состоял из исследовательского общества второкурсников Дархема, каковым я сам являлся. Мои друзья были путешественники, скитальцы, мечтатели, проводящие каждый свободный момент, склоняясь над картами и обозначая места, которые они не могли себе позволить посетить. Мир Фионы вращался вокруг драматической сцены и любителей попить пиво из университетской команды по регби. У нас не было общих друзей.

Было и другое препятствие между нами к моменту нашей первой встречи. Фиона была увлечена кем-то, я был увлечен разными кем-то. Моя жизнь протекала через периодические затруднения, в которых долгосрочные, среднесрочные и пара краткосрочных отношений одновременно сталкивались, заканчивались, разрывались или подходили к постылому концу.

А потому шансы установить отношения с Фионой выглядели шаткими, но всё неожиданно изменилось после трехминутного разговора, который у нас состоялся по время неожиданной встречи на улице. Я думаю, это был единственный раз, когда я

увидел её несущей книгу. Мы шли но одному из многих городских мостов, когда вдруг я спросил её, не желает ли она в выходные дни пойти в поход в горы Лэйк Дистрикта в компании друзей. К моему удивлению, она немедленно согласилась. Так все начиналось.

У меня были серьёзные намерения. Спустя несколько недель после похода, в середине лета, мы впервые поцеловались, после бутылки сидра, на вершине холма, созерцая вымазанные сажей шпили Дархема. Светило солнце, и воздух был наполнен пыльцой и пухом одуванчиков. Я страдал от приступа сенной лихорадки. Посреди поцелуя на меня напал чих.

К сентябрю, к началу нового учебного года, мы все больше времени проводили вместе. К Рождеству я с ужасом обнаружил, что окончательно влюбился. Перед зимними каникулами журнал «Тревелер» поручил мне написать статью о Транссибирской магистрали. Фиона поехала со мной. Бездельничая, пока поезд медленно преодолевал необъятные просторы бывшего Советского Союза, мы пили дешевое Российское Шампанское и занимались любовью в своем купе между станциями.

В Сибири станции очень далеко друг от друга.

Следуя обычному ходу развития моих прежних неудачных отношений с постоянными подругами, мои отношения с Фионой должны были бы остановиться. Но этого не произошло. Они крепли и крепли. К тому времени, когда следовало подумать о сдаче экзаменов, мы фактически жили вместе. В последние минуты, в панике, что время упущено, мне пришлось упорно учиться, чтобы окончить второй курс. Фиона также зубрила две недели ночь напролет.

Каким-то образом я попал на заметку Министерства иностранных дел, а точнее. М-16 — Разведывательного Управления. После ряда интервью в центре Лондона мне предложили поступить на службу, которая должна была погрузить меня в мир закрытого разведывательного сообщества. После долгих размышлений я отклонил их предложение. Я не хотел быть шпионом и уже выбрал работу на телевидении.

Мне надо было с чего-то начать. Я обратился на Би-Би-Си с просьбой включить меня в одну из программ для стажёров. Они ответили мне предельно коротким письмом, сообщив, что 38 миллионов человек претендуют на шесть вакантных мест, и я опоздал с подачей заявления.

В приступе ярости: «я покажу этому B Bloody (проклятому) C, какие они дураки» я подал заявление на первую встреченную в местной газете оплачиваемую работу и получил её. Чистка куриных сараев не являлась высококвалифицированной работой в

средствах массовой информации, которую я представлял себе, но это было начало. Это продолжалось три отвратительных дня, затем я перешел на такую же душепротивную строительную работу, которая заключалась в сборке шатров из частей с двойным остеклением, на фестивалях и ярмарках, в разных уголках страны.

Фиона работала в туристическом бюро, и мы складывали все наши деньги. Когда мы скопили достаточно денег, у нас возникла идея предпринять автопробег но пустыне Сахара на старом Лэндровере, который я недавно купил за $500. В день нашего отъезда опечаленные родители Фионы взглянули на нас полными слёз глазами, не будучи уверены в том, что увидят когда-либо свою дочь снова.

Они были недалеки от истины.

Лэндровер сломался. Внезапный щелчок раздался прямо посреди пустыни Сахара на пути из Таманрассета в Джанет, в глубине южной части Алжира. Машина сломалась в полном смысле этого слова, ржавое шасси лопнуло и развалилось над задним мостом на две части, в результате чего бедный старый Лэндровер тащил свою задницу по земле, как собака без задних лап. Если бы рядом случайно не оказалось итальянцев, мы попали бы в серьёзную беду.

Остроумно используя набор кусков сломанной листовой пружины (у меня был такой набор к этой стадии путешествия) и, просверлив отверстия в сломанном шасси, нам удалось придать машине более или менее первоначальную форму, соединив болтами сломанные части. Затем после сомнительных сварочных работ в ближайшем оазисе, мы поковыляли в Англию со скоростью около пятнадцати миль в час.

Как неугомонный путешественник, я подал заявление на работу в компанию «Познавай мир» и был принят в качестве руководителя походов выходного дня. В мой первый сезон в Атласских горах у меня было много времени на размышления, и мысли о Фионе преобладали в моей голове. Путешествие по Сахаре сблизило нас с Фионой ещё сильнее, и сейчас я понял, что отчаянно не хочу её потерять. После Высокого Атласа эта же компания уже включила меня в программу сплава на фелюге по Нилу в этом же сезоне. Этот факт отдалял меня от Фионы на неопределенно большой период, возможно на шесть месяцев, и я не был уверен, что она будет и дальше подолгу ждать меня без каких-либо долгосрочных обязательств.

Последние дни в Марокко я провёл, размышляя за пивом в отеле Фукалд в Марракеше о том, какие же отношения, действительно долгосрочные, будут иметь успех. Смогу ли я

отказаться от путешествий? Смогу ли я подавить в себе эту страсть, которая пронизывает меня, как кровь? Смогу ли я когда-нибудь, и от этих слов холодом повеяло внутри меня, остепениться.

Ответом на все эти вопросы был настойчивое «нет». Домашняя жизнь была на самом последнем месте в моем персональном списке. Она угрожала каждому проявлению свободы и казалось мне равносильной сдаче. После нескольких бутылок пива я все ещё боролся с проблемой и, в конце концов, решил положиться на подброшенную бутылочную крышку. Если крышка упадет названием вверх — значит, да, если обратной стороной, то — нет.

Я удерживал металлический диск на своем большом пальце около секунды, затем запустил его в воздух.

Когда я вернулся обратно в Англию, я сделал Фионе предложение.

Мы назначили свадьбу на сентябрь, и я отправился сопровождать пьяных австралийцев вниз по Нилу, оставив Фиону и её мать заниматься свадебными приготовлениями.

За первые годы Фиона превратила заднюю комнату нашего маленького дома в Санкт-Албансе в Тосканскую виллу и с небольшой разницей во времени успешно родила Томаса, Алистара и Грегори. Я занялся своей телевизионной карьерой. По удачному стечению обстоятельств Би-Би-Си предложила мне исследовательский контракт в Вогане — вечернем ток-шоу. Шоу проходило вживую, что добавляло определенную дозу адреналина. Здесь так же шло постоянное соревнование между восемью исследователями, которые должны были обеспечить постоянный поток высокопоставленных гостей, если хотели, чтобы их контракт был продлен.

Это было волнующее и обаятельное шоу. Наша обычная рабочая неделя была наполнена очень интересными встречами за ланчем с такими гостями, как Арнольд Шварценегер, Принцесса Анна, Мел Гибсон и Цза Цза Габор. Случались и драматические моменты — так в ночь перед программой «Живая помощь» продюсер передачи Джои Плоумен спохватился, что он хотел заполучить на этот вечер Боба Гелдофа. Мы спустились за Гелдофом в Уэмбли, где он участвовал в большом живом концерте, но не смогли оставить ему сообщение. Продюсер был неумолим.

— Пойди и приведи мне его.

— Но как?

— Я не знаю. Только приведи его на шоу.

Я умчался из телецентра около 15–50 на лимузине Би-Би-Си,

Вотан начинался в 19–00. Обманув охранников, я проник на стадион Уэмбли и обнаружил Гелдофа на сцене, где шла репетиция Бумтаунских крыс. В перерыве между актами я вышел на середину сцены, представился Гелдофу и сказал, что Би-Би-Си хочет пригласить его на вечерний выпуск Вотана. Гелдоф сказал мне в своей обычной манере, что он занят и не сможет прийти. Я же обратил внимание Гелдофа на то, что если он будет участвовать в шоу, он сможет убедить ещё восемь миллионов зрителей смотреть «Живую помощь» и на следующий день. Мы с Гелдофом незаметно ушли и после гонки по Вест Лондону появились в студии в тот момент, когда на экране бежал заголовок шоу.

Вот такая была программа.

К 1998 году я занимал прочное положение на Би-Би-Си с перспективой выпуска программ на несколько лет вперед. Но необходимость работать в большом учреждении угнетала меня. Я был готов к движению. Когда я взглянул на продюсеров надо мной, с их гарантированным жалованием и устойчивым ростом, я понял, что не желаю быть одним из преуспевающих сотрудников Би-Би-Си.

Я уволился с Би-Би-Си и стал внештатником, что большинство из моих коллег расценили как безумство. Фиона же полностью меня поддержала, несмотря на то, что мой поступок неизбежно ухудшал наше финансовое положение.

Джон Го Продакшен предложил мне мою первую работу в качестве свободного корреспондента, работу ассоциативного продюсера на ITV в сериях Вояджер, которые освещали экспедиции и приключения в диких уголках планеты. Тринадцать получасовых программ изменили направление моей деятельности и вытащили меня из дому. В первый год моей работы мне довелось снимать в таких странах, как Китай, Египет и Марокко. Сам процесс работы для Вояджера был очаровательным, но больше всего мне нравилось находиться в обществе и снимать людей, которые были лучшими в избранном ими виде приключений.

Фильмы были зрелищными, и ITV предоставляло им лучшее время — в начале вечера, где они собирали большую аудиторию. Но, по-моему, реальный успех фильмам принес тот факт, что мы показывали приключения. Мы старались вызвать актеров на откровение, чтобы больше узнать о том, почему они предпочитают рисковать своими жизнями ради целей, для большинства людей кажущихся безумными. «Залезть под кожу» героям было нашей задачей.

В 1990 году Я руководил выпуском второго сериала

Вояджера, снимая (среди прочих проектов) рекордный полет на планере с самого высокого в мире действующего вулкана в Эквадоре и попытку рекордсмена мира по водно-моторному спорту вернуть свой титул в этом наиболее опасном виде спорта.

Затем работы стало совсем невпроворот. Вместе с редактором Вояджера Колином Лэйком мы создали сериал BBCI — «Классические приключения», которые мы снимали в Индии, Кении, Бразилии и Гренландии. Мы немного раздвинули границы нового сериала, и экспедиции, которые мы снимали, были иногда экстремальными. В Индии мы отсняли очень рискованный сплав по водопаду на реке Брахмапутра, в Кении команду планеристов и пилотов сверхмалых самолетов, летящих через безжизненную пустыню Рифта Вэлли.

Жизнь внештатника на телевидении всегда опасна, но у людей, специализирующихся на экспедициях, с годами неизбежно возникали разные трудности. В моё постоянное отсутствие на плечи Фионы ложились все наши финансовые дела. Финансово мы всегда шли в одной связке, и ответственность за предотвращение заклада имущества в ипотечные компании и банки часто перекладывалась на неё.

Для меня путешествие было своего рода наркотиком, залогом успеха фильма, который я снимал, но находиться подолгу в дороге иногда было трудно и для меня. Во время становления моей карьеры я не мог позволить себе месяцами отрываться от работы, и это означало, что я пропустил много важных событий, на которых должен был присутствовать. Свадьба моего брата. Годовщины моей собственной свадьбы. Новогодние праздники. В половине случаев меня даже не было в стране, когда демонстрировались мои собственные фильмы.

Но есть предел терпения, после которого многочисленные телефонные поздравления «С Днём Рождения» своим детям из гостиничных номеров Чанг Мая или Мамбасы перестают сходить вам с рук. Так в 1992 году, когда я снимал фильм о пострадавших альпинистах, совершавших треккинг в Непале, сестру Фионы постигла неожиданная трагедия. У её тридцатиоднолетнего мужа Ховарда во время игры в регби случился сердечный приступ, и вскоре он умер. Я возвратился в Катманду после четырёх недель, проведенных в Гималаях без связи с внешним миром, и услышал эту трагическую новость от Фионы. Я, к сожалению, не попал на похороны, но что было важнее для меня, я упустил шанс помочь Фионе и её семье в это невероятно трудное время. Фиона действительно нуждалась в моей поддержке в эти трудные дни и недели. У нас бытовала, хотя и горькая шутка — «человек-невидимка», но в этом случае оставаться человеком-невидимкой

было совсем не шуткой. Я чувствовал, что в наших отношениях с Фионой образовалась глубокая трещина, и жить вместе стало трудно для нас обоих.

Вот список компаний, в которых я работал в ранних 1990-х: Ментори Фнльмз, Пионео Продакшенз, Антилопа Фильмз, Мозаик Пикчерс, Голдхоуз Пикчерс, Диверс Продакшснз, — все они желали приключений, а я был один из немногих режиссеров, специализирующихся в этой области. Где-то в глубине моего сознания и сознания Фионы уже замигали предупреждающие красные лампочки. Многие из проектов, которые я режиссировал, содержали элемент опасности или показывали людей, подвергавшихся риску. Телевизионщики хотят драмы и ожидают экстремальных экспедиций. Я много раз задавал себе вопрос, имею ли я право просить людей раз за разом сплавляться по опасным водопадам или снимать людей, лезущих без страховки по отвесным скалам, пока кто-нибудь из них не получит серьёзную травму. Ни один фильм не стоит малейшей травмы, не говоря о фатальном исходе, и я слышал о многих примерах, где съемки приводили к таковым.

Мысли о том, что дела могут пойти не так как надо, всё чаще посещали меня, что приводило к новым рискам для команды. Если перед нами оказывалась река, то мы переправлялись через неё. Если надо было обследовать систему пещер, то кому-то из команды приходилось делать это. В Китае на съемках фильма о сёрфере, который пытался прокатиться на самой большой в мире приливной волне, наша лодка попала в водоворот и перевернулась. При этом винт перевернутой лодки прошелся в нескольких дюймах от головы оператора. Я мог бы вспомнить ещё уйму таких ошибок, о большинстве из которых я никогда не рассказывал Фионе.

В январе 1991 года я заглянул в лицо смерти.

Мы снимали фильм о горе Вильям — пике в Антарктиде, на верхних склонах которого много висячих ледников и сераков. Во время спуска с вершины семеро из нас (пять альпинистов и два киношника) оказались в крутом ледовом кулуаре. Было четыре часа утра, и все было залито сумрачным полусветом антарктического лета.

Вдруг в нескольких сотнях метров над нами мы увидели ужасную картину. С северо-восточного склона на нас шла волна лавины. Она надвигалась невероятно быстро и вот-вот поглотила бы нас. Мне хватило несколько секунд, чтобы сообразить, откуда сошла лавина и понять, что оторвался весь северо-восточный склон. Мы знали, что снег находится в предлавинном состоянии, но мы шесть недель ждали погоды, чтобы взойти на пик, и это

был наш последний шанс. Теперь миллионы тонн снега и льда готовы были стереть нас в порошок.

У меня не было никаких сомнений, что всем нам пришел конец. Так думали и остальные шестеро. Мы зарылись в лёд и ожидали, когда лавина сбросит нас и разобьет о скалы в сотнях метрах под нами. Это очень любопытное ощущение быть полностью уверенным, что твоя жизнь подошла к концу. Моя жизнь не промелькнула передо мной, но я прекрасно помню чувство необыкновенного спокойствия и удивления мощи обрушившейся на нас стихии.

Но всё обошлось. Лавина пронеслась над нами со скоростью 100 километров в час, обстреляв нас осколками льда. Кулуар оказался достаточно крутым, чтобы отбросить от нас мощь лавины. Небольшие куски льда побили нас, и один из альпинистов чуть не лишился глаза, но в целом, не считая синяков, мы были в порядке. Каким-то образом мы все удержались на своих местах. Десятью минутами раньше мы все стояли прямо в верхней части кулуара, где смерть была бы неминуема.

Прошло время, пока я рассказал об этом Фионе.

После лавины я ещё сильнее убедился в том, что, если я хочу расти как продюсер, мне надо продолжать снимать приключенческие документальные фильмы, оставаясь при этом в живых. Я занимал очень маленькую нишу, и с каждым отснятым фильмом эта ниша уменьшалась.

Но так как я должен был зарабатывать деньги, у меня не оставалось выбора, кроме приложения сил к развитию новых приключенческих проектов, в то же время удваивая свои усилия в работе сценариста. Все больше и больше я замечал, что идеи моих фильмов больше похожи на мечты, на полет моего дикого воображения.

К концу 1994 года мои отношения с Фионой подошли к опасной роковой черте. Все старания сохранить семью при моем частом отсутствии сводились лишь к более редким возвращениям к Фионе. Она больше, чем я, стремилась сохранить отношения, но это стремление таяло год от года. Стремление держать марку при постоянно отсутствующем муже было делом не шуточным, и наши отношения, казалось, переваливали от одного кризиса к другому.

Фиона никогда не пыталась владеть мной. В этом была прелесть наших отношений, но в этом был и изъян. Мы были совершенно разными людьми, объединенными в союз чувством настоящей любви, семейными узами и преданностью друг другу. Но мы всегда знали, что, в сущности, мы совсем непохожие люди.

Мы разделяли многие наши мечты, но, чёрт возьми, и их было гораздо больше тех, которые мы не разделяли. Эти главные отличия теперь болезненно отдаляли нас друг от друга

К своему ужасу, я осознал, что на самом деле Фионе было бы лучше без меня. Но стать таким мужем, каким хотелось бы Фионе, означало бы потерять свободу, которую я эгоистически всегда хотел иметь. Я всегда был путешественником и всегда рассматривал себя как носителя духа свободы, но я сильно любил Фиону и не хотел причинять ей боль. Но внутренние часы тикали в моем теле, нашептывая мне на ухо, как это было впервые в возрасте семнадцати лет, что пора отправляться в путь. По такой же по силе голос говорил мне, что пора повзрослеть и исполнять свои обязанности.

Теперь же экспедиция на Эверест давала мне возможность разобраться в себе и решить, как жить дальше. Десять недель в Тибете дадут мне уйму времени подумать, и, возможно, вдали от проблем я смогу найти новое решение.

Я позвонил Джулиану Вэеру на ITN и сказал, что берусь за работу на Эвересте. Затем я погрузил в рюкзак двадцать томов Детской британской энциклопедии и отправился в пятичасовой поход по полям и тропам окрестностей Хердфордшира.

***

Я с особой тщательностью подбирал себе команду операторов. Очень мало операторов могло работать на высоте свыше 8000 метров, и, если наш проект увенчается успехом, я должен был иметь гарантию, что хотя бы одни из них сможет отснять штурм вершины.

Первым я выбрал Алана Хинкса и сделал ему предложение но телефону за шесть недель до отлета. В мире альпинизма Ал был известен как наиболее успешный британский альпинист-высотник. Он взошел на К-2 и снимал там фильм. Ал был одним из двух британских альпинистов, которые достигли вершины К-2, второй по величине горы в мире (8611 м), и вернулись живыми. Он также взошел ещё на четыре восьмитысячника.

Ал дважды был на Эвересте, но вершина ускользала от него. Я знал, что Ал ищет случая вернуться на Эверест, и от моего предложения оплатить его участие ему трудно было отказаться. Он не имел специального опыта оператора, но я был совершенно уверен, что он справится с этим в экстремальных условиях.

Ал, уравновешенный северянин, слыл прямолинейным и нажил изрядное количество врагов в альпинистском мире среди тех, кто завидовал его коммерческим успехам и таланту саморекламы. Он отличается большой физической силой и необыкновенной выносливостью, производя при первой встрече впечатление человека психически стойкого.

Коротко, по-армейски, постриженный, с голубыми леденящими глазами Хинкс выглядел героем-высотником до последнего дюйма, каковым он без сомнения и является. Его задиристые манеры производили на людей ошибочное впечатление. Будучи индивидуалистом, в предыдущих экспедициях он слыл не очень удобным членом команды. Мне говорили об этом, но это не имело для меня большого значения. Я приглашал его не на дипломатическую работу. Все, что от него требовалось — это снимать камерой в «зоне смерти», и мало кто смог бы справиться с этой задачей лучше, чем Ал.

Ал внимательно выслушал моё предложение, умудрился поднять оплату сверх предложенной мною и подписал контракт.

В качестве основного оператора для работы на малых высотах я пригласил Киса Хуфта, голландского оператора, работающего в Лондоне, с которым мне доводилось работать раньше в нескольких фильмах. Он был человеком с рассеянным взглядом слегка помешанного профессора, редеющей щеткой рыжих волос и чертами рафинированного интеллектуала. В выходные он посещал занятия по философии и необъяснимо благоговел перед аристократией. Для него не было большего счастья, чем потолкаться в обществе титулованных особ, и, видимо, им это тоже доставляло удовольствие, поскольку он встречайся со многими из них.

Кис обладает чрезвычайно хорошими манерами, которые обычно встречаются у дворецких или у официантов, но, тем не менее, под мягкой внешностью интеллигента скрывается сильный альпинист. Он дошёл почти до 7000 метров, снимая документальный фильм для четвертого канала на Макалу (8481 м), а для меня работал оператором на пике Покалде в Непале. Я позвонил ему, чтобы узнать, не заинтересуется ли он моим предложением.

— Конечно, но какого числа заканчивается экспедиция?

— Шестого июня. А что?

— Пустяки, я собираюсь жениться восьмого.

Мое сердце ёкнуло. Очёвидно, Кис выпадет из состава экспедиции, оставив труднозаполнимую брешь. Действительно, вряд ли он сможет бросить невесту на десять недель перед самой свадьбой. Сможет ли?

— Я думаю, мне лучше переговорить об этом со своей невестой, — сказал мне Кис, заставив меня замереть.

Он попросил двадцатичетырехчасовую паузу на обсуждение вопроса с Кати Исбестер, своей обручённой. Кати, профессор политологии Торонтского университета, ответила без колебаний, что ей будет очень неловко, если из-за неё он не сможет поехать.

Кис перезвонил мне и сказал, что он примет участие в экспедиции.

Третьим членом моей команды стал Нэд Джонсон, американский оператор с хорошей репутацией. Ему предписывалось быть с нами первые три недели экспедиции, дойти до передового базового лагеря и затем вернуться с отснятой 16-миллиметровой пленкой в Великобританию. Мы же останемся продолжать маршрут, снимая на видеокамеру.

Оставшиеся недели прошли в сборах снаряжения, тренировках для поддержания спортивной формы и ещё в массе хлопот, которые всегда предшествуют серьёзным экспедициям.

***

31 марта все члены экспедиции впервые собрались вместе в аэропорту Гатвик. Отсутствовали только Роджер Порч и Ричард Купер, которые добирались до Катманду самостоятельно. Мы чувствовали себя не в своей тарелке со своими грудами сумок и голубых экспедиционных бочек, становясь в очередь на регистрацию на «Непальские королевские авиалинии» среди отдыхающих, отправляющихся на Тенерифе и Махон.

Руководитель нашей экспедиции Саймон Лав тоже был здесь. Одетый в плотную куртку, он выглядел обеспокоенным и разгоряченным. Длинные волосы Саймона были собраны на затылке в «конский хвост», он работал менеджером в «Гималайских королевствах» с 1993 года, после демобилизации из армии. Он ходил на Эверест дважды, в 1998 году с севера по западному гребню и в 1992 году по тому же гребню, но с юга. Оба раза он поднялся выше 8000 метров. Саймон носил очки и имел слегка хипповый вид, но, тем не менее, мог настоять на своем, что он немедленно и доказал, убедив «Непальские королевские авиалинии» сбросить несколько тысяч фунтов с доплаты за излишний вес нашего багажа.

Второй в команде после Саймона Мартин Барникотт, известный по прозвищу «Барни», был тоже здесь, обутый в ветхие

мокасины из тюленьей кожи. У Барни был внимательный взгляд человека, проводящего свою жизнь в горах. Казалось, что он сканирует углы зала отправления в ожидании схода лавины. Застенчивый по природе, он имел репутацию, как мне было известно, одного из лучших высотных гидов. Он взошел на Эверест в 1993 году в составе «Гималайских королевств», и теперь в восхождении Брайана ему отводилась главная роль.

Если наша экспедиция станет успешной для Барни, он может оказаться единственным британским альпинистом, взашедшим на Эверест с севера и с юга.

Сандип Дилон, врач экспедиции, был занят последними сборами, запихивая стерильные тампоны и зловещего вида приборы в огромную бочку. Сандип, капитан 23-го парашютного полевого госпиталя, расположенного на военной базе в Альдершоте, добился увольнительной, чтобы присоединиться к нашей экспедиции за свой счет. Он находился на финальной стадии своей программы, выполнение которой отняло три года его жизни — стать самым молодым покорителем Семи Вершин, высочайших точек всех континентов: Килиманджаро, Мак-Кинли, Аконкагуа, Эльбруса, Пирамиды Карстенса и Массива Винстона. Исполнение этого проекта бросало его в самые удалённые уголки земли и привело на грань финансовой катастрофы.

В его списке оставался один Эверест, попытку восхождения на который он вряд ли сможет повторить в своей жизни. Для её осуществления он взял кредит в банке $20 000, который ему придется выплачивать многие годы. Этот факт вместе с большими ожиданиями его командиров означал, что Сандип был обречен на успех.

Тор Рассмусен. норвежский участник экспедиции, прилетел из Осло днем ранее и имел измученный вид, какой бывает у каждого, кто провел многие часы в ожидании. Он был обладателем черного пояса по каратэ и смотрел на мир серыми глазами из-под впечатляюще кустистых бровей. Тор был невысок с мускулатурой высококлассного атлета. Его рукопожатие могло сокрушить косточку авокадо. Саймон ходил вместе с ним на Аконкагуа и высоко оценил его силу на большой высоте.

Хорошенькая невеста Киса тоже была здесь и выглядела слегка ошеломлённой, вынужденная прощаться с будущим мужем, в то время как свадьба должна состояться всего через два месяца. Понимая, что планировать свадебную церемонию в последнюю минуту по возвращению Киса будет слишком поздно, они обсуждали её и поездку членов семьи (большое количество родственников Киса должны были прилететь в Торонто из Голландии) до самого выхода на посадку.

Брайан прибыл со своей семьей и с единственной подозрительно легкой сумкой. У остальных же было множество разбухших до предела тюков, в которые были запихнуты тысячи необходимых предметов. Только одна из моих сумок, сумка с запасом продуктов, была больше всего его багажа. Он выглядел так, как будто собирался на выходные в деревенский отель.

— Где же все ваши вещи? — спросил я его.

— Вот, всё, — Брайан похлопал по сумке.

— Не может быть.

— Всё остальное я куплю в Катманду. Там можно раздобыть чего угодно. Я готов был возразить, но Брайан вдруг преобразился. Он заметил, что Кис вынул камеру и приготовился к съёмке. Актёр до мозга костей, он не мог упустить возможность покрасоваться перед камерой.

— Мой главный совет, Кис, никогда не останавливайтесь на ночлег под французами. Они нагадят на вас с высоты.

Увидев, что камеры прекратили свою работу, Ал Хинкс набрал горсть ярко раскрашенных наклеек и стал ходить от одной бочки к другой, наклеивая на них логотипы фирм-спонсоров.

— Эй! — закричал, смеясь, Саймон, — не думаешь ли ты, что мне могут не поправиться эти наклейки на моих бочках.

— Нет, — сказал Ал, продолжая приклеивать.

Мы отсняли прощание Брайана со своей женой Хильдегард и дочкой Розалин, и стали прощаться сами.

Я пошёл с Фионой к парковке и убедился, что она правильно выбрала автомат для оплаты стоянки.

За последние двенадцать лет мы провели в этом аэропорту очень много времени, но в этот раз мы держались друг за друга крепче, чем обычно.

— Не беспокойся. Это только кино, как обычные съёмки.

— Только возвращайся целым и невредимым, а не то я всерьёз уйду. С этими словами она улыбнулась, вытерла слёзы и уехала, послав воздушный поцелуй через окно.

Через пятнадцать часов, после остановки во Франкфурте, мы прибыли в Катманду без огромной бочки медицинского оборудования и лекарств, которые Сандип так тщательно готовил. Десятки факсов и телексов были посланы в Лондон и Франкфурт, чтобы её разыскать.

Нетерпеливая толпа носильщиков загрузила наше снаряжение в задний багажник пикапа, который тут же изверг из себя струю черного дыма. Мы последовали за ним на раздолбанном автобусе по задворкам Катманду, уворачиваясь на высокой скорости от грузовиков и объезжая странную корову, бесстрастно сидящую посреди дороги.

Щурясь от раннего утреннего света, ошеломлённый после бессонного ночного полета, я мысленно вернулся к своей первой поездке в Катманду во время моего первого сольного путешествия, когда мне было восемнадцать. Я вспомнил тихий, спокойный город, где самыми громкими звуками в городском шуме были звуки колокольчиков велорикш. С 1978 года много изменилось. Теперь улицы были заполнены удушливым дымом плохо отрегулированных моторов грузовиков со стройматериалами, спешащих к своим стройкам, и навязчивыми таксистами. Над входом в наш отель был натянут ошеломляющих размеров баннер. На нём огромными буквами было намалевано: «Саммит-отель приветствует экспедицию „Гималайских королевств“ на Эверест 1996 года (с севера)».

***

Служащие отеля устроили по этому случаю небольшую церемонию, украсив наши шеи гирляндами цветов и намазав лбы красной массой, а также вручили каждому яйцо и глиняную чашу с ракией.

— Огненная вода! — воскликнул Брайан и залпом осушил чашу.

Нашего прилета ожидали и двое оставшихся участников нашей команды. Роджер Порч, пилот Британских авиалиний, и Ричард Купер, журналист Фаиненшиал Таймс, которому предстояло отсылать репортажи о нашем продвижении.

Роджер поразил меня своим спокойствием и самоуверенностью. Человека такого типа хотелось бы видеть за штурвалом огромного самолета, попавшего в тропический шторм. Талантливый альпинист (у него был впечатляющий альпинистский послужной список), он был вторым в команде, кто имел в своем активе восхождение на Аконкагуа (6800 м), аргентинский вулкан — подходящая разминка перед высотой Эвереста. Чтобы занять место в команде, Роджер продал акции Британских авиалиний. Когда он говорил о предстоящей экспедиции, его энтузиазм был предельно ясен — восхождение на Эверест должно стать величайшим событием в его жизни.

Ричард был заядлым читателем. Будучи специалистом в области политики и экономики Азии, казалось, что он чувствует себя как дома на политическом брифинге, а не в суровых условиях экспедиции. Его задачей было отсылать статьи, включая

и профиль Ала Хинкса, а также доводы за и против кислородной поддержки на восхождении. Он привез с собой из Великобритании палатку — «Гималайский отель» с мудреной системой двойного пола, способную выдержать жесточайший шторм. Остальные же участники со своими сделанными в Непале обычными палатками зеленели от зависти.

«Саммит», симпатичный отель с безукоризненным садом, расположен на маленьком холме, возвышающимся над Катманду. Обычно спокойный, он резко изменился с нашим прибытием. Вскоре балконы первого этажа превратились в свалку альпинистского снаряжения. Новое снаряжение было сразу тщательно обследовано. Многие из нас собирались в самый последний момент перед отлетом в Непал. Это был наш первый и последний шанс убедиться, что все взятое соответствует списку и подходит по размеру.

Немедленно возникли проблемы. Мои пластиковые высокогорные ботинки оказались настолько большими, что неопреновые бахилы, взятые Алом Хинксом из Великобритании, налезали на них с большим трудом, растягиваясь при этом до такого состояния, что малейший надрез мог привести к полному разрыву. Я отметил для себя, что с ними надо обращаться осторожнее. Мои кошки тоже были распущены до предела и, казалось, что они могут развалиться надвое от усталости металла после нескольких часов работы. Ничего не оставалось делать, как брать с собой запасные части, чтобы, при необходимости, их отремонтировать.

Сборы — тяжелая работа. Натягивание обуви в пуховой куртке сбило дыхание, хотя Катманду находится на высоте менее 1500 метров над уровнем моря.

У Брайана были более серьёзные проблемы со снаряжением. Его кошки не годились совсем, подтверждая мои опасения, что он плохо экипирован, В поисках лучшей пары он отправился в туристский магазин на Тамель, что послужило первым сюжетом нашего фильма.

Тамель одни из радостей Катманду. В кафе Тамеля, декорированном резным деревом, шоколадное пирожное и банановые оладьи подают, как в лучшие времена эры хиппи. На самом деле на пыльных улицах Тамеля рядом с толпами треккеров, легко узнаваемых по кроссовкам из гортекса, можно встретить и представителен второго поколения, обутых в сандалии, хиппи.

Проходя мимо фотомагазина, я вдруг решил купить восьмидолларовый пластиковый фотоаппарат. Я подумал, что этот одноразовый Кодак, fan camera (аппарат для потехи),

пригодится мне в том случае, если с двумя другими аппаратами что-нибудь случится. Я засунул его в бочку и вскоре о нём забыл.

В противоположность Брайану у Ала была огромная гора снаряжения, извлекаемая из впечатляющего ряда бочек и ящиков, на многих из них были бирки предыдущих экспедиций на разные грозные пики. Чтобы не таскать снаряжение по несколько раз в году туда и обратно, у Ала было устроено постоянное хранилище в Катманду, признак истинного профессионализма, ибо в отличие от нас он был настоящим горным созданием. Подтверждением этого был паспорт Ала, каждая страница которого пестрела непальскими, пакистанскими и китайскими визами.

Шерпы появились на следующий день, чтобы проверить основное экспедиционное снаряжение. Они выглядели молодой, но сильной командой под руководством опытного сирдара Нга Темба, взошедшего на Эверест в 1993 голу. В её составе были ещё девять высотных шерпов и два повара — неотъемлемая часть любого восхождения.

Насвистывая, мы вышли вместе с шерпами в гостиничный дворик, поставили двухместные палатки и убедились в их целости. Проблема возникла со сложной системой стоек массивной столовой палатки, решение которой пришло вместе с Сандипом, который знал их устройство ещё с армейских занятий и терпеливо показывал нам, как соединить их вместе. Запасы продовольствия и кислорода были проверены, упакованы и подготовлены к отправке в базовый лагерь.

Эту ночь, последнюю в Катманду, мы провели вместе с шерпами, и текущее рекой пиво быстро растопило лёд общения.

Мы выбрались из отеля 3 апреля и отправились в восьмичасовую поездку в город Татопани на китайской границе. Ал был в ударе, он угощал нас сомнительными историями и ещё более сомнительными шутками. Одна из них озадачила Ричарда и он спросил, — что означает это враньё на этот раз? Ал не нашелся, что ответить. Мы въезжали в предгорья Гималаев, минуя деревни, которые становились всё более красочными по мере того, как мы набирали высоту и удалялись от Катманду. Веками на склонах гор в Непале устраивались миллионы террас, и сейчас, весной, каждая терраса представляла собой великолепный ковер из молодых зеленых побегов.

Через два часа после наступления сумерек и задержки, вызванной проколом колеса, мы прибыли в приграничный город Кодари. Мост Дружбы, узкий пролет которого связывает Непал и Китай, был закрыт на ночь, и нам ничего не оставалось, как устроиться на отдых в простом доме для отдыха, примостившемся над бурной рекой Бхут Коси Ривер. Над нами на китайской

стороне призывно блестели огни Зангму.

Ночью, выгружая вещи из грузовика в кладовую, я недооценил высоту двери и треснулся головой о притолоку. Ошибочка, сказал я себе, увидев звезды. Я взял за привычку анализировать неуклюжесть, чтобы избежать подобных оплошностей. Я всерьёз опасался, что моим злейшим врагом в горах могу быть я сам, моё отсутствие координации. Я сел на бочку, чувствуя острую боль, проклиная себя и стараясь понять, как я совершил такую промашку, не заметив низкой притолоки.

После холодного омлета и чипсов мы завалились в наши спальные мешки. Я долго не мог заснуть, мысль, что завтра мы окажемся в Тибете, приводила меня в трепет. Я мечтал о путешествии по этой таинственной высокогорной стране ещё после пробной очень неудачной поездки, в которой я остался без денег и свалился от дизентерии в трущобах Катманду.

После полуночи Киса жестоко прихватило. Он, как и Сандип, чем-то отравился в Катманду. Остаток ночи Кис провел, бегая в вонючий туалет с резкими спазмами. Утром я спросил его, как он себя чувствует.

— Хорошо, — сказал он, продолжая поглощать обильный завтрак, — но я слегка не выспался.

Пока заканчивались пограничные формальности, мы отошли в сторонку, чтобы сделать несколько тайных снимков наших экспедиционных грузовиков, идущих но стратегическому мосту. Мы чувствовали себя полными идиотами, идя по мосту за группой итальянских туристов, которые открыто снимали на камеру, не обращая никакого внимания на охрану. На мосту висел знак, который сообщал что мы находимся на высоте 1770 метров над уровнем моря.

— Осталось идти 7078 метров, — сказал Ал.

4

Между мостом Дружбы и городом Кхаша, иди Зангму, как его обычно сейчас называют, проходит крутой подъём длиной в три мили по абсолютно безлюдной местности. На полпути мы встретили группу оборванных заключенных, которые трудились под неусыпным оком конвоя. Одни из заключенных обтесывал огромный булыжник, готовя брусчатку для строительства дороги. Около него образовалась метровой высоты куча гравия. Когда мы проходили мимо, он помахал нам рукой. У него было интеллигентное лицо. Интересно, за какое преступление он получил такое наказание?

В дальнем конце нейтральной полосы нас встретили улыбающиеся представители Тибетской альпинистской ассоциации (ТАА) — организации, ответственной за наше перемещение по стране и оформление документов. На самой границе мы разгрузили снаряжение и ожидали, подремывая на мешках, пока таможенники и эмиграционная служба, расположенные в стеклянном здании, разберутся с нами.

Брайан развлекался тем, что подначивал пограничников, выкрикивая реплики со своего насеста в грузовике. К счастью, они не понимали истинное значение его высказываний, и оформление продолжалось.

Только перед закатом пограничный барьер был взят, и наша маленькая автоколонна проследовала в Тибет.

Тибет, страна размером примерно с Западную Европу, оккупирован Китаем с момента вторжения в 1950 году. Перед нашим путешествием я разыскал кой-какую литературу у тибетской диаспоры в Великобритании, которая оказалась печальным чтивом. С 1950 года более 1,2 миллиона тибетцев пали жертвами пыток и истязаний в тюрьмах. Уникальная культура и буддистская религия были подавлены, разрушено более 6000 монастырей и общественных зданий. Более 120 тысяч тибетцев были вынуждены бежать в Индию, Непал и другие страны.

Далай Лама — глава Тибетского государства и религиозный лидер, которому на момент вторжения было шестнадцать лет, в течение последних сорока лет стремился к ненасильственному пути решения проблемы. Он завоевал симпатии многих миллионов людей, но Китай не подаёт ни малейшего намека на уход из Тибета.

Мы вступили в страну, которая была оккупирована агрессивным соседом более сорока пяти лет и освобождение

которой не предвиделось. Город, где мы теперь находились, являл собой яркий пример нелегкой повседневной жизни в Тибете.

Весь Зангму состоит из одной длинной улицы, которая петляет но долине, напоминая «американские горки». В каждом дюйме его деревянных жилищ и магазинов ощущался приграничный город. Дождь превратил проезжую часть в непролазное болото, по которому по щиколотку в грязи брели пешеходы, увертываясь от ярко окрашенных грузовиков и армейских джипов, снующих взад и вперед на немыслимых скоростях. Поросята, цыплята и собаки копошились среди куч мусора, а с наступлением ночи крысы приходили за своей долей добычи.

Этническая смесь жителей Зангму, равно как и других тибетских поселений, где нам приходилось останавливаться, придавала городу индивидуальность. Наиболее колоритными были этнические тибетцы, их красивые загорелые лица были изрезаны морщинами от постоянного воздействия ветров на плато, их фетровые одежды пропахли костром и были измазаны ячьим салом. Мужчины заплетали длинные волосы в косички, завязанные яркими алыми лентами, на женщинах были вышитые шали, а их шеи украшали стеклянные бусы. Они наблюдали за нами блестящими черными глазами, когда мы брели мимо них по грязи, перешептывались и смеялись над нашим неловким продвижением и причудливыми дутыми альпинистскими одеждами.

Солдаты Народной Армии не смеялись над нами. Они почти не замечали нас, проходящих мимо них по улице. Одетые в характерную зеленую униформу с рядом блестящих пуговиц, в больших островерхих шапках, они казались хорошо вышколенными и совсем юными. У них был растерянный вид людей, неожиданно оказавшихся вдали от дома, какими они на самом деле и были, приехав из Бейджинга за тысячи миль отсюда.

Зангму для них — это конец света. Они стояли со скучающим видом у витрин магазинов, рассматривая выставленные товары или сидели в столовой, где смотрели низкого качества телепередачи, попивая несвежее китайское пиво с макаронами — единственную каждодневную пищу.

Торговцы и лавочники в Зангму были преимущественно ханьцами (этническими китайцами), привлеченные в город вновь расцветшей торговлей с Непалом. Они напоминали людей, которые стремились пустить свои корни в чужой стране. Мужчины с набриолиненными волосами в полосатых деловых рубашках выглядели привлекательнее, чем местные горожане. Было видно и слышно, как они делают бизнес в своих офисах,

расположенных над улицей, говоря без умолку по дребезжащим телефонам. Тем временем их жёны и дочери бегали внизу по магазинам, часто размером не больше пляжной кабинки, в которых торговали пластиковой кухонной утварью, батарейками, консервами, а так же импортными товарами, такими как Head&Shoulders и Coke.

Я наблюдал, как одна хозяйка магазина, закрыв дверь на ночь на висячий замок, ловко пробиралась по ужасно грязной улице, перескакивая на десятисантиметровых шпильках с одного сухого места на другое, чтобы не испачкать обувь. Неописуемо грязные тибетские подростки тоже наблюдали за ней, восхищаясь её замысловатыми скачками. Одни из подростков рассмешил остальных, пошутив, что она с другой планеты.

Зангму расположен всего в нескольких милях от Непала, но это Китай, и первое, что мы сделали — перевели наши часы на бейджинское время — на четыре часа вперед. Офицер связи объявил, в каком отеле мы остановимся и время ужина. Отель был ужасно холодным, с гулкими коридорами и окнами без стекол, сквозь которые гуляли вечерние дождевые облака Залитые урны и переполненные пепельницы скрывались на лестничной клетке. В комнатах стояла странная зеленая и оранжевая нейлоновая мебель, гарантирующая ночные кошмары.

Ресторан располагался в подвале, рядом с пустующим баром, закрытым на цепь с висячим замком. Мы подавленно сгрудились вокруг круглого стола, поедая овощи и рис со свининой, запивая пивом без единого пузырька газа. Пытаясь уснуть в своей комнате, мне пришлось бороться с волнами накатывающейся тошноты, пока приступ рвоты и диареи не заставил меня провести большую часть ночи в промерзшем туалете. Кис, только оправившийся от своих недугов, терпимо отнесся к моему ночному хождению, не дававшему ему спать.

Чувствуя себя неуверенно, я дотащился к завтраку, чтобы выпить чашечку зеленого чая, стараясь не замечать китайцев, с жадностью, причмокивая от удовольствия губами, поедавших лежащую на огромных тарелках свинину с чесноком. Это я ещё смог стерпеть. Но когда официант открыл рядом со мной замызганный холодильник, из которого раздался настолько сильный запах тухлого мяса, что я тотчас выскочил на улицу, где меня снова вырвало на кучу отбросов.

Большая часть утра была посвящена окончанию оформления миграционных документов. Этим делом занимался Саймон как руководитель экспедиции, и я от нечего делать пошёл вместе с ним. В эмиграционном офисе настроение было изрядно подпорчено. Расстроенный сложностью процедуры и подумавший

(ошибочно), что Саймон хочет пролезть без очереди, лидер группы издерганных французских клиентов предложил набить ему морду. Завязалась схватка с толканиями локтями за право первыми оказаться у вожделенною окошка, из которой невозмутимый Саймон вышел победителем и первым подал документы, — победа стоила ему упрёка от лидера французов:

— Я вижу, у вас, англичан, бешеные не только коровы!

Мы выехали из Зангму в 11–30 утра караваном из трёх джинов Land Cruiser и грузовика. Это был наш официальный транспорт, предоставленный Тибетской Альпинистской Ассоциацией по непомерной цене, которая должна была быть уплачена только в долларах США.

После армейского контрольно-пропускного пункта мы пересекли опасную зону оползня, расположенного над городом. Известно, что с гор при сильных дождях сходят смертоносные потоки камней и грязи. Сотни жизней были потеряны, прежде чем было запрещено строительство в опасной зоне. Водитель внимательно смотрел наверх перед тем, как проехать по узкой дороге, усыпанной камнями.

Четыре часа мы ехали по обрывистой дороге вдоль долины реки Бхут Коси, поднимаясь круто вверх на низкой передаче мимо леса горной сосны, и несколько раз переезжали бурную реку но ветхим бетонным мостам. Тор, сидящий рядом со мной, постоянно смотрел на свой наручный альтиметр, отмечая каждые пятьдесят метров подъёма.

— Две тысячи триста метров, — сообщил он мне, не отрывая глаз от прибора.

Примерно через тридцать километров, в часе езды до деревни Найалам, дорога ещё круче полезла в гору по склону, которой только восстановили от старых оползней и обломков селя. Огромные бульдозеры восстанавливали участки дороги, ещё недавно сползшей вниз, и раз или два нам приходилось выходить из джипов и идти пешком, чтобы не перегрузить непрочную дорогу. Действительно, весь склон был пропитан талой водой. Лишённая растительности, способной скрепить глинистую землю, дорога была похожа на кашу, сползающую со стенки кастрюли. Весь склон был в движении, и мы были счастливы, когда въехали в Найалам и оказались на твёрдой каменистой дороге.

Найалам расположен на самом краю Тибетского нагорья в верхней части долины Бхут Коси у подножья Шиша-Пангмы, широкого пика высотой 8012 метров. Как и Зангму, деревня расположена вдоль одной улицы со стоящими в беспорядке по её сторонам лоджиями и чайными. Некие честолюбивые амбиции были воплощены в Рождественских световых экранах, сияющих

ярче или тусклее в зависимости от мощности городского генератора. Большинство местного населения были китайцы, занятые неблагодарной работой — постоянно восстанавливать путь, связывающий их с Непалом.

Здесь произошла некая неурядица: наш офицер связи хотел поселить нас на ночь в одну из лоджий Найалама, Саймон же хотел проехать ещё час и подыскать место для лагеря, где мы могли бы остановиться на несколько дней для акклиматизации. В конце концов, был найден компромисс — экспедиция разбивает лагерь в подходящем месте, где и остается вместе с представителем ТАА, который будет приглядывать за нами. Остальные же представители ТАА вместе с водителями возвращаются в Найалам, где будут жить с относительным комфортом.

В тридцати километрах от Найалама, за полчаса до наступления темноты, мы нашли подходящее для лагеря место на краю неопрятной деревеньки — маленькую зеленую полянку, окруженную ивняком. Шумная ватага ребятишек с открытыми ртами наблюдала за тем, как мы неуклюже ставили наши палатки. Диковатое взрослое население деревни тоже собралось, возбужденно судача по поводу горы снаряжения, выгруженного нами из грузовика. Пока мы «сражались» с палатками, дети, увлекаемые подрастающим любопытством, то и дело приближались к нам. Видя это, одни из шерпов стал с диким рёвом размахивать в воздухе огромной палкой, прогоняя их. Всё это быстро обернулось игрой в кошки-мышки, где смеющиеся дети убегали, спасая свои жизни, через поляну от своего преследователя, что неизбежно кончилось слезами, когда один из мальчишек с разбегу врезался в дерево.

Только мы поставили лагерь, обитатели деревни, как по мановению волшебной палочки, молча ускользнули в наступившую темноту. Мы первый раз поели в палатке-столовой, с трудом запихивая в рот рис, капусту, клецки, — высота 4600 метров свела наш аппетит до минимума. Мои живот ещё не успел оправиться от отравления, полученного в Зангму, и я выпил только несколько полулитровых кружек чая и горячего шоколада. Мы засыпали под звуки дерущихся на улице собак.

Четыре последующих дня эта маленькая полянка была нашим домом, где мы привыкали к разреженному воздуху плато. С акклиматизацией нельзя спешить, это был только первый шаг тщательно продуманной программы, которая должна была позволить нам провести два месяца на высоте свыше 5000 метров и идти гораздо выше. Даже здесь на высоте 4600 метров при незначительном движении ощущалась разрежённость воздуха.

Невозможно было наклониться и зашнуровать кроссовки, не запыхавшись, перенос двадцатикилограммовой бочки на несколько метров требовал сидячего отдыха, а распаковка рюкзака вызывала утомление.

Первые сутки у всех болели головы и слегка подташнивало, а у двоих участников были ещё и другие проблемы со здоровьем. Нэд страдал от болей в животе, которые преследовали многих из нас в Непале и в Зангму. Он опасался, что это джиардия — один из видов дизентерии, и пригоршнями ел чеснок. Тор страдал от блуждающей боли в спине, результат старой травмы, полученной на занятиях по каратэ, когда противник так сильно ударил его ногой, что сместилась одна почка. После хирургического вмешательства почка заняла (более или менее) своё положенное место, но Тор опасался приступов боли в спине, которая могла означать попадание опасной инфекции.

На второй день мы начали совершать тренировочные восхождения на окружающие деревню заснеженные вершины. Первые вылазки были короткими и простыми — двухчасовые походы по каменистым склонам не выше 5000 метров. Большинство из нас на этих вылазках разбивались по парам или по тройкам, и только Ал и Брайан предпочитали ходить по одному. Меня интриговала психология их поведения, и я размышлял над тем, почему эти два совершенно разных человека стремятся тренироваться в одиночку. Возможно, их что-то объединяло.

На третий и четвертый день, когда наши организмы приспособились к высоте, мы предприняли более трудный выход выше снеговой линии и после четырехчасового похода достигли продуваемой ветром вершины высотой 5600 метров.

Отсюда открывался захватывающий вид на Непал, где подобно часовым рядами возвышались шести- и семитысячники. Долина, откуда мы поднялись, казалась ещё более пустынной, чем при ближайшем рассмотрении, а мощная река уменьшилась до размера тонкой блестящей нити.

С вершины я приметил маленькую точку, движущуюся на полпути к соседней вершине. Сначала я думал, что это медведь, но, когда он остановился и повернулся в профиль, я понял, что это Брайан совершает своё тренировочное соло. Немного позже, вдали в противоположном направлении я увидел ещё одну точку. Ал шёл по покрытому снегом гребню на вершину примерно такой же высоты, как наша. Он задержался на мгновение; и я помахал ему рукой. Он помахал в ответ и продолжил свой путь, погруженный, вероятно, как и Брайан, в свой собственный мир.

В этот день Ал не вернулся в лагерь к закату, что вызвало

беспокойство у некоторых из нас. Саймон же оставался спокойным.

— Не волнуйтесь за Ала. С ним все будет нормально.

Через полчаса, как раз в тот момент, когда пробил гонг на ужин, в ночи замаячил налобный фонарик Ала.

Расположившись поблизости от деревни, у нас была прекрасная возможность стать очёвидцами ежедневной борьбы крестьян с бесплодной землей. Была весна — время посевной, проводимой под бездонным голубым небом и под аккомпанемент секущего западного ветра. Каждое утро на рассвете крестьяне покидали свои каменные дома и шли на поля. Пожилые женщины, матери с новорождёнными детьми, крепко привязанными к их спинам, мужчины, чьи лица были черны как смоль от загара и ветра — поля впитывали их труд столь же пассивно, как пустыня впитывает воду.

Крестьяне работали мотыгой и плугом. Они часами трудились, расставив ноги и согнувшись пополам, нанося удар за ударом по каменистой земле. Их орудия, сделанные из толстого железа с изношенными деревянными ручками, были просты — такими пахали в Европе лет сто назад.

Они идут за яками — животными, обладающими большой силой и отсутствием желания работать. Землепашцы бьют их длинными палками, бросают камнями с безошибочной точностью в их покрытые шерстью крестцы, яки же частенько приходят в ярость, сталкиваются своими большими головами и тянут плуг на соседние поля, таща за собой землепашца, извергающего проклятия.

Поля были маленькими и неправильной формы, разделенные между собой каналами, по которым текла вода для полива. Каждый пригодный для сельского хозяйства клочок земли обустраивали террасой, борозды удобряли ячьим и козьим навозом и ждали, когда можно будет начать сев.

Взяв в руку пригоршню желтой земли, мне трудно было представить, что какая-то культура может на ней вырасти. Она была почти как пыль, пересохший песок. С каждым новым порывом ветра верхний слой земли превращался в облако пыли, попадая в глаза и носы крестьянам и делая почву ещё менее плодородной.

Только две культуры могли с трудом выжить здесь — это ячмень и просо. Употребляемые с молоком или мясом яка, эти продукты являются основными для всех обитателей Тибетского нагорья, без которых постоянное проживание здесь просто невозможно. Я видел, как старик сеял просо, доставая семена из кожаного мешка. Его рука описывала в воздухе элегантную дугу,

бросая маленькие белые семена, словно капельки воды из опрыскивателя. Эти действия казались или крайне возвышенными или действиями душевнобольного. Но всю свою жизнь он видел те же самые поля, плодоносящие летом, так почему же этот год должен быть другим?

Так получилось, что на обратном пути в Непал, после окончания экспедиции, мы снова проезжали но деревне, на этот раз на сухих пыльных полях кипела зеленая жизнь, и наше собственное приключение показалось очень долгим.

Мы свернули лагерь, и наш караван двинулся на восток по Тибетскому нагорью к следующей стоянке. Первые два часа нашего путешествия грязная дорога пролегала по самому дну долины. Через каждые пять — десять километров на нашем пути встречались деревни. Этим утром не только крестьяне трудились на своих полях, бригады дорожных рабочих не отставали от них. Через каждые сто метров на обочине дороги были аккуратно сложены кучи гравия. Эти кучи простирались на всем обратном пути до Зангму, очевидно, шёл капитальный ремонт дороги. Задача дорожников состояла в том, чтобы засыпать гравием огромное количество выбоин и колдобин, которыми изобиловала трасса. Все это делалось с помощью, в основном, лопаты и грабель. На лицах рабочих были маски от пыли и толстые шерстяные куртки от холода. И все-таки это была унылейшая из работ, не заслуживающая, возможно, внимания состоятельных иностранцев, вроде нас, проезжающих мимо в теплых «Тойотах».

Ближе к полудню дорога свернула от реки и резко полезла вверх к перевалу Лалунг Ла Пас, одному из самых высоких дорожных перевалов в Тибете на высоте 5300 метров. Последние несколько сот метров были особенно драматичными, когда Топота ехала, раскачиваясь по ужасной дороге с глубокой колеей, ограниченной с обеих сторон метровыми спрессованными ветром сугробами. Сама седловина была украшена молитвенными флагами, привязанными к телеграфному столбу, как на веселой деревенской ярмарке. Мы остановились на перевале, чтобы пофотографировать и насладиться видами Шиша-Пангмы и Чо-Ойю — двух гигантов восьмнтысячннков, доминирующих над всем до самого горизонта. Ал был на обеих вершинах и показывал нам, дрожащим на леденящем ветру, свои маршруты. По его словам, это было совсем нетрудно, месяцы борьбы он сокращал до нескольких мгновений, и оба восхождения выглядели почти как воскресная прогулка.

Сразу после перевала нам стали попадаться странствующие индийские или непальские монахи, завернутые в коричневые накидки, босые и с голыми руками.

— Паломник, — сказал наш офицер связи, — возможно, он идёт в Лхасу, возможно, завтра умрет. Многие из них умирают.

Хотя у паломника не было с собой ни еды, ни воды, он даже не пытался остановить нас. Наш водитель проехал мимо, оставив его в облаке пыли. Как он выживет в таком холоде практически без одежды, как проведет ночь, было выше моего понимания. Возможно, как говорил офицер связи, он погибнет раньше, чем закончит свой путь.

Дорога снова спустилась на плато и пошла вдоль другой реки, теперь на восток. Долина перешла в широченную равнину, усыпанную развалинами древних караван-сараев и фортов. Земля здесь была покрыта более зеленой и сочной травой, чем та, где мы стояли лагерем. Сотни коз паслись на ней, поедая молодые побеги.

Вдруг повернув за угол, мы впервые увидели Эверест. Наш караван остановился, и некоторое время не было слышно других звуков, кроме щелчков фотоаппаратов и порывов ветра.

И хотя до Эвереста оставалось более восьмидесяти километров, он казался очень близко, почти на расстоянии вытянутой руки. Мелкие детали северной стороны Эвереста — правильного треугольника, даже более правильного, чем я себе представлял, были хорошо видны невооруженным глазом с этого расстояния. Теперь мне стало понятным, почему Эверест для тибетцев Джомолунгма — мать богов. Намного позже западные топографы определили её научный статус как высочайшей вершины в мире.

Глядя с Тибетского плато, не нужен теодолит, чтобы подтвердить, что Эверест во всем своем великолепии возвышается над всем миром, намного превосходя остальные гималайские гиганты.

Мне и раньше приходилось видеть Эверест из Намче Базара, но тот вид не шёл ни в какое сравнение с тем, который открылся сейчас перед нами. С юга Эверест выглядит робким, иллюзорным. Я видел лишь самую его вершину, окруженную массивами Нупцзе и Лхоцзе, 10 процентов от всей юго-западной части. И только поднявшись в западный цирк над базовым лагерем можно увидеть Эверест с юго-запада во всей красе. И даже с Кала Патара, самой известной точки обзора для треккеров, Эверест виден лишь частично. С севера Эверест не прячется под вуалью, а открывается во всем великолепии без намека на обман. Он стоит одиноко, гордый и величественный — каменная пирамида, созданная самыми мощными силами земли за миллионы лет. Ни одна другая гора не осмелилась вторгнуться в его пространство. Он, казалось, без усилий занял полгоризонта. Не оставалось ни тени

сомнения, что перед нами высочайшая гора.

Сегодня, как обычно, знаменитый «флаг» развевался над северо-восточным гребнем. Саймон вычислил, что его длина составляет тридцать миль. Белая грива Эвереста — это результат свирепых ветров, обдувающих верхнюю часть горы, видимое проявление невидимых потоков, бегущих с запада на восток через южный Тибет. Когда ветер обрушивается на Эверест со скоростью 150 километров в час, ледяные кристаллы вырываются из горы и взвиваются в воздух, а затем летят горизонтально в потоке воздуха, пока не упадут на землю далеко на востоке.

Флаг производил неотвратимое, гипнотическое воздействие, подобно воздействию северного сияния или океанских волн, разбивающихся о берег. Однажды взглянув, вы не можете оторвать от него глаз — так причудливо и неповторимо он меняют свою форму. Когда наблюдаешь за флагом с плато, он кажется безмолвным, но нетрудно представить, какой звук ему аккомпанирует.

Благоговея, мы забираемся в Тойоты, каждый погруженный в свои мысли. Брайан, Ал, Барни и Саймон уже были здесь раньше, и, несомненно, словно попав под гипноз горы, вернулись сюда снова. Для остальных из нас это были первые впечатления. Гора, которая с начала экспедиции была только в наших мечтах, обрела осязаемую и устрашающую реальность. С севера Эверест выглядел предельно крутым и неприступным даже с такого большого расстояния. Вначале тяжелая мысль о том, что одному или нескольким из нас суждено погибнуть на этих склонах в ближайшее время, как молния сверкнула в моей голове. В машине наступила тишина, пока мы продвигались вперед по ухабистой дороге.

К полудню мы добрались до города Тингри, где располагался внушительных размеров военный лагерь и множество столовых, обслуживающих военных и проезжих туристов. Мы поели сытную тушеную баранину и запили её горьким тибетским чаем. На стенах висели броские плакаты, рекламирующие итальянские часы «Сектор» и альпинистскую одежду из гортекса, вещи, столь же необходимые среднему тибетцу, как космический скафандр или пуленепробиваемый жилет для среднего жителя Запада.

Тингри, построенный на краю болота, окружён мелкими озёрами. Ал останавливался здесь много раз и показал нам некоторые места, в которых земля ведет себя, как студень. Несколько минут мы развлекались тем, что подпрыгивали в наших тяжелых ботинках и ощущали покачивание земли под ногами. Наблюдавшие за нами местные дети умирали со смеху. Оставив Тингри, мы прошли военный контрольно-пропускной

пункт и к пяти часам пополудни добрались до нашей ночёвки в Шекар Дзонге. Сам по себе город не представляет собой ничего особенного, но за ним расположен один из самых замечательных монастырей Тибета. Построенный много веков назад на остром как нож гребне, он по-царски возвышается над окружающей его равниной. В свои лучшие времена он был домом для сотен монахов. В 1950 году, во время китайской оккупации Тибета, он стал очагом сопротивления и местом ожесточенного сражения. В конце концов, китайцы разбомбили монастырь с помощью реактивных истребителей МиГ. В настоящее время он всё ещё лежит в руинах как одни из сотен скорбных памятников дикости, которыми изобиловало китайское вторжение.

Наш «отель» в Шекаре был выбран офицером связи, и этот выбор вызвал у нас желание немедленно оказаться в палатках. В коридоре было так холодно, что капли из крана самовара образовали сталагмиты изо льда на бетонном полу. Комнаты напоминали тюремные камеры с провисшими железными кроватями и одинарными одеялами. Общественные туалеты не убирались, видимо, со времен прихода Мао. Мы собрались вместе с шерпами в ресторане, чтобы немного поесть. Еда же была даже хуже мрачных шуток Брайана.

Самой большой шуткой была официальная плата за эту пародию на отель — шестьдесят долларов США с носа за ночь, установленная в Бейджинге для иностранцев.

На следующее утро, покидая Шекар, мы совместно сделали фильм о нашем последнем этапе на пути к базовому лагерю. Неудивительно, что китайские водители раздражались всякий раз, когда начиналась чехарда с остановками, необходимыми, чтобы снять выбранные кадры. Тем не менее, мы отсняли все наше продвижение и закончили тогда, когда джипы перевалили Панг Ла Пасс, 5750 м, с которого открылся ещё более грандиозный вид Эвереста.

На южной стороне Панг Ла дорога резко ухудшилась, и машины затряслись на огромных ухабах. Спустившись в долину, мы впервые после отъезда из Катманду повернули на запад и поехали по каменистой дороге, ведущей к монастырю Ронгбук и базовому лагерю. Здесь деревни были богаче с изящно покрашенными домами, а в полях гуляли сытые лошади. Склоны долины каменисты и почти лишены растительности, и только одна, две яркие вспышки зелени виднелись там, где расположилась деревушка с несколькими фигурными полями и парой деревьев.

Теперь мы следовали вдоль молочного цвета реки, которая питается снегами Эвереста. Здесь она известна как Ронгбук,

берущая своё начало на северных склонах Эвереста и Макалу, затем делающая большую петлю по Тибетскому плато, прежде чем смело врезается в ряд глубоких ущелий, течет по Гималаям как Тсанга, становясь в Непале Аруном. На юге Непала она сливается с Сан-Коси, течёт по равнинам Индии, пока не впадет в Ганг в Катихаре.

Раньше для географов было тайной, каким чудесным образом Арун пересекает гималайский водораздел. Проблему решил Д.Р. Вегер, географ и исследователь, снарядив в 1937 году экспедицию в неизведанные ущелья Аруна. Он пришел к выводу, что река нормировалась гораздо раньше, чем Гималаи стали подниматься, и по мере роста гор река врезалась в них, образуя глубокие ущелья. Вегер опубликовал свою теорию в географическом журнале в июне 1937 года, утверждая, что, вне всякого сомнения, река Арун образовалась раньше величайших гор на земле.

К концу зимы река Ронгбук чуть больше маленького ручейка, но с подъемом летней температуры полностью меняет свой характер, превращаясь в ревущий поток талой поды. Мы проходили мимо множества разрушенных мостов — свидетельство мощи сезонного потока.

Мы перешли реку по впечатляющему новому мосту, продолжая путь на запад по её южному берегу мимо каравана яков, идущих в базовый лагерь. Груженые фуражом и пожитками пастухов яки шли с наступлением каждой весны, совпадая с прибытием экспедиций. Они брели по этому пути столетия, снабжая монастыри, которые располагались у подножья ледника Ронгбук, по крайней мере, четыреста лет.

Дорога постепенно поворачивала на юг, обходя уступ, пока мы не увидели прямо под собой ледник Ронгбук и северный склон Эвереста, возвышающийся впереди. С тех пор, как мы в последний раз видели склон с Панг Ла, выпал свежий снег, и многие темные места были теперь грязно белого цвета. Мы ещё раз остановили машины и отсняли полкассеты, прежде чем набежавшие облака закрыли обзор.

К ещё большему разочарованию наших шоферов, которые ворчали от нетерпения, мы снова стали снимать интервью Брайана у Ронгбукского монастыря на крыше золотоглавой ступы. Он был в меланхолическом настроении и открыто говорил о своих страхах перед предстоящей горой:

— Иногда я полон уверенности, иногда просто умираю от страха. Это такая устрашающая гора. И, если она позволит нам, мы взойдем на вершину. Но, Господи, это будет нелегко.

Наконец, сопровождаемые леденящим ветром, мы проехали последние двадцать минут вдоль ледниковой морены и прибыли

в базовый лагерь на высоте 5500 метров. Еще оставалось достаточно светлого времени, чтобы расчистить площадки и поставить палатки. Пока мы сражались с палатками, облака на мгновение очистили Эверест, и вершина предстала пред нами купающейся в огненно-красном свете. Было 11 апреля, прошло девять дней с тех пор, как мы уехали из Катманду, и двенадцать дней, как уехали из Великобритании. Путешествие закончилось, теперь начиналась экспедиция.

***

Я как ребенок часто пытался представить себе, что же в действительности представляет собой базовый лагерь. Может быть, он похож на снежную пещеру или на бивуак? Самое лучшее, что я мог представить — это несколько маленьких домиков в альпийском стиле, заполненные веселыми альпинистами, пьющими коку из запотевших кружек. Освещенное фонарями, согретое очагом — это было место, скрытое от ураганов, бушевавших снаружи.

Короткое пребывание в базовом лагере на северной стороне Эвереста быстро развеяло мои детские фантазии. Более враждебного и менее приветливого места трудно было себе представить даже за полярным кругом. Прибывающие экспедиции рассыпались по всей ледниковой долине, выискивая разные углубления, которые, по их мнению, могли защитить от ветра. Они ошибались. Тибетский ветер неизбежен, как камни и пыль. Как запах засохшего ячьего помета.

Это не мимолётный визит. Нашему лагерю предстоит стать нашим домом на ближайшие десять недель, куда мы будем возвращаться каждый раз из высотных лагерей. Процесс акклиматизации — медленный процесс, и даже у опытных команд он занимает семь-восемь недель, пока организм не приспособится к недостатку кислорода.

Всем своим существом долина Ронгбук стремится усложнить вам жизнь. В промороженный грунт невозможно забить даже самый прочный колышек для палатки. Реки затянуты льдом, а там, где они текут, вода наполнена илом и непригодна для питья. Спальные мешки, вытащенные на воздух для просушки, подхватывает ветром и уносит прочь. Выстиранная одежда становится колом на морозе. Воздух сухой. Горло воспаляется. Губы трескаются. Кожа на пальцах трескается и инфицируется.

Начинаешь думать о доме, или о чем угодно, кроме вселяющей ужас горы, которая возвышается над долиной.

Я был поражен тем, что нахожусь в базовом лагере под Эверестом, но не могу сказать, что мне нравилось здесь.

Опытные Барни и Ал выстроили основательные стенки из камней вокруг своей палатки, чтобы ветер не мог её обрушить. Остальные лентяи, вроде Киса и меня, делали нерешительные попытки копировать их действия, и вынуждены были ставить палатки заново после каждой бури.

Базовый лагерь — это место, где очень легко впасть в депрессию, что и случилось с некоторыми нашими участниками в ближайшие месяцы. «Ледниковая усталость» — болезнь, превосходно описанная в книге «Подъём ромового болвана», полностью овладевает вами, если вы попадаете в её объятия.

Брайан уже бывал здесь раньше и у него были свои средства разобраться с депрессией.

— Будь осторожен. Мэтт, — советовал он мне, — только обустрой свою палатку как можно удобнее и читай побольше книг.

Я послушался совета Брайана. За первые пять дней в базовом лагере я прочитал восьмисотстраничную «Битву за Африку», биографию шерпа Тенцинга, биографию Пола Гетти, расписание поездов, два романа: Патрика О'Брайана «Наш человек в Гаване» и Пола Терокса «Любовники джунглей». Кис оказался менее плодовитый, возможно, менее прилежный читатель. За то же время он прочел менее сотни страниц «Дома Круппа» из истории Германской войны, смакуя каждую страницу, как знаток хорошую сигару.

Меня охватил новый страх, почти такой же сильный, как боязнь трагической неизбежности — страх, что закапчивается чтиво.

Саймон выбрал для нашего лагеря памятное место, недалеко от Лагеря британской экспедиции 1922 года. Рядом с лагерем, на небольшом возвышении на морене, располагалась база ТАА — уродливое каменное строение с расположенным по соседству переполненным туалетом. В этом унылом месте неулыбчивые офицеры связи коротали день за днем. Их единственным развлечением был телевизор, работающий от спутниковой тарелки.

Мы приехали одними из первых, не считая норвежцев и японцев. Все четыре дня, потраченные на установку лагеря, грохот грузовиков извещал о прибытии новичков. Вскоре появились разбросанные но леднику лагеря немцев, каталонцев, словенцев и индийцев. Некоторые экспедиции, (например,

каталонская) состояли из пяти-шести участников и совсем маленького количеством шерпов. Другие, такие как индийская, состояли из сорока участников и весьма ощутимой команды шерпов.

Более 180 альпинистов (преимущественно мужчины) собрались восходить на Эверест с севера в этот предмуссонный период, что говорит о растущей популярности северного маршрута и упрощении получения разрешения от китайских властей, что до начала 1980-х годов сделать было очень трудно.

Ал, представитель мировой высотной элиты, попал в свою стихию и был буквально захвачен старыми друзьями. Он знал многих альпинистов из других экспедиций и часами обменивался с ними новостями: кто куда ходил, но какому маршруту, кто погиб в последнее время. Мне доводилось слышать эти разговоры, и они всегда очаровывали меня. Серьезные альпинисты-высотники обсуждали лапины, срывы, бешеные ураганы в тон же манере, как простые смертные обсуждают результаты футбольных матчей. Смерть, стертый с лица земли лагерь. О несчастьях говорили с чувством неизбежности, как о потерях на линии фронта. Новости воспринимались едва заметным кивком головы или поднятием брови.

Внутренне они, возможно, готовились к любому повороту судьбы.

Остальные из нас общались каждый по-своему, забредая в лагеря соперников, привлеченные запахом свежего молотого кофе, или испеченного хлеба, или как в случае с Сандипом, — наличием двух симпатичных девушек в лагере индусов. Вскоре мы обнаружили, что каждый лагерь имеет свой неповторимый стиль. В норвежском лагере был хитроумный дизельный обогреватель, у которого грелась вся команда, бесконечно терзая свой спутниковый факс и жуя вяленую рыбу и оленью строганину.

В индийском лагере палатки были похожи на монгольские юрты, в которых участники сидели, поджав ноги, на экзотических коврах, привезенных из Дели. Входя в неё, вы чувствуете себя так, как будто ввалились во владения странствующего монгольского царя. Руководителем индийской команды был Мохиндар Сингх, высокопоставленный чиновник индо-тибетской пограничной полиции, из которой и была сформирована команда. Сингх руководил командой из тридцати девяти человек, и его организационные проблемы были на порядок сложнее наших. Тем не менее, он действовал с военной оперативностью, и, не мешкая, отправил своих участников вверх, на ледник, ставить передовой базовый лагерь (ПБЛ).

Моим излюбленным «вторым домом» был лагерь каталонцев,

шести альпинистов из Джироны (север Испании). Теснота в их столовой палатке (она была сделана, в основном, из листов пластика) с лихвой компенсировалась их радушием и замечательным кафе. Они хорошо позаботились о своем питании: большой окорок висел у них под крышей, а на столе на почётном месте красовался восхитительный острый сыр.

Каталонцы, как и русские, выбрали более трудный и более лавиноопасный маршрут, чем наш. В отличие от нас, они не собирались поворачивать влево по леднику Ронгбук, а планировали выйти по ледовой стене на восточную сторону Северного седла и устроить там ПБЛ. Имея только трех шерпов, они хотели пройти сложную ледовую стену прямо отсюда до седла и потом проложить маршрут по северному гребню. С такой слабой поддержкой это была весьма амбициозная заявка, даже несмотря на то, что некоторые из них имели высотный (8000 м) опыт.

— Я думаю, нам надо бы побольше шерпов, — доверительно сказал мне одни из каталонцев. Я мог только согласиться. Они ушли из базового лагеря раньше нас, забрав всё с собой, так как для содержания постоянного лагеря у подножья ледника Ронгбук у них не было ни снаряжения, ни людей.

Недостатки нашей столовой палатки вскрывались с каждым прожитым днем. У нас не было обогревателя, и поэтому особенно по вечерам стоял собачий холод. Идя на обед, приходилось надевать перчатки и теплые куртки или комбинезоны.

Роджер быстро стал центром внимания наших первых разговоров в столовой палатке, и мы бесконечно восхищались его работой.

— Уцелели ли эти слоны?

— Что разобьется в следующий раз?

— Кто-то родился на борту?

Роджер терпеливо часами отвечал на эти и массу других вопросов, и его еда к концу ужина стояла перед ним нетронутой и остывшей. С этого места Брайан безжалостно высмеивал нашу одержимость авиацией:

«Правда, Роджер, что у Мессершмита 109 глохнет двигатель?» Или «Ты когда-нибудь сбивал Юнкерс, Родж?»

После каждой еды я возвращался в свою относительно теплую двухместную палатку и растирал замерзшие ноги. По соседству с нашей столовой палаткой стояла столовая шерпов. Если нашу палатку можно было назвать офицерской столовой, то к палатке шерпов больше подходило название рабочий клуб, который существенно ближе прилегал к кухне и поэтому получал гораздо больше тепла. Много было написано о «нашей» и «их»

организации питания, но шерпы, по большому счёту, в быту оказались гораздо мудрее. Их столовая была намного теплее и приветливее нашей, с неизменной бочкой алкогольного напитка чанг под рукой, чтобы уберечься от холода.

Наши два, всегда улыбающиеся, лагерных повара Дордже и Дава, постоянно шинковали лук своими заточенными лезвиями мачете в темноте задымленной кухни. Как у любых поваров, у них были плохие и хорошие дни, но казалось, что плохих дней у них больше. Они были гораздо лучшими друзьями, чем шеф-поварами, но ни один из нас не нашел в своем сердце для них добрых слов.

— Хочу, чтобы вы знали, Дордже проработал неделю в главном отеле Катманду, — однажды вечером возвышенно сказал Саймон, обеспокоенный нарастающим потоком жалоб после нескольких дней пребывания в базовом лагере.

— Надо выбрасывать мусор, — последовал чей-то грубый возглас.

Супы, приготовленные на мясном бульоне, приправленные имбирем и большим количеством чеснока, но крайней мере, соответствовали своему названию. Основные блюда были в виде массы, содержащей углеводы с большим количеством риса, макарон, клёцок, с гарниром из вареной капусты и чечевицы со странным запахом. Это всегда выглядело неплохо, только было невкусно.

То, что видели глаза, не соответствовало привычному для нас вкусу. Нарезанная капуста могла иметь вкус варёного мыла, миролюбивая на вид чечевица обжигала язык как чили-перец, и даже смиренные печеные бобы могли оставить долгий привкус дешевого крема после бритья. Трудно было одолеть стремление к обычной пище, и соус к мясу, а также томатный кетчуп вскоре стали очень востребованы.

— Дайте тушёнки! — требовал ежедневно Ал.

— Яйца! Дайте мне, чёрт возьми, яйца, — вторил ему Брайан.

Мы не хотели обижать наших поваров, по, тем не менее, от души веселились каждый раз, когда они приносили еду в нашу столовую. Вернувшись в свою палатку и чувствуя себя предателями, мы с Кисом ели сыр и овсяные лепешки с мятой, не забыв пропустить по глотку бренди «Корвуазье» из моих персональных запасов. Остальные, вроде Тора и Брайана, не имели своих запасов, и желудок их был пуст. Они мало говорили об этом, но их жалобы становились всё громче до самого конца экспедиции.

Изредка, когда страсти накалялись до предела, Саймон снисходительно объявлял, что следующая еда будет походной, и

позволял распаковать завернутые в фольгу пакеты с готовой западной пищей. Эти объявления он совершал великолепно, наслаждаясь приливом благодарности, как директор школы, который только что объявил о внеплановых каникулах, и ловко переключал внимание на другие мелкие жалобы, которые бывают в любой экспедиции. Все с нетерпением ожидали «дни походной еды», И только в эти дни я видел, что Брайан ел что-нибудь существенное.

Пока мы судачили о еде в «офицерской столовой», шерпы обсуждали с ламами из соседнего Ронгбукского монастыря о времени, благоприятном для проведения пуджа-церемонии. Это время выпало на утро 14 апреля, как раз за день до нашего выхода в ПБЛ.

Подготовка к пуджа-церемонии началась ещё в Катманду с покупки гирлянд молитвенных флажков, за каждую из которых было уплачено по 200 рупий — пожертвование каждого участника команды. Сразу за лагерем шерпы соорудили двухметровую пирамиду из камней и подготовили еду и питьё, чтобы употребить их во время церемонии. Кису. Нэду и мне не дозволили участвовать в основной части церемонии, так как мы собирались её отснять на пленку, мне же пришлось пожертвовать мою драгоценную литровую бутылку Ирландского виски в надежде, что боги простят нам наше отсутствие.

После завтрака экспедиция в полном составе собралась около пирамиды, одетые во всю высотную амуницию, включая тяжелые пуховые комбинезоны и ветровки. Кошки, ледорубы и обвязки тоже были принесены и сложены около пирамиды, чтобы благословить их вместе с консервами, печеньем и чашами с рисом. Это была колоритная сцена, сыгранная под голубым небом в одни из самых ясных и безветренных дней за все время экспедиции.

Я ожидал увидеть ламу почтенным старцем в оранжевом одеянии, в действительности он оказался молодым непальцем, одетым в светлую флиску и в дорогих солнцезащитных очках. Он сидел, читая молитвы из священной книги, в то время как был зажжен ладан, возносящий молитвы к богам.

Только мы собрались снимать фильм, как забарахлил звукозаписывающий аппарат, видимо, из-за хранения при низкой температуре. Кис предпринял несколько тщетных попыток реанимировать его, по аппарат упрямо отказывался тянуть ленту. Он поменял батарейки и повторил попытку. И снова его постигла неудача. Я стал потеть в своем пуховом костюме. Пуджа — один из эпизодов фильма, который мы никак не могли упустить.

Нэд стал снимать немое кино 16-миллиметровым «Аатоном»,

а я побежал в палатку за запасной цифровой камерой, забыв, что короткий спринт на такой высоте собьет дыхание.

Когда я вернулся, мы записали звук резервной камерой, скрестив пальцы, чтобы запись получилась синхронной. Это был первый серьёзный отказ оборудования. Я всегда опасался сбоя аппаратуры на горе, но, по глупости, не задумывался о возможном отказе техники в базовом лагере.

Несмотря на трудности Нэду удалось отснять пуджу до самого конца, когда молитвенные флаги были развернуты и закреплены на специально построенных турах. Общий хор с нарастающим рёвом исполнял финальное песнопение, бросая пригоршни риса и цампы (мука из ячменного зерна — культовая тибетская пища) в направлении флагштока. Затем были откупорены бутылки с виски и пивом и произнесены тосты за успех экспедиции

Это было благоприятное начало экспедиции в отличие от пуджа прошлой экспедиции Саймона на Эверест, когда центральный флагшток был сломан ветром через несколько секунд после его установки (плохой знак, наводящий ужас, как на шерпов, так и на остальных участников).

— Эверест, — воскликнул Брайан, подняв стакан, — мы идем не завоевывать тебя, а подружиться! Джомолунгма!

Затем мы разошлись по палаткам. На высоте 5000 метров одного стакана виски вполне достаточно, чтобы вырубить нас на целый день. Я задремал, одолеваемый кошмарами, в которых несчастья преследовали наши камеры: они самопроизвольно выпрыгивали из рюкзаков, проваливались в трещины, сваливались с сераков, гибли под ногами бегущих яков.

Когда я проснулся, то увидел кошмар наяву, — сумасшедший профессор Кис с вольтметром и отверткой в руках, разобранные на части запасная камера и ДАТ — звукозаписывающий аппарат. Какие-то винтики, пружинки и крестообразные детали валялись вокруг него в полном беспорядке.

— Кис! Черт возьми, что ты делаешь?

— Чиню.

— Чинишь? А если ты не соберешь эту штуку? Кис, мы не снимем этот чёртов фильм! Что это, например?

Я указал на печатную плату из ДАТа, которая упала в горный ботинок Киса. Кис посмотрел обиженно.

— Я не совсем уверен, но, думаю, в ней проблема.

Кис всегда был мастером неопределенных ответов, а под нажимом тушевался полностью. Посмотрев на меня взглядом, выражающим: «поверь мне», он подвел итог своим действиям, засунув металлические щупы глубоко в потроха ДАТа, как

подпольный хирург при операции по пересадке органом.

— Что стряслось с камерой?

— Микрофон барахлит. Я только снял пластиковый кожух и чуть-чуть перебрал его.

— Я думаю, мне лучше пойти прогуляться.

Не в силах больше смотреть на это, я оставил Киса бормочущим над своим вольтметром и направился в лагерь каталонцев, чтобы узнать, есть ли у них ещё окорок. Когда я вернулся, все работало нормально.

— Да. Немного доверия, — сказал Кис напоследок, перед тем, как мы побрели через морену, чтобы отметить это событие купанием в ледяной реке.

Это была последняя возможность искупаться. На следующее утро был назначен наш выход в передовой базовый лагерь.

5

На рассвете 15 апреля, как только мы собрали палатки и упаковали снаряжение, готовые к выходу упрямые яки столпились в беспорядке. По их подавленному виду и по общему плохому поведению было совершенно ясно, что яки знают о предстоящем походе в ПБЛ, которым Саймон называет: «тяжелые учения», особенно, если вы — як, несущий на себе пятьдесят килограммов груза.

Теоретически зарплата погонщика яков установлена Тибетской альпинистской ассоциацией. Согласно их рекламе, нанять погонщиков ничуть не труднее, чем нанять носильщика в красной кепке в Хитроу. На практике же сцена в базовом лагере перед нашим выходом была весьма сумбурной. Главный сирдар (руководитель команды носильщиков) нашей экспедиции Нга Темба был осажден со всех сторон погонщиками яков, недовольных весом груза и требовавших надбавки.

Тибетские погонщики яков не стесняются выражать своё недовольство. Переговоры проходят с нахмуренными бровями, злыми гримасами и убийственными взглядами. Нга Темба оставался спокойным, что, казалось, ещё больше приводило их в ярость. Вскоре он оказался среди орущей толпы, которая и не собиралась приступать к погрузке.

Казалось, что насилие неизбежно, но тут из строения ТАА вышел тибетский посредник в яркой шелковой шляпе и попытался примирить погонщиков яков. Никто из нас не знал, что он им сказал, но его слова разъярили толпу ещё сильнее. Теперь каждый груз обсуждался отдельно, по мере того как толпа переходила от одной кучи снаряжения к другой. Ящики были подняты и отвергнуты, как стишком тяжелые, сумки проверены и презрительно отброшены в сторону.

Затем настроение толпы резко изменилось. Споры закончились, и погонщики яков разбились но группам и стали вьючить своих животных. Соглашение было достигнуто, все были довольны, и не было ни малейшего намека на то, что несколько минут назад назревал бунт.

После завтрака мы вышли раньше основного состава экспедиции, чтобы отснять, как участники и яки поднимаются но леднику Ронгбук. У нас было три или четыре фальшстарта, так как 16-миллиметровая камера «жевала» пленку, но Нэд во время вытащил запасную кассету и сделал серию прекрасных кадров в лучах, проходящих сквозь легкий туман. Я работал звукозаписывающим аппаратом, записывая жуткий свист

погонщиков яков, отраженный от стен долины.

После широкого плато морены мы повернули налево в восточную часть долины и оказались в узком ущелье, зажатым между ледником и осыпными склонами. С этих склонов шёл постоянный обстрел живыми камнями, грохот от приближения которых изматывал нервы до предела. В ущелье достаточно примеров, когда огромные, размером с футбольное поле, части стены обрушивались на ледник.

Поскольку мы были первой командой, покинувшей базовый лагерь, тропа на снегу была еле видна. От этого якам приходилось нелегко, они частенько падали на колени или застревали в узких проходах на льду. И только постоянные окрики погонщиков заставляли яков двигаться дальше.

— Хой! — был самый спокойный окрик, но чтобы як выбрался из действительно плохой ситуации, нужен был устрашающий окрик — ирраааарх! Когда слова не действовали, внушительный камень летел в крестец яка. Он действовал всегда.

Ледник Ронгбук — это огромная масса льда, но на нём лежит столько камней, что в нижней его части льда почти не видно. Только примерно после часа пути ледник начинает открывать трещины и отдалённые ледяные пики, но и они окрашены в темно-серый цвет от ледниковой пыли.

Через три часа после выхода из базового лагеря мы начали подниматься по крутому взлёту, с которого начинается ледник Восточный Ронгбук. Брайан обратил моё внимание на то, как Шиптону было нелегко определить истинное значение узкой долины в разведке 1922 года.

Сразу не видно, что за долиной лежит огромный ледник (так хитро она скрывает его истинное значение). Вход на ледник чуть больше, чем невинная расселина в стене долины. Трогательная струйка воды (это скорее ручеек, чем поток) вытекает из ущелья на ледник.

Здесь нет ни малейшего признака льда, и если смотреть вверх по долине Ронгбука, то будет видно только каменное ущелье.

Не мудрено, что Шиптон ошибся, исследуя долину в поиске «прямого» маршрута, ведущего к Эвересту. Теперь, меня не удивляет его решение; прямой маршрут смотрится как единственно возможный.

Долина восточного Ронгбука, смотрится уходящей от Эвереста в сторону. Войдя в долину, обнаруживаешь сразу два сюрприза: первый состоит в том, что ледниковая система, заключенная в долине полностью повторяет сам ледник Ронгбук. Второй сюрприз — долина Восточного Ронгбука и её ледник

неожиданно поворачивают по элегантной дуге на юг, прямо к подножью северной седловины. Удивительно, почему из устья долины вытекает так мало воды. Видимо, под землей течет гигантская река.

Шиптон не мог знать этого. Как жаль, что у него не было поддержки с воздуха. Один-единственный вылет мог бы за несколько минут раскрыть секрет ледника Восточный Ронгбук, который является скрытым ключом к северному склону Эвереста.

Потребовалась другая экспедиция и ещё два года, прежде чем этот важный географический выверт был обнаружен.

Следующие два часа мы тащились вверх по долине, вдоль северной стороны молочной реки по усыпанной булыжниками тропе. Как только начался подъём, яки увеличили скорость и обогнали нас. Погонщики, обутые в пластиковые ботинки и старые армейские кирзовые сапога, следовали за ними с удивительной легкостью даже на предательских ледовых участках. Они постоянно что-то напевали и насвистывали, находя достаточный запас воздуха в своих легких, тогда как у нас его не было.

Когда оставался час светлого времени, мы встали лагерем на маленькой скале над рекой, под далеко не монолитным склоном. Это был наш первый опыт установки палатки Мауитин Квазар, и мне пришлось обратиться за помощью к Алу, чтобы разобраться, со стойками.

Мы поужинали вместе в импровизированной палатке-кухне и вырубились в изнеможении в 8 часов вечера. Пока я старался уснуть, камни сыпались с ближайшей скалы и падали в реку со страшным шумом и всплесками. Ужасающая мысль пришла мне в голову: наша с Кисом палатка стояла в наиболее опасном месте — всего в двух метрах от края склона, который, очевидно, находился в процессе разрушения. Если наша часть склона вдруг пойдет вниз, мы упадем вместе с ней в реку, погребенные под сотнями тонн камней.

С каждым новым камнепадом моё сердце екало, а дыхание учащалось. Час или больше я лежал в состоянии ужаса, а затем погрузился в тяжелый кошмарный сон.

Я уверен, что в аналогичной ситуации на равнине я и не подумал бы об опасности или постарался бы мысленно уменьшить её, рассуждая логически, что эта скала находилась в таком состоянии несколько миллионов лет. Но здесь, на высоте 5800 метров, мой мозг оказался склонным к паранойе и страху — коварному действию высоты.

У Киса была своя проблема. Последние три или четыре дня у него развивалась болезнь горла, которая перешла в мучительный

кашель. Особенно он донимал его по ночам.

— Ты бы показал своё горло Сандипу, Кис.

— Я думаю, что пока его не надо беспокоить, — ответил он и зашелся в очередном приступе кашля.

Таков Кис. Он должен оказаться на последней стадии горной болезни, прежде чем добровольно обратится к врачу. В конце концов, я заставил его пойти к доктору, но большая часть лекарств Сандипа пропала вместе с бочкой на пути из Лондона в Катманду. Поэтому Сандип смог предложить только капли или лепешки от кашля и антибиотики. Кис решил понаблюдать, как будут развиваться события, и продолжал кашлять по ночам.

На следующее утро погода ухудшилась, с запада надвигались серые лучи. Задул сильный ветер, заставивший нас надеть всё тёплое бельё под ветрозащитные одежды из гортекса. Я надвинул шерстяной шарф на лицо и, сохраняя драгоценное тепло, выдыхал в него. Когда мы перевалили за скальный перегиб, перешли ледниковую реку и начали подниматься по Восточному Ронгбуку, в долине хлестали редкие порывы ветра.

Разговоры прекратились, как только мы начали подъём по грязным ледяным буграм. Все наши силы уходили на восстановление дыхания, которое постоянно сбивала эта сумасшедшая дорога, неравномерно чередующая подъемы и спуски и отвергающая все попытки установить какой-либо ритм движения. Снег был помечен красными пятнами крови — следствие многочисленных порезов ног яков об острые камни и лёд.

Я чувствовал себя изможденным и раздражённым, ноги мои лишились сил. Каждый раз, когда дорога шла в гору, я почти полз, а нетерпеливые яки и их погонщики кричали позади, требуя уступить дорогу. Рюкзак, который казался мне таким лёгким в базовом лагере, теперь давил на плечи, как будто был нагружен камнями.

В идеале, я хотел снять эпизод, как наша команда поднимается по леднику Восточный Ронгбук при плохой погоде. Обычно в горах сначала снимают эпизоды при хорошей погоде, при сильном свете и минимальном шансе испортить пленку. Тающая вода способна проникать даже в хорошо защищенную камеру с катастрофическими последствиями. Большая часть гималайских восхождений проходит при погоде, которую нельзя назвать хорошей, и я хотел запечатлеть этот момент, иначе фильм получился бы слишком «изящным».

Однако с течением времени энергия постепенно вытекала из меня. Чтобы снимать, нам нужно было открыть тюки и собрать аппаратуру, а это означало, что минут пятнадцать-двадцать нам

бы пришлось стоять на морозе с немеющими пальцами рук и ног, в то время как остальные участники ждали бы нас. Ожидание физических усилий, необходимых для снятия семи-восьми кадров угнетало меня. Мой разум и тело работали гораздо ниже своего нормального уровня, и проявлять энтузиазм было крайне трудно.

Чем больше я думал об этом, тем более привлекательной становилась мысль забыть пока о фильме и сконцентрироваться на перетаскивании ног и завершении сегодняшнего этапа. Об этом же думали и остальные участники. Не так ли? У меня был десятилетний опыт съемок фильмов в экспедициях, по первое время меня раздражал непосильный труд, с которым мы столкнулись. Кто бы мог подумать, что нам придется снимать фильм на Эвересте? Снимать восхождение день за днем — это уж слишком. Снимать и ещё тащить на себе аппаратуру?

Я проклинал свою дыхалку, которая привела меня в такое состояние, чувствуя несправедливость вообще и свою собственную вину. Что, чёрт побери, я делаю тут? Все эти мучения из-за нескольких телевизионных кадров? Черт, мы снимаем эпизоды, и они могут никогда не появиться в эфире. Вся работа коту под хвост. Что может быть глупее?

Это был не лучший мой день, силы быстро таяли. Мысль о том, что нам, но крайней мере, дважды придется преодолевать этот путь вверх по Восточному Ронгбуку до конца экспедиции, лишь усиливала моё недомогание. Теперь я всерьез сомневался, хватит ли у меня на это сил.

Через два часа мы остановились у замерзшего озера талой воды, чтобы попить воды из наших бутылок. В лагере я наполнил свою бутылку сладким черным чаем и завернул её в спальный мешок, теперь она все ещё немного хранила тепло. Чай подействовал немедленно, распространяя тепло по телу. Я был как застывший персонаж мультика, который за секунду превратился из голубого в розовый.

С жидкостью пришла мгновенная смена настроения. Гнев растаял и сменился чувством стыда за то, что я смог впасть в такое упаднические состояние духа.

Что же произошло? С ужасом я осознал, что в первые часы произошло обезвоживание моего организма. Результатом стали депрессия и злость. Впервые я увидел, как меняется настроение от обезвоживания, но я не сомневался, что всему причиной является потеря воды. Почему уже после пол-литра чая моё душевное равновесие вернулось ко мне также драматически, как и ушло раньше?

Это был волнующий момент открытия. Каждый кусочек полученного опыта был следующим шагом на пути познания —

следующим шагом на пути к вершине. Я выпил остаток чая и понял, что не позволю больше гневу снова овладеть мной.

Следующий час тяжкого труда привел нас на маленькую плоскую площадку, на которой индийская экспедиция установила промежуточный лагерь. Наши погонщики яков устроили привал и стали варить чай, присев под падающим снегом. Они приветствовали нас беззубыми улыбками, пока мы тащились по склону, шутили между собой и громко кашляли в дыму. В воздухе витал запах горящего дерева и дешевых китайских сигарет.

Напротив аккуратной стопки пластмассовых экспедиционных коробок с трафаретными надписями «ИНДО-ТИБЕТСКАЯ ПРИГРАНИЧНАЯ ПОЛИЦИЯ» была установлена зеленая армейская палатка. В стороне были свалены большие мешки фуража для яков, которые охранял свирепого вида пес. Было бы неплохо отдохнуть здесь и поесть, но у нас не на чем было готовить, и мы продолжили путь вниз по крутому склону, перешли замерзшую реку и стали подниматься по прямой трехкилометровой моренной гряде, ведущей к следующему лагерю.

Угнетающий вид заваленных валунами пригорков нижней части ледника сменился видом необычайной красоты. Слева были сераки, названные Мэллори «волшебным царством», ледяные башни, по форме напоминающие парус, чудесным образом выросшие из ледника подобно зубцам на спине дракона. Формируясь под действием ветра, сераки имеют цвет от чисто-белого до небесно-голубого.

Это было место, где мы просто обязаны были снимать. Нэд нес свой «Аатон», я ДАТ и микрофон, а Кипа Шерпа тащил треногу — самый тяжелый и неудобный из грузов.

На гряде мы разгрузили своё оборудование, защищая камеру от падающего снега. Весь следующий час мы снимали сцены с альпинистами и караваном яков на фоне ледника, хорошо видимого на заднем плане. Альпинисты с удовольствием позировали по нашей просьбе, это занятие давало им дополнительный отдых. Остановить однажды приведенный в движение караван яков оказалось невозможным, но нам, однако, удалось снять отставших животных, бредущих позади группы. Затем снегопад усилился и поднялся ветер, мы наскоро собрали аппаратуру и продолжили подъём по моренному «хайвею» (скоростной дороге). Сераки исчезли в белёсой мгле, приобретя призрачные, едва заметные формы. Мы успели уложиться в отведенное погодой время, пока сераки были видны, и остались этим довольны.

До следующего лагеря мы добрались около четырех часов

дня, после семичасового перехода. Я вычислил, что наша средняя скорость равнялась одному километру в час, тогда как на уровне моря скорость движения по пересеченной местности соответственно подготовленной группы около двух-трех километров в час. Только мы подготовили площадки и установили палатки, как налетел новый снежный заряд, сопровождаемый постоянным северным ветром, дующим прямо с ледника. Когда мы снимали толстые верхние рукавицы, чтобы собрать палаточные стойки, пальцы замерзали моментально.

Второй промежуточный лагерь раскинулся на захватывающем месте, на стыке ледников Восточный Ронгбук и Бейфинг. Эверест был виден отсюда за массивным плечом Чангцзе, а остальные виды открывались в сторону вершин Чангхенг (6977 м) и Ликсин (7133 м).

Воду добывали из замерзшего ледового пруда, застывшего между двумя разрушенными сераками. Пока Кис приводил в действие газовую горелку, я спустился по небольшому снежному склону, чтобы набрать воды в бутылки и нашу самую большую кастрюлю. Устанавливать столовую палатку не имело здесь практического смысла, поэтому питались отдельно, по палаткам.

Я пробил дыру в шестидюймовом льду, чтобы добраться до незамёрзшей воды. Буквально через пару минут, как все наполнили свои кастрюли, пробитая дыра затянулась слоем свежего льда, настолько крепкого, что потребовался удар ледоруба, чтобы снова пробить его. Набирая воду, я умудрился намочить свои рукавицы, и к моменту возвращения в палатку ткань замёрзла и стала твердой как железо. Мне пришлось воспользоваться другой рукой, чтобы отодрать мои пальцы от ручки кастрюли.

Мы поставили воду для чая, и в ожидании пока она закипит, вели неспешную беседу о том, что отсняли за день. Саймон предупредил нас, что воду надо кипятить хорошо, так как источник почти наверняка загрязнён. Очистка площадки под палатку от снега подтвердила его слова — земля была усыпана туалетной бумагой и прочими отходами человеческой деятельности, оставшимися от предыдущих экспедиций.

Кашель Киса за последние двадцать четыре часа усилился, и моё горло было не в лучшей кондиции. Первый признак воспаления горла — трудно глотать. Никто из нас не чувствовал голода, но мы заставили себя съесть готовые бобы с беконом и тут же заснули. Как и в предыдущие ночи, я несколько раз просыпался, чтобы пописать в бутылку, выделив больше литра жидкости. Кис, то ли лучше воспитанный, то ли используя свою близость к выходу, предпочел свежий морозный воздух лучшим

местом для ответа на зов природы.

С первыми лучами света нас разбудили крики погонщиков, собирающих яков. Выйдя из второго промежуточного лагеря, мы вошли в «проход» — последнюю часть ледника Восточный Ронгбук, который должен был привести нас в передовой базовый лагерь. Название «проход» было присвоено ещё участниками ранних экспедиций в 1920-е годы естественному сужению между двумя параллельными рядами сераков. Усыпанный моренными обломками, он походил на путь, проложенный в ледяном лабиринте, простой путь, ведущий чётко к плоской котловине у основания северной седловины. Мы прошли в тишине сквозь мрачный слой белых облаков, закрывающих от нас северный гребень Эвереста, который сейчас находился над нами.

Теперь высота давала о себе знать. Как в детстве при приступах астмы, в походе к ПБЛ мне приходилось бороться за каждый вдох. Раздражение в горле ночью перешло в боль, которую трудно было не замечать. Каждый вдох пересушенного воздуха отвергался воспаленной тканью, и начинала пульсировать острая колющая боль, как будто кто-то колол булавкой под миндалины. Остановившись, чтобы сплюнуть комок кровавой слизи, образовавшейся в горле, я подумал, что это, возможно, наименее приятный дневной переход из всех пройденных ранее.

Я решил показать своё горло врачу, как только мы придем в лагерь, понимая, что сейчас только начальная стадия болезни, которая может принять более серьёзные формы и даже помешать мне подниматься выше. Я читал в описании экспедиции 1924 года, в которой Ховард Сомервел (он поднялся до высоты 6500 м) чуть не задохнулся, после того как зараженная плоть отделилась и заткнула его дыхательное горло. Сомервел писал:

> «Я сделал одну-две попытки вдохнуть, но ничего не вышло. Затем сдавил грудь обеими руками и сделал последний очень сильный толчок, и закупорка выскочила. Какое облегчение! Откашляв немного крови, я вздохнул действительно свободно, намного свободнее, чем я дышал последние дни».

Закупорка, о которой писал Сомервел, была слизью, образовавшейся в его гортани.

Теперь мы были на тысячу метров выше базового лагеря, выше, чем большинство вершин вне Азиатского континента, включая Килиманджаро и Мак-Кинли, но всё ещё не достигли подножия Эвереста.

Палатки ПБЛ показались только после 2-00 по полудню.

Почти пришли, — сказал я Кису, но видимость была обманчивой.

Еле заметные пятна красной и зеленой материи на самом деле были гораздо дальше — эффект приближения в разрежённом воздухе. Чтобы дотащиться до цели, потребовалось ещё два часа тяжелой работы. Нам надо было опередить Брайана, чтобы отснять его входящим в лагерь, который станет нашим домом следующие два дня.

С высоты 6450 метров базовый лагерь представляется карибским курортом. Узкая полоса каменных обломков, зажатая между грязным льдом ледника и разрушенной каменной стеной юго-восточного склона Чангцзе, не то место, где можно легко восстановить силы. Почва безжалостно жестка, путь от одной палатки до другой — настоящая полоса препятствий из скрытых трещин и подворачивающих ноги камней.

Чтобы поесть, поспать или вообще что-то сделать, вам надо одолеть нарастающую волну изнеможения и апатии, которые идут рука об руку с набором высоты. Каждое простое действие: завязать шнурки на ботинках или собраться с силами, чтобы откликнуться на зов природы, совершается очень медленно. Так кислородная недостаточность сказывается на работе всего организма.

За ужином я минут тридцать грустно смотрел на тарелку с жирной пакетной лапшой, собираясь с силами отправить её в рот. Как я ни старался, но так и не смог её проглотить. Ни слова не говоря, Я вышел из столовой и выплюнул содержимое рта на ледник. Затем меня вырвало остатками полупереваренного завтрака, и я, содрогаясь от холода, вернулся в палатку.

На следующее утро, после кошмарной ночи, я чувствовал себя как человек после действия общего наркоза. Казалось, что кто-то хочет распилить мой мозг на две части тупой ножовкой, и мне понадобилось около часа, чтобы собрать волю в кулак, вылезти из спальника и пойти в столовую попить чаю.

Ближе к полудню Саймон собрал нас всех вместе, чтобы сделать объявление.

— У меня есть неприятная новость из базового лагеря, — сказал он нам, переведя дыхание, — мы только что получили сообщение о том, что прошлой ночью воры пробрались в палатку со снаряжением и похитили сумку.

— Чью сумку?

— Не знаю. Узнаем, когда спустимся вниз.

Эта новость, которую можно было пережевывать в течение долгих скучных часов. Кто же окажется тем неудачником, который лишился сумки? И что было в ней?

В такой экспедиции каждый элемент снаряжения имел

специальное назначение, поэтому любые утраченные предметы могли лишить их обладателя шансов на успех. Все наше высотное снаряжение было там внизу, ожидая следующего выхода в ПБЛ, и если пластиковые ботинки или пуховые комбинезоны исчезнут, то вероятность того, что замена будет доставлена во время, очень мала.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Погонщики яков, — произнёс Ал.

Досадно признать, но он, видимо, был прав. Трудно представить, кто ещё мог бы оказаться виновником. Базовый лагерь кишит временными жилищами погонщиков яков, и сознание того, что наше снаряжение практически не охраняется, могло ввести их в искушение. Тем более, что украденную сумку легко спрятать в одну из тысяч трещин или маленьких пещер, окружающих лагерь на Ронгбуке.

Обеспокоенный своей промашкой с охраной, Саймон спустился в базовый лагерь на день раньше. Остальные участники высидели положенные сорок восемь часов в передовом базовом лагере, позволяя своему организму адаптироваться к недостатку кислорода.

Один Сандип, наш доктор, понимал суть чудесного процесса акклиматизации, происходящего внутри нас.

— Только подумайте об этих красных кровяных тельцах, которые меняются и акклиматизируются. Невероятно, не правда ли? — говорил он в порыве энтузиазма, когда мы в сумерках сидели в столовой палатке.

Единственным ответом ему было зловещее чавканье. Для остальных акклиматизация была тяжелейшим испытанием, которое надо пережить, прежде чем получить удовольствие.

19 апреля пришло время идти вниз, мы собрались и стали спускаться по леднику в базовый лагерь с максимальной для нас скоростью. Шестнадцатикилометровый путь, занявший на подъёме три полных дня, на спуске был пройден большинством из нас всего за восемь часов.

Но для двух участников нашей команды спуске Восточного Ронгбука оказался не простым. Брайан и Ричард, журналист «Фаиненшел Таймс», ослабленные, возможно, изнурительными условиями первого похода к ПБЛ, спускались целый день.

Большинство из нас пришло в базовый лагерь до наступления темноты, и как только стемнело, мы стали с нетерпением вглядываться в ледник в надежде увидеть свет налобных фонарей отставших. Но его не было, хотя видимость измерялась милями. К семи часам вечера мы решили, что у Брайана и Ричарда могли возникнуть проблемы, и, захватив термос с чаем, спальный мешок

и немного дополнительной одежды, Роджер, Сандип и я отправились наверх на их поиски.

Мы шли по нашим следам несколько часов до места, где Восточный Ронгбук соединяется с Ронгбуком, и только тут мы увидели Брайана и Ричарда в сопровождении всегда спокойного Барни, Саймона и Ала. Они оба были изможднены и близки к коллапсу. Саймон был чрезвычайно рад нашему появлению.

Брайан повалился на скалу, бормоча извинения.

— Этот чёртов ледник. Весь пар вышел. Кажется, ноги совсем не идут.

Ричард был в странном, почти эйфорическом состоянии. Возможно, вследствие обезвоживания половина сказанного им не имела никакого смысла. Он спросил, нет ли у нас пива, и затем закатился истерическим смехом.

У Ричарда определенно были явные симптомы горной болезни. Этим поделился со мной Сандип, и я подумал о возможности отека мозга. Когда мы смогли обследовать его в норвежском лагере, то поняли, что его организм был сильно обезвожен.

Выпив чая, они оба восстановили свои силы настолько, что смогли медленным шагом продолжить спуск к базовому лагерю, хотя и опираясь на шерпов, чтобы не потерять равновесие.

В базовом лагере, в который мы добрались к трем часам ночи. Ричард продолжал вести себя неадекватно. Сандипу пришлось заставлять его пить.

Этот эпизод подтвердил опасность высоты и пошатнул мою уверенность в физической форме Брайана. Он продемонстрировал такую мощь по пути в передовой базовый лагерь, что проблемы на спуске стали для меня неожиданностью.

— Не беспокойся, Мэтт, — уверял он меня на следующий день, — это всего лишь кратковременный сбой. Так бывало и раньше на первом выходе в ПБЛ. На втором все будет гораздо лучше.

Это было характерно для Брайана — искать меня после неудачи, чтобы заверить в своих силах. Вчера у него выдался тяжелый день, но он не выказал ни тени жалости к себе. Ему действительно стало значительно лучше после нескольких дней отдыха.

Для Ричарда этот случай закончился не так счастливо. По прибытию в базовый лагерь он узнал печальную новость, что сумка, украденная в наше отсутствие из палатки со снаряжением, оказалась его. В сумке был портативный компьютер и приличная сумма денег. Лишиться денег было плохо, но лишиться компьютера было ещё хуже. На нём Ричард собирался делать свои

репортажи для «Фаиненшел Таймс».

Подавленный и возможно всё ещё пребывавший в шоке от внезапного ухудшения состояния на леднике Ричард на следующий же день принял скоропалительное решение. Услышав, что в Катманду уходит джип с Нэдом Джонсоном, он решил завершить экспедицию.

Он собрал остатки вещей, пожал руки озадаченным участникам и уехал, объявив, что он проведет несколько дней в Катманду, а потом улетит в Европу.

На прощание Ричард согласился оставить свою роскошную палатку. Брайан и Барни заняли её с впечатляющим проворством, отвергнув претензии конкурентов простым способом, забросив в неё все свои пожитки примерно через тридцать секунд после того, как «Тойота» с Ричардом скрылась из вида.

***

Утром 27 апреля, через четыре недели после начала экспедиции, Саймон стоял перед нами с ноутбуком в руках, читая дальнейший распорядок. По нашей акклиматизационной программе нам следовало во второй раз подняться в лагерь 3 (ПБЛ) и оттуда всей команде впервые выдвинуться в лагерь 4 на Северном седле.

«Кружка, ложка, зажим, обвязка, спальный мешок, бутылка для воды, пи-бутылка…»

Выдался ясный день. Каждая деталь северного и северо-восточного гребней была чётко очерчена в искрящемся свете. Треугольная вершина Эвереста смотрелась сквозь волнистую пелену теплового потока, идущего ото льда обманчиво близко.

Подъём на Северное седло является самой важной частью акклиматизационной программы. Сначала мы шли на кошках по крутому льду по закрепленным норвежцами верёвкам. Мы знали, что подъём потребует больших физических усилий и психологического напряжения, так как маршрут лавиноопасный, а высота достаточна, чтобы резко снизить скорость продвижения.

На седле произошла одна из самых жутких трагедий, когда-либо имевших место на склонах Эвереста. В 1922 году лавина унесла жизни семи шерпов британской экспедиции под руководством Хона С. Дж. Брюса. Мэллори писал об ужасе случившегося и о спасательной операции, в ходе которой два шерпа были вытащены живыми из трещины, в которую их снесло

лавиной.

В последующие годы Северное седло сохраняло свою плохую репутацию. В 1990 году на его ледовом склоне погибло три испанских альпиниста из экспедиции, ведомой С. П. де Таделом.

Устрашающий вид ледовой стены действовал, как и следовало ожидать, на наши нервы. Сознание того, что миллионы тонн льда могут в одни момент обрушиться сверху, неотступно наследовало нас.

Ал Хинкс готовил свою цифровую видеокамеру для первого значительного съемочного дня. Выход на седло — это ключевой эпизод фильма и первая возможность для Ала проявить своё искусство кинооператора. Я сильно надеялся, что облегченные камеры не подведут, и у нас будет несколько часов, чтобы Ал ознакомился с работой Sony.

Кис и я были заняты простой задачей физически выдержать подъём, и я даже не предполагал, что мы сможем оказать Алу помощь. Я был твёрдо уверен, что к исходу дня поднимусь на несколько тысяч футов выше моего предыдущего личного высотного рекорда. Но внутри подкатился приступ страха, что не дойду до лагеря 4, не имея соответствующей подготовки.

Стыдно сказать, но в этом случае огромный груз ответственности за высотные сцены ляжет на Ала и Киса.

Я мазнул на палец солнцезащитный крем и жирно смазал лицо и руки, боясь пропустить нижнюю часть носа и ушей, особенно страдающих от отраженных от льда солнечных лучей.

Мы снимали, как наша команда собирает последнее снаряжение и нестройной цепью покидает ПБЛ. Шерпы ушли раньше и уже появились в виде черных точек в основании седла, когда мы перешли с каменистой морены на ледник. Затем мы взяли правее, под северо-восточной гребень Чангцзе, по пути, впервые открытом британской экспедицией.

По своей привычке Ал не пошёл со всей группой, а копошился в куче снаряжения около палатки. Когда через час я оглянулся, то увидел его идущим быстрым шагом, чтобы догнать нас.

Мы часто обсуждали с Кисом причину такого его поведения. Без сомнения, Ал был быстрее любого из нас, быстрее при любых обстоятельствах, но, несомненно, он смог бы замедлить свой темп и идти вместе с нами. Мы все знали, что Ал одиночка, но иногда его поведение трудно было назвать иначе, как антиобщественное, Я думал, что это была своего рода психологическая установка — подсознательное стремление, возможно, подчеркнуть своё превосходство в мастерстве. Если это было так, как думало большинство участников экспедиции, то в этом не было никакой надобности, все и так знали, что он был из другой лиги.

Перед седлом местность выполаживается в ледовое плато с легким уклоном, образуя скруглённую долину, которая является самой южной оконечностью ледника Восточный Ронгбук. В этом естественном амфитеатре звуки носятся туда и обратно, отражаясь от стен, и даже за километр можно слышать голоса идущих шерпов. Другой аккомпанемент создают камни, падающие с Чангцзе, и грохот от их падения отзывается эхом по леднику.

В отсутствии облаков солнце печёт очень сильно. К полудню я уже почувствовал, что начинаю сгорать, действие крема закончилось. Я намазался снова и посоветовал Кису сделать то же самое. У Киса кожа была светлее, и, обгорая, она всякий раз слезала пластами, его нос был постоянно кроваво-красный от ожога.

Через три часа после выхода из ПБЛ мы подошли к подножью седла. То, что мы увидели над нами, не успокоило мои и так натянутые нервы. На расстоянии ледовая стена выглядела впечатляюще, но от основания она имела жутковатый вид. Стена простиралась в небо в виде пренебрегающих законы гравитации сераков (массивных свободно стоящих ледовых башен) и висячих ледников, огромных масс материи, удерживаемых вместе только сцеплением крошечных кристаллов льда друг с другом.

Половина стены гладкая и скруглённая, как взбитые сливки, сформированная тибетскими ветрами и разрушительным действием солнца и мороза. Оставшаяся часть на пути схода лавин состоит из разрушенных пиков и зияющих трещин. Неподалеку от того места, где стояли мы с Роджером, можно было видеть свежие следы лавины.

— Боишься? — спросил я его.

— Конечно. Чем скорее мы проскочим это место, тем лучше.

Следующие полчаса мы потратили на одевание кошек и обвязок, и это занятие оказалось на удивление утомительным. Я зацепился зубом кошки за нейлоновый гетр, на секунду потерял равновесие и повалился в снег. Я отцепил кошку от порванного гетера и немного полежал, пока утихла боль. Оглянувшись, я увидел, что Саймон и Барни заняты своим снаряжением и не заметили моей оплошности. Боль исчезла через несколько минут, но моё недовольство собой за допущенный промах длилось гораздо дольше.

Ал догнал нас немного раньше, и мы ушли вперед остальной группы, чтобы заснять Брайана и других в начале подъёма. Первым был эпизод подъёма по одному из самых крутых участков разрушенного льда, требующий изрядных физических усилий, по которому были прорублены глубокие ступени. Я впервые шёл по

перилам, по неопытности нагружая только руки. Через несколько минут я обессилил и сорвал дыхание.

Постепенно набираясь опыта, я стал больше полагаться при подъёме на ноги и меньше грузить руки.

По сравнению с моими неэффективными корявыми действиями у Ала всё шло быстро и чётко. На льду Ал чувствовал себя как у себя дома. Он был единственным из всей команды, кто не использовал перила, а шёл рядом с остальными, полностью полагаясь на свою снежную и ледовую технику. Я же был рад дополнительной страховке, которую давали перила. Скоро мы оторвались от основной группы на сотню вертикальных метров.

— Как ты хочешь здесь снимать? — окликнул меня сверху Ал. Он уже готовил камеру к съемке.

— Посмотри, сможешь ли ты отойти в сторону и дать крупный план, когда они подойдут.

Я должен был несколько раз перевести дыхание, чтобы ответить.

— Хорошо, — Ал привязал рюкзак к одному из перильных ледовых крючьев и легко отошел по крутому склону, не оставляя следов от кошек на твердом как железо отполированном льду. Он выбрал место в пятидесяти метрах по склону и проворно вырубил ледорубом для себя площадку.

Ал снимал участников, бредущих по крутой первой части ледового склона, ежеминутно спрашивая моего совета и докладывая, что он отснял. Брайан передвигался медленно, часто останавливаясь, чтобы отдышаться. В одном месте он картинно повалился на колени. Идущие сзади него терпеливо ждали, радуясь возможности немного отдохнуть.

— Сними Брайана поближе, — крикнул я Алу.

— Он как раз на пределе увеличения. Камера немного трясется, — у Ала не было штатива, чтобы стабилизировать камеру, и он держал её в руках.

— Попробуй хоть как-нибудь.

— Хорошо.

Через двадцать минут Брайан и все остальные подошли ко мне. Брайан принес извинения за свою медлительность.

— Простите, дорогие, — он задыхался, — немного вымотался, всё. Но я взойду, чёрт меня побери!

Выглядел он отвратительно. Слюни застыли на его бороде, а его лицо было призрачно белым от солнцезащитного крема. Я стоял рядом, пока Барни пристегивал его к крюку, чтобы дать ему немного отдохнуть. Без сомнения, ему было труднее, чем любому из нас. Его возраст сам по себе лишал его преимущества, и хотя с начала экспедиции он изрядно сбросил вес, он все ещё был

тяжелее остальных.

Ал и я нашли рюкзаки и пошли вперед искать следующее место для съемки. Вскоре ритм подъёма снова стал ровным: шаг вверх, подъём зажима в новое положение, пауза, перевод дыхания, шаг вверх и т. д. После десяти — пятнадцати шагов я должен был отдыхать подольше, на большее я был неспособен. Я был потрясен своей медлительностью, но идти быстрее не хватало сил. Лазать на высоте чуть больше 7000 метров — то же самое, что ехать с нажатыми тормозами.

Ал шёл мощно, как силовая машина, останавливаясь только, чтобы подождать меня.

Перила извивались между двумя ледовыми выступами и исчезали где-то слева над нами у подножья крутой трехсотметровой стены. Когда мы наблюдали в бинокль за другими группами, проходящими этот участок маршрута, мы даже удивлялись их медленному темпу. Я видел, как одна группа потратила почти час на преодоление пятидесяти метров перил. Теперь, испытав на себе в полной мере влияние высоты, я тоже продвигался очень медленно, желанные пятнадцать шагов без отдыха превратились в десять, потом в пять.

Через три часа восхождения по ледовому склону мой темп снизился до двух-, трехминутного перерыва между каждым шагом. Я стал часто опираться на ледоруб, удлиняя отдых. Часто кусая шоколад, я поддерживал уровень сахара в своем организме, но на жаре я почти допил два литра апельсинового сока.

На половине маршрута мы перешли через заполненную снегом трещину, а затем склон стал положе, образовав ровную полку, достаточную, чтобы на ней могли отдохнуть десять-пятнадцать человек. Я повалился на эту полку и допил оставшуюся жидкость.

С этого места во всем своем величии открывался ледник Восточный Ронгбук, изящно вытекающий, подобно реке, из объятий Эвереста, устремляясь на север. Слева, под северо-восточным гребнем Чангцзе, виднелись едва различимые цветные точки палаток передового базового лагеря.

Когда Брайан добрался до полки, ему было плохо. Он повалился на бок, кашляя, и потом зашелся в приступах рвоты. Барни помог ему снять рюкзак и протянул ему бутылку с водой.

— Возьмите кто-нибудь мой рюкзак, — голос Брайана звучал, как жалобный хрип.

Барни и Саймон обсудили положение и пришли к выводу, что только без рюкзака Брайан сможет достичь седла. Но кто понесёт его рюкзак? Чтобы помочь Брайану, они решили вызвать одного из шерпов из лагеря 4, и вскоре к нам спустился Кипа Шерпа. Он

уже поднимался на седло сегодня, и я был поражён, с какой безотказностью он принял поручение, которое вынуждало его работать намного дольше, чем он ожидал. Он взвалил на плечи рюкзак и пошёл вверх по перилам с феноменальной скоростью.

Брайан отдохнул, восстановил дыхание и продолжил подъём значительно быстрее и веселее, чем с грузом на спине.

До лагеря 4 мы сняли ещё только одни эпизод — пятнадцатиметровый ледовый участок, который, несомненно, является самым трудным на всем переходе. Я знал, что у нас получится хороший метраж, если нам удастся снимать альпинистов сверху на фоне простирающейся под ними долины. Я также предполагал, что для многих альпинистов этот участок потребует большого физического напряжения, и им будет не до камеры, что даст возможность получить неотразимый эффект.

Через четыре часа лазанья мы подошли к крутому участку. Был полдень, жара достигла апогея, превращая твердый лёд в гранулированный снег, ещё больше замедляющий наше движение. Мы траверсировали склон под угрожающим сераком. Я двигался с максимальной для себя скоростью, не доверяя снегу, который, как я мог судить, созрел для схода лавиной. Каждый неловкий шаг вызывал мини-лавинки, некоторые из них катились по склону метров пятнадцать и только потом останавливались.

Снег приобрёл консистенцию полурастаявшего мороженого, и вырубленные в нём ступени, на которые мы рассчитывали, обтаяли. Пару раз моя нога соскальзывала в откровенную слякоть. Я втыкал ледоруб поглубже для большей надежности и двигался как можно быстрее.

Перед началом крутого участка я отдохнул минут пять, чтобы восстановить дыхание. Грудные мышцы начинали болеть от тяжелой ноши.

Ал был уже на половине крутого участка, и я последовал за ним, вставив перильную верёвку в зажим, полагаясь на силу своих рук. Это была самая тяжелая работа, с которой нам приходилось сталкиваться. Ступени здесь тоже оказались разрушенными жарой, и приходилось с силой вколачивать ноги в замерзшую под слякотью твердь.

— Мы слегка припоздились, нам надо выходить раньше, — окликнул меня Ал.

У меня не хватило дыхания, чтобы ответить.

Наконец, я добрался до верха и пристегнулся к ледовому крюку для страховки. Ал уже вырубил для себя небольшую площадку, с которой собирался снимать. Его работоспособность на большой высоте была поистине впечатляющей, и пока вся команда приближалась к основанию крутого участка, Ал уже был

готов к съемке.

Интересно, что Брайан оказался одним из сильнейших исполнителей в этой трудной сцене, гораздо сильнее, чем Роджер, Сандип и Тор, которым пришлось так же тяжело, как и мне. Его тело было создано дня этой тяжелой физической работы, он поднимался мощными толчками, глотая огромные порции воздуха сквозь стиснутые зубы.

— Туристы, вы похожи на жалких туристов, — кричал Ал вниз.

— Мы идем в лоджию Кхумбу, — кричал в ответ Саймон, — мы правильно идем?

Роджер поднялся на самый верх крутого участка, тяжело дыша, и оперся о свой ледоруб.

— Самое плохое, — сказал он, когда вновь обрел дыхание, — это то, что я за всё это заплатил.

Он выдавил из себя улыбку и пошёл траверсом по более пологому склону, ведущему к седлу и гостеприимному убежищу — лагерю 4.

Сандип и Тор подошли без слов, занятые одним серьёзным делом — снабжением своих легких воздухом.

Я был очень рад, что съемочный день оказался столь плодотворным, но для его завершения надо было отснять прибытие команды в лагерь 4. Я пошёл вперед, чтобы занять удобную позицию для съемки. До цели оставалось пройти одну верёвку.

Дойдя до седла, я был удивлен его малым размером по сравнению с южной стороной. На картинах Южное седло изображали, как огромное плато, занимающее акры территории. На Северном седле количество мест, пригодных для лагеря, было ограничено, командам приходилось вжиматься в узкую полоску на подветренной стороне гребня, получая, таким образом, желанную защиту от преобладающих западных ветров.

Стеснённость усложнялась наличием большой трещины, которая разверзлась прямо под гребнем. Из месяца в месяц она расширялась, невольно напоминая, что лагерь на Северном седле разбит на вершине огромного куска льда, который в один прекрасный день может обрушиться. Я успокаивал себя мыслью, что полный вес нашей экспедиции ничто по сравнению с весом миллионов тонн льда, и он ни на йоту не ускорит этот процесс.

Я проходил мимо палаток других экспедиций, приветствуя, знакомые по ПБЛ лица. Дело шло к вечеру, и многие палатки уже были заполнены изможденными альпинистами и шерпами, которые вернулись после заброски грузов в лагерь 5.

Прибывшие первыми заняли лучшие места на седле, оставив

нам дальний и менее защищенный конец гребня. К моему приходу клубящиеся облака срывались с гребня в наши палатки.

Отсюда просматривался маршрут по северному гребню и далее по северному склону к вершинной пирамиде. Гребень купался в последних лучах заходящего солнца, и, пока я наблюдал, они угасали, оставляя лёд непривлекательным и серым как сталь. Маршрут казался бесконечным, и наш сегодняшний тяжкий подъём на седло вдруг показался мелким и незначительным. Мне даже не удалось увидеть ни лагерь 5, ни 6, они были слишком далеко для невооруженного глаза.

Переоценить важность подъёма на седло — непреодолимое искушение, в которое впадает каждый неопытный (включая меня) участник экспедиции. Если ты смог залезть на седло, то с таким же успехом взойдешь и на вершину.

Всё это враки.

Как только я увидел необъятность северной стороны Эвереста, то сразу понял ошибочность этого предположения. Подъём на седло — это просто разминка, учебный цикл, выводящий альпиниста на арену, где большие трудности только начинаются. Я был подавлен и напуган тем, что увидел, и понял теперь, что борьба за взятие седла была только легким прикосновением к грядущему. Я как завороженный смотрел на вершину, пока плотное облако не закрыло обзор.

Когда Ал подошел ко мне, мы в последний раз в этот день настроили камеру и сняли приближающихся утомленных альпинистов. Седло находилось в тени, и температура воздуха быстро понижалась с усилением ветра.

Я взял короткое интервью у Брайана, который, несмотря на крайнюю усталость, нашел в себе силы сказать нам несколько слов.

— Я ненавижу седло! — воскликнул он и закашлял, — но мы сделали это.

Затем он в изнеможении повалился на снег. Я восхищался силой характера Брайана, мы все знали, что у него сегодня был тяжелый день, но он не был ни раздражен, ни подавлен. Казалось, он не позволяет физической боли овладеть им психологически. Я начал понимать, почему Брайан был хорош на большой высоте.

Шерпы уже поставили почти все палатки, и нам осталась только одна работа — вырубить ледовые глыбы для растяжек. Эта помощь шерпов в тяжелой работе является ключевой частью стратегии таких коммерческих операторов, как «Гималайские королевства», которые стремятся сохранить силы клиентов, где только это возможно. Если бы нам пришлось самим ставить палатки, то мы бы замёрзли и ещё сильнее устали. Когда я

поблагодарил Нга Темба за проделанную работу, он недоумённо посмотрел на меня.

Кис и я растянули палатку ледовыми блоками и вырубили ещё несколько, чтобы натопить из них воды. Выбрать подходящий блок для этого было задачей довольно деликатной, потому что лёд, который было легче всего рубить, был испачкан экскрементами и другим мусором. К тому времени, когда все работы были выполнены, погасли последние лучи света.

Внутри палатки, освещенной нашими налобными фонарями, царил полный беспорядок. Здесь было не так много места, как в лучшие времена в Квазаре, к тому же снег, который мы только что сгребали, напирал с обеих сторон палатки.

Мы пользовались толстыми высотными спальными мешками, вынутые из чехлов они лежали как насосавшиеся пиявки. Кроме того, здесь было много всякой одежды: надувные матрасы, теплые пуховые куртки и т. д., просто негде было повернуться.

Кис со своим обостренным чувством логики быстро организовал на своей стороне палатки некую видимость порядка, убрав рюкзак назад, а впереди умудрился создать кухонное пространство, и мы смогли включить газовую горелку. Я бестолково суетился, ругая тесноту, пока не собрал своё разбросанное повсюду снаряжение в более или менее упорядоченную кучу.

Вдруг в темноте сквозь нарастающий рев ветра раздался окрик — это был Саймон, проверяющий нас.

— Мэтт, Кис, вы поставили кипятить воду?

— Да!

Он поступал верно, контролируя нас. Питьё было важнейшей потребностью после тяжелого рабочего дня, и мы об этом помнили. Я знал, что как только я закрою глаза, то моментально усну. Каждая уставшая клетка, каждая вытянутая мышца взывала ко сну, но сдаться на их милость означало бы прямой путь к жуткой горной болезни, а возможно и к коме.

Большинство досадных и скорых трагедий, причиной которых была горная болезнь, случалось, когда альпинисты засыпали, не пополнив свой организм жизненно важной жидкостью.

Шипящий звук газа действовал усыпляющее, и, казалось, лёд будет таять вечно. Мы беззаботно болтали о событиях дня, пока не заметили, что вода стала потихоньку закипать.

Весь вечер мы кипятили воду, пили и ели, сколько могли. Нудный процесс кипячения каждой кастрюли воды отнимал очень много времени. В ход пошло все: чай, горячий шоколад и суп, — отмеренное количество жидкости, составившее в итоге по два литра на каждого. Мы все делали правильно, но я не мог

избавиться от нарастающего чувства тошноты, которое преследовало меня с полудня. Я использовал всякие уловки, чтобы преодолеть слабость, но к девяти часам вечера она победила меня. Приступ тошноты заслал меня так неожиданно, что я едва успел расстегнуть полы палатки — вся выпитая за вечер жидкость вылетела наружу, оставив меня, глотающим воздух. Я лежал, высунувшись из палатки, пока приступ не прошел.

— Чёрт! — я ввалился в палатку с пульсирующей головной болью.

Боль была терпимой, по состояние подавленное. Потеряв всю жидкость, которую мы с таким трудом получили из снега, я стоял перед дилеммой: ложиться спать в надежде, что я поглотил достаточно жидкости, чтобы пережить ночь, или выйти из палатки, нарубить ещё льда и снова его топить.

Искушение — плюнуть на все и спать — было почти непреодолимым. Но я знал, что так делать нельзя. Потратив пятнадцать минут, чтобы надеть ботинки и куртку, я вышел в морозную ночь рубить лёд, проклиная свою судьбу с такой злостью, какой не испытывал никогда прежде. Вернувшись в палатку, я снова разжег газовую плиту и стал наблюдать, как первая порция льда стала медленно, очень медленно таять. Неудивительно, что Кис моментально уснул.

Я не взял с собой книгу, чтобы не увеличивать вес. Теперь, уставившись в темноту и борясь со сном, я жалел об этом.

На получение двух литров жидкости ушло два бесконечных часа. Затем я собрал кухонную утварь и прибрал, как мог, часть палатки перед входом, и даже не осознав, как забрался в спальный мешок, — через долю секунды уже спал.

На следующее утро у нас был свободный график. По первоначальному плану Саймона нам надо было бы немного подняться по северному гребню для улучшения акклиматизации, но эта идея была отброшена где-то по дороге. Теперь мы собирались спускаться с седла до самого базового лагеря.

Спуск был относительно прямой и проходил быстро. На простых участках мы спускались с перильной страховкой, на сложных — по верёвке.

На полпути я допустил досадную оплошность. Стоя на снежной ступени, я отцепил восьмёрку (дюралевое устройство, служащее для контроля скорости спуска по верёвке) от верёвки, чтобы переставить её. Работая замерзшими руками, я уронил восьмёрку. В тот же момент снежная ступенька, на которой стоял, пришла в движение, увлекая меня вниз. Чтобы остановить падение, я схватился свободной рукой за верёвку, проклиная мою

тупость.

По счастью, восьмёрка приземлилась рядом с моим ботинком, и я смог её поднять. Если бы она упала на ледовый склон, то полетела бы прямо на участников, находящихся подо мной, и кто-то из них мог бы получить травму. Я взглянул на Саймона, который был как раз надо мной, стараясь понять, видел ли он мой прокол. Но он что-то распутывал в своей обвязке и ничего не заметил.

Я был благодарен ему за это. Когда вертишься на виду у руководителя экспедиции, лучше обходиться без этого. Как он сможет доверить мне спуск с первой и второй ступеней, трудных скальных выходов выше 8000 метров, если я потерял жизненно важный элемент снаряжения на относительно простом рельефе седла? Я успокоился и продел верёвку в восьмёрку.

Я вышел сухим из воды, но инцидент напомнил о старых сомнениях и породил вспышку гнева на самого себя. Похоже, моя способность совершать дурацкие ошибки усиливалась с высотой, когда кислородное голодание вызывает эффект мозговой заторможенности. Я продолжал спуск с седла в подавленном настроении, уделяя особое внимание перестёжкам с верёвки на верёвку и стараясь не обморозить руки при работе со спусковым устройством.

Через два дня мы во второй раз спустились с Ронгбука в базовый лагерь, наслаждаясь теплом, плотным воздухом и появлением признаков аппетита. Для стороннего наблюдателя мы казались отдохнувшими, хотя внутренний стресс всё ещё находился в каждом из нас. Этот отдых в базовом лагере должен стать для нас последним. В следующий раз мы наденем рюкзаки и отправимся на Ронгбук по пути к вершине.

6

Я брился ледяной водой в столовой палатке в базовом лагере, когда в неё с важным видом вошел Кис, вернувшийся из индийского лагеря. У индусов барахлил спутниковый телефон. Кис каким-то чудом вдохнул жизнь в испорченный аппарат. В знак благодарности индусы предложили ему бесплатно поговорить по телефону.

— Я дозвонился до Кати в Канаду.

— Здорово.

— Есть новости.

— Да?

— Я скоро стану папой.

— Господи! Это замечательно.

Вечером мы отметили это событие раздражающе злым тибетским бренди.

Самодовольный будущий отец вытащил тоненькую коробку кубинских сигар с обрезанными концами и угощал всех желающих. Не найдя ни одного желающего и передумав прикуривать на такой высоте, Кис периодически нюхал незажжённую сигару.

— Одного запаха достаточно, — величественно провозглашал он на следующее утро, когда я, слегка разбитый, лежал в палатке и читал, вдруг услышал бормотание дизельного грузовика, вкатившегося на ледник Ронгбук. Вскоре после этого до меня донесся крик Саймона: «Манти!»

Я высунул голову из палатки и увидел, что Саймон здоровается с кем-то в столовой. Меня окликнул Сандип.

— Никак «кошачья повозка» приехала, — сказал он. «Кошачья повозка» — это прозвище, данное кем-то грузовику треккеров, который, как мы знали, может навестить нас в любой день. На его борту едет команда туристов, путешествующих по Тибету, организованная туристской ветвью «Гималайских королевств». По прошествии нескольких недель вынужденного полового воздержания в воображении каждого участника мужского пола представали гибкие красавицы, которые без сомнения были в группе туристов. Действительно, в последние дни за ужином мы ни о чем другом и не говорили, доказывая (если это надо доказывать), что поведение мужчины от высоты сильно не зависит.

— Наверное, в группе человек двадцать, из них, по крайней мере, пять или шесть девочек, — подсчитал кто-то.

— Гораздо больше, — я полагаю, — десять или пятнадцать.

— Они разевают рот на мужиков.

— Конечно.

— Непременно среди них будут девочки из Скандинавии.

— Вероятно, несколько.

— Исторически Тибет всегда притягивал нимфоманок.

Когда, в конечном итоге, «кошачья повозка» извергла своё содержимое, мы поняли, как далеки мы были от истины. Рядом с Манти, руководителем группы, стояли только четыре платных клиента — древнего вида шестидесятилетняя парочка и два бородача с трясущимися коленями. В одном отношении мы были правы. Туристы разевали рты, но под действием высоты и только. Для нас это было ударом.

Но всё же в прибытии грузовика была и хорошая сторона — с ним приехала почта из дома и от друзей. Мы похватали свои письма и разошлись по палаткам читать драгоценные послания.

Фиона писала о семейных новостях, связанных с короткими каникулами, и о клумбе с новыми растениями у них в саду. Это сообщение звучало особенно невероятно здесь, на унылом каменном ландшафте Ронгбука, где вряд ли может вырасти какое-нибудь растение. Это все было довольно забавно. Но подтекст письма нетрудно было разгадать. Фиона хорошо знала, насколько рискованная наша экспедиция, и это, очевидно, растягивало десять недель ожидания до десяти лет. Для нас не было ничего необычного в том, что мы находились по разные стороны земли, но в этот раз ситуация была другой и не только потому, что это было опасное предприятие. Фиона понимала, что Эверест станет для меня неким водоразделом по многим причинам. Во-первых, я собирался сделать свой последний приключенческий фильм, во-вторых, я хотел найти путь, который остановит разрушение наших отношений.

Отношения между нами не были плохими, действительно в них оставалось на удивление много хорошего. Мы всегда были счастливы, когда были вместе. За все годы нашей совместной жизни мы никогда не повышали голоса друг на друга и всегда были способны посмеяться вместе.

Но была одна основная проблема: проходило два, три дня после моего возвращения домой, и я обнаруживал, что шагаю взад и вперед по комнате, размышляя о том, как, чёрт возьми; сказать Фионе о следующем приступе зуда в ногах. Я не скучал, находясь дома, это была моя постоянная неудовлетворенность собой, чувство, что мне следует лучше делать фильмы, которые я снимаю, лучше писать сценарии, которые пишу. Возможно, это была та движущая сила, которая вытаскивала меня за дверь.

Так было, и Фиона была сыта этим по горло.

И что же делать? Мы всё ещё сильно любили друг друга, и я не собирался разбрасываться этим. И я, конечно, не хотел переделывать то, что в основе было счастливой семьёй. Но я толкал Фиону к тому, что жить со мной было гораздо труднее, чем жить без меня.

Я пролежал весь день в палатке, уставившись в бесконечность.

Вечером за ужином у меня было унылое настроение.

— Ты что-то немного не в себе, — сказал Роджер, — что-то случилось?

— Мысли о доме.

Объяснять больше было нечего, мы все в равной степени страдали ностальгией и знали, что это неизбежно.

— Лучше вообще не получать писем из дома, — сказал Брайан, — это невыносимо.

И в некотором смысле он был прав.

***

Неудивительно, что в свободное время, которого было достаточно, мы часто обсуждали, когда и как разделят нашу группу. Разделить группу из девяти альпинистов было логически целесообразно, хотя бы потому, что в верхних лагерях не хватило бы палаток на всех, к тому же штурмовая группа из девяти человек была бы опасно громоздкой. Нам предстояло выходить двумя группами с промежутком в три или четыре дня.

Вопрос — как нас поделить — не был трудным для Саймона. Кис, Ал и я был и в команде благодаря Брайану, следовательно, мы должны быть с ним в одной группе, там же должен быть и Барни как гид. Так сформировалась наша пятерка.

В четверку входили: Саймон, Тор, Сандип и Роджер.

Но какая группа пойдет первой? Вот вопрос, который владел нашими умами всё время ожидания в базовом лагере. Мы бесконечно обсуждали все за и против, пока ждали решения Саймона. Идти первыми было легче психологически, потому что меньше времени придется торчать в базовом лагере. Мы достигли пика спортивной формы, пика акклиматизации и были готовы к штурму морально и физически.

Дни, проведенные в базовом лагере, были пустыми, деморализующими, когда вирус, занесённый туристами, мог уничтожить шанс на успех. Кроме того, период ожидания давил

психологически. Сомнения множились, как бактерии, разъедающие страхи были результатом размышлений каждого из нас об известных и неизвестных опасностях, поджидающих впереди.

Мы отчаянно стремились наверх.

Были также и другие факторы, дающие понятные преимущества первой группе. Запасы кислорода и питания, находящиеся в лагерях 5 и 6 были тщательно рассчитаны по человеко-дням. А что если первой группе придется на день-два задержаться из-за непогоды? В этом случае они будут вынуждены воспользоваться запасами, предназначенными для второй группы. Саймон убеждал всех, что в этом случае он просто пополнит запасы, послав носильщиков с грузом в верхние лагеря, тем не менее, участников не покидало ноющее сомнение — окажется ли драгоценный кислород в нужном месте и в нужное время?

Ал указал на другую возможную неприятность для второй группы, если первая задержится. В лагерях 5 и 6 количество мест ограничено. Двух «Квазаров» с трудом хватит для группы из четырёх-пяти альпинистов. Вторая группа может столкнуться с тем, что спускающиеся альпинисты, неожиданно заняв лагерь 5, создадут затор, вынуждающий группу, идущую вверх, прервать восхождение. Ал уже сталкивался с таким сценарием в своей второй экспедиции на Эверест. Затор в лагере 5 свел на нет все его шансы на успех.

Болезнь или несчастный случай, произошедшие в первой группе, могут также лишить шансов участников второй группы, если им придется участвовать в спасательных работах.

Казалось, что все складывается против второй группы, но был один фактор, который перевешивал все остальные и мог нанести удар первой группе — погода.

— Нет никакой разницы, какая группа пойдет первой или второй, — прозвучал голос умудрённого в этом вопросе Ала. Если ударит непогодь, то никакая группа не сможет достичь вершины. У второй группы ровно столько же шансов поймать «окно» хорошей погоды, как и у первой. Как кому повезёт.

Погодное «окно» — драгоценная призрачная случайность. Она значит больше, чем кислород, продукты, места в палатке, и ей, в конечном счете, решать, кто из нас достигнет Крыши Мира.

Мы нуждались в этом окне, но в то же время и боялись его. Погодное окно может легко превратиться в погодную ловушку. Нас изумляло, с какой устрашающей скоростью меняется погода на Эвересте. В ясный день погода может резко ухудшиться и меньше чем за час обернуться диким ураганом. Окно может так же быстро захлопнуться, как и открыться, и пятиступенчатый

замок Эвереста защелкнется, охраняя его.

Это непреложный факт, козырная карта вершины, и потому ни один альпинист, как бы ни была высока его квалификация, не может полностью быть уверен в успехе. Мы могли изо всех сил пытаться предугадать погодные условия, в которых пойдём на восхождение, но, по большому счёту, мы были в руках судьбы.

Все горячо обсуждали возможность второй попытки штурма вершины, понимая, что восстановительный период, последующий за неудачным восхождением на высоту 8000 метров, не позволит нам вписаться в десятинедельный срок нашей экспедиции. Было ясно — у нас есть только один шанс, и это всё.

Саймон объявил о своем решении, совершив обход лагеря и беседуя с каждым индивидуально в палатке (я оценил этот его шаг как тактический для предотвращения недовольства, которые возможны при коллективном разговоре).

Брайан, Барни, Ал, Кис и я (группа А) выходим первыми через два дня, Саймон, Сандип, Тор и Роджер (группа Б) идут вторыми через три дня после нас.

Все согласились с этим решением, кроме Тора, которого особенно расстроила необходимость задержаться в базовом лагере. Возможно, Тор больше других страдал от вынужденного бездействия. Сандип и Роджер восприняли это спокойно, хотя им тоже было нелегко сидеть в базовом лагере, в то время как группа А отправится на восхождение.

Решение Саймона было отчасти политическим решением. Статус Брайана как актера гарантировал, в случае успеха, «Гималайским королевствам» широкую огласку в прессе, в добавление к снятому фильму.

По этой ли причине Брайан и наша киношная команда получили призовой первый номер? Дать нам первый и лучший шанс с максимальными ресурсами? Этот вопрос никогда не обсуждался публично, но каждый из нас, особенно группа Б, полагали, что это так.

Брайан был, как всегда, жизнерадостным и бодрым. Как и Ал, он был настроен на долгое ожидание в базовом лагере. В отличие от нас Брайан не расстраивался, а принимал бездействие как должное, как часть всего процесса.

— Мы лезем на гору, — говорил он мне, — даже когда мы сидим здесь. Мы отдыхаем, мы расслабляемся. Хороший день здесь так же ценен, как хороший день наверху — всё на пользу. Нет смысла двигаться, пока мы не уверены, что всё в порядке.

Рассуждая подобным образом, он отправлялся отдыхать в «гималайский отель» — свою палатку, где слушал классическую музыку и листал книгу. И это не было игрой, Брайан

действительно мог расслабляться в подобной обстановке. Я искренне восхищался открывшейся в нём зрелости и силе разума. Брайан отчетливо осознавал важность игры в ожидалки. Он мог стряхнуть с себя напряжение, тогда как остальные из нас сгибались под ним. Возможно, это умение развилось в нём за годы актерской работы, когда способность контролировать свои нервы во время премьеры является первостепенной.

В середине нашего ожидания в базовом лагере прошел удививший нас слух, что Ричард, журналист из «Фаиненшел Таймс», возвращается в экспедицию. Слух пришел из индийской экспедиции, у которой была ежедневная радиосвязь с Катманду. В одном из этих сеансов они получили через индийское посольство сообщение от Ричарда, в котором говорилось, что он намерен вернуться.

В ответе Саймона в крепких выражениях говорилось, что ни при каких обстоятельствах Ричард не должен возвращаться в состав экспедиции. Появление ещё одного участника влекло за собой изменение всей логистики восхождения. Короче говоря, для Ричарда не было ни продуктов, ни кислорода, ни места в верхних лагерях. Было слишком поздно что-то менять. Сообщение Саймона осталось без ответа.

— Привет, ребята, — через три дня Ричард вошел в лагерь. Путь от Катманду через Тибетское плато он преодолел на попутных машинах.

— Я специально сообщил по радиосвязи в Катманду, чтобы вы не возвращались, — холодно сказал ему Саймон.

— Вы не получите обратно спою чертову палатку, — встрял Брайан. Это была не очень дружественная встреча.

Я уже сталкивался с синдромом «третьего липшего» в других экспедициях. И теперь Ричард испытал его на своей собственной шкуре, в самой его скверной форме. Команда приспосабливается к новым условиям, когда одни участник покидает её. Если же этот человек неожиданно появляется и пытается снова влиться в коллектив, он неизбежно оказывается отвергнутым независимо от того, насколько популярным он был раньше.

Ричарду было запрещено подниматься выше базового лагеря, но он решил воссоединиться с командой и выполнять свои профессиональные обязательства перед газетой. Эта впечатляющая демонстрация профессионализма означала, что он — единственный имеющийся в наличии журналист, который будет через несколько дней отправлять репортажи, когда разразится шторм.

Зная о нашем близком выходе, я вручил Сандипу на хранение небольшую пачку писем. Я понял, что на восхождении мы ни от

чего не застрахованы, и написал несколько коротких прощальных писем, которые и передал Сандипу.

— Не мог бы ты их отправить, если я не вернусь, — спросил я его. Сандип с удивлением взглянул на топкую стопку писем.

— Конечно.

То, что я сделал, могло показаться паникой, но мне действительно было легче идти на восхождение, зная, что в случае несчастья мои письма придут к людям, которых я любил. Я чувствовал, что самое тяжёлое — уйти не попрощавшись.

— Эй, Мэтт, — окликнул меня Сандип, когда я вновь занялся укладкой, — я искрение надеюсь, что мне не придется отправлять эти письма.

— Я тоже.

Перед нашим выходом мы сделали несколько групповых фото, после чего группа Б помахала нам на прощание руками. Не знаю точно почему, но я не люблю групповые снимки. Суеверно отношусь к ним. Я почувствовал, что и остальные участники делали это с неохотой. Возможно, групповое фото имеет особое свойство, как нервная дрожь, которую я испытал, когда в первый раз увидел наши имена в восходительском пермите, и когда вдруг чётко обнажилась уязвимость нашего предприятия.

Имена, напечатанные на листе, ряды улыбающихся друзей, запечатленные в базовом лагере — как легко гора может стереть их с лица земли. Групповые снимки часто становятся погребальными в литературе о гималайских восхождениях, и ни одно из этих улыбающихся лиц ничего не знает о той участи, которая его ожидает.

Барни больше других не любил эти фотографии. Он даже не показал своё лицо, надвинув шляпу и солнцезащитные очки. Мне тогда его поведение показалось глупым, но потом я понял, что он чувствовал то же самое, что и я, только гораздо острее.

Ал тоже чувствовал себя дискомфортно. У него была коллекция подобных экспедиционных фотографий, многих участников которых уже не было в живых. Тем не менее, он стоял вместе со всеми, пока двое участников норвежской команды нас фотографировали.

***

Наш третий подъём на Восточный Ронгбук отличался от первых двух. Радость, что мы вырвались, наконец, из базового

лагеря, действовала как выстрел из катапульты, вызывая в каждом из нас прилив адреналина. Я чувствовал себя, как на равнине, мысль работала ясно.

После нашего тренировочного выхода на Северное седло (7000 м) на меньшей высоте мы двигались без всяких усилий. Теперь нам казалось, что по сравнению с разреженным воздухом седла на Восточном Ронгбуке на высоте от 6000 до 6500 метров, нашим легким кислорода вполне достаточно. Месяц назад мы жадно хватали воздух на шестнадцатикилометровом пути в передовой базовый лагерь, затратив на него три дня. Теперь нам следовало пройти этот путь за два дня.

Хотя на леднике не было движения яков, но были другие развлечения. На нижнем Ронгбуке, на крошечных пятнах зелени паслись робкие тибетские олени. Когда мы спугивали их, они спасались бегством, устремляясь вверх по каменным осыпям, да так ловко, что ни один камень не срывался из-под их ног. На Восточном Ропгбуке мы не видели животных, только птиц, прилетевших вместе с тёплой погодой и клюющих остатки ячьего корма в виде семян и соломы.

Еще мы видели тибетского снежного петуха — птицу, величиной с утку, похожую на недоделанного фазана. Она издавала странный кудахтающий звук. Барни рассказал нам историю о немецком альпинисте, который подстрелил и съел такую птицу несколько лет назад. Вскоре он погиб, переходя одну из горных рек в период половодья. Мы оставили этих птиц в покое.

Ледник вокруг нас начинал по-весеннему таять. Потоки талой воды, набирая силу, текли по морене, прорезая себе извилистый путь между камней. Нам приходилось потрудиться, чтобы не замочить ноги, а в некоторых местах только стратегически расположенные камин позволяли нам перейти бурные потоки.

Местами потоки исчезали из вида, стекая в воронки, и продолжали свой бег глубоко в недрах ледника. Громыхающие звуки этих подземных потоков иногда можно было слышать прямо под ногами, как шум метро на лондонской улице. Я заглянул в одну из таких воронок, где вода устремлялась вниз в совершенно круглую отполированную ледяную трубу, достаточную по размерам, чтобы поглотить небольшую кошку. Было ужасное искушение прыгнуть в неё. Мне хотелось узнать, что произойдет, если белая быстротекущая вода подхватила бы меня и понесла подо льдом.

Теплые весенние дни вызвали и другие изменения, теперь крутые края долины над ледником были не так стабильны, как раньше. Камни, примерзшие зимой, оттаяли, готовые упасть на

ледник. Многократно отражённый грохот камнепада метался взад и вперед по долине Восточного Ронгбука, особенно в нижней её части, где склоны были круче и рыхлее.

Не раз мы чуть не становились жертвами камнепада. Брайан едва успел отскочить от «линии огня», когда два смертоносных камня просвистели рядом с ним.

— Совсем близко, — сказал я.

— Идем как в зоне обстрела.

Два участка нашего маршрута изменились до неузнаваемости. Замерзшее озеро, размером с теннисный корт, полностью исчезло вместе с землей вокруг него. На этом месте образовалась яма двадцатиметровой глубины, которой раньше не было. Мы предположили, что существенная подземная полость захлопнулась под этим местом, поглотив озеро и тысячи тонн морены. Натоптанная трона исчезла, и нам пришлось прокладывать новый путь в обход по более крутому участку, чтобы достичь твердой земли на другой стороне ямы.

Кроме того, со склона на ледник сполз огромный оползень. Он был также впечатляющ, как и провал — тысячи новых камней со множеством свежих обломков, разбитых от удара при падении и сваленных в беспорядочную кучу. Мы осторожно прошли это место, переходя от одного камня к другому, проверяя устойчивость каждого, прежде чем нагрузить его своим весом. Такой гигантский оползень двигается слишком быстро и если группа, по несчастью, окажется под ним, убежать вряд ли удастся.

Переночевав на середине Восточного Ронгбука рядом с индийским лагерем, в полдень 9 мая, в разгар метели, мы добрались до передового базового лагеря. Весь день ветер усиливался и теперь дул с силой четыре — пять баллов, что вполне достаточно, чтобы посеять сомнение относительно завтрашнего выхода.

— Что ты думаешь насчет погоды на завтра? — спросил я Ала.

— Глядя на это безобразие, похоже, нас ждет несколько дней неустойчивой погоды, — ответил он.

— Завтра встанем и увидим, — заметил Барии, — но должен сказать, ничего хорошего ждать не приходится.

Хотя никто из нас не был уверен в завтрашнем выходе, мы готовились к восхождению. Кис и я копались в экспедиционных бочках, проверяя каждый предмет по списку.

Когда наступила темнота, пришло радиосообщение с южной стороны Эвереста о первой жертве в сезоне. Чен Ю Нан, участник тайваньской экспедиции, вышел из палатки в лагере 3 на склоне Лхоцзе но естественной надобности, поленившись надеть

пластиковые ботинки и кошки. Обутый только во внутренние ботинки, он поскользнулся на крутом льду и упал в трещину, на глубину семнадцать футов. Шерпы вытащили его, но впоследствии он умер от полученных травм.

Руководитель тайваньцев Макалу Го был на Южном седле, когда получил сообщение от лидера команды IMAX Дэвида Бришерса о гибели Чена.

— Хорошо, спасибо за информацию, — был ответ лидера тайваньцев, поразивший Бришерса, который совершил подъём к подножью стены Лхоцзе в надежде спасти Чена, а потом мучительно спускал его тело вниз. Го объявил Бришерсу и другим альпинистам из «Консультантов но приключениям» и «Горного безумия» (которые тоже находились на седле, ожидая выхода на вершину), что он не изменил своего решения продолжать восхождение.

Больше тридцати альпинистов прижимались друг к другу в своих спальных мешках, стремясь урвать хоть несколько часов бессонного отдыха перед полуночным выходом.

***

В 6-30 утра 10 мая меня разбудил Кис, который расстегивал замок-молнию на входе в палатку. Был кристально чистый рассвет, горы уже освещались солнцем, и мне пришлось надеть солнцезащитные очки, чтобы смотреть на них.

— Красота, — сказал Кис.

Я зашнуровал ботинки и вышел на ледник, где уже совещались Ал и Барни.

— Что вы скажете? — спросил я их.

— Мы не в восторге, — ответил Ал.

— Почему, — изумился я, — это один из лучших наших дней здесь. Пошли.

— Ты видишь те облака? Барни указал на север, где молочная мгла витала наверху. Вся система нестабильна.

— Мы подождем здесь и посмотрим, к чему это приведет, — сказал Ал, — нет смысла идти наверх, если погода собирается портиться завтра или послезавтра, мы только вымотаемся зря.

Я посмотрел на седло, где вереница альпинистов уже шла вверх.

— Как же они? Или они думают, что все будет нормально?

Ал и Барни пожали плечами, и на этом разговор закончился.

Мы побрели в столовую палатку, чтобы впихнуть в себя чапати (пшеничную лепешку) с джемом, смирившись с необходимостью провести грядущий день в ПБЛ.

Шёл день, и моё беспокойство за наши планы росло. Солнце палило нещадно, как и прежде, внутренности палатки раскалились. Чтобы охладить интерьер, нам приходилось вытаскивать спальные мешки на крышу палатки. Я уже успел возненавидеть ПБЛ после двух наших первых набегов, и сейчас меня не оставляло чувство страха, что мы задержимся здесь дольше, чем планировали. Я не смог сосредоточиться на чтении, сидел около платки и непрерывно бросал камни в улыбающийся рот узкой трещины.

— Спокойствие, Мэтт, — Брайан заметил моё растущее нетерпение, — здесь всегда есть окно, у нас будет четыре-пять хороших дней. Если не сейчас, то они придут позднее. Нам, может быть, придется ждать до конца мая. Но если Ал и Барни говорят, что надо ждать, то мы остаемся здесь. Это игра.

В противоположность моему подавленному состоянию наши соседи по палатке — индийская команда — были сильно возбуждены. Их ведущие альпинисты сегодня отправились на штурм вершины, первое восхождение с севера в этом сезоне, который начался несколько недель назад. Все утро они собирались около зеленой армейской палатки с рациями в руках, стараясь поймать своих альпинистов в бинокли. Мохиндор Сингх, их руководитель, был наиболее заметной фигурой: в зеркальных солнцезащитных очках, в своём пурпурном тюрбане, он гордо возвышался над остальными членами команды.

Я зашел к ним перед обедом.

— Какие новости? — спросил одного из команды Сингха.

— Шесть наших альпинистов только что подошли к гребню, — сказал он, — теперь мы ждем, затаив дыхание и скрестив пальцы.

Я пришел в восторг от успеха индийцев. У нас было много друзей в их команде, мы сблизились с ними благодаря Сандипу, свободно говорящему на хинди и пенджаби. Пока я восхищался этим событием, одна из двух находящихся в команде девушек принесла мне чашку чая, которую я потягивал, косясь в маленький бинокль и тщетно стараясь разглядеть альпинистов.

Индийская группа вышла из лагеря 6 в 8-00, время, как я знал, довольно позднее. Но в индийской команде не было ни признака беспокойства, а только чувство ожидания великого свершения.

К полудню погода, а с ней и шансы на успех резко ухудшились. С северного гребня надвигался сильный снегопад, и

флаг на вершине угрожающе извивался, как тонкий хвост. К четырем часам пополудни трое из индийской штурмовой группы повернули обратно в лагерь 6, остальные продолжали восхождение в условиях постоянно ухудшающейся погоды.

Брайан высунул свою голову из палатки.

— Я бы не хотел сейчас оказаться там наверху, — сказал он.

Я согласился с ним. Сейчас я был очень рад, что мы всё ещё были в лагере.

Затем ветер без предупреждения усилился, вершина исчезла в облаках, северный гребень погрузился в водоворот падающего снега. Менее чем через тридцать секунд, когда налетел первый яростный порыв ветра штормовой силы, мы уже бежали в укрытие своих палаток. Порыв был такой силы, что срывал молитвенные флаги, поднимал в воздух пустые коробки и всякий мусор.

Я влез в палатку через несколько секунд после Киса, следующие пятнадцать минут мы очищали палатку от снега, который принесли на себе.

Температура воздуха упала градусов на двадцать всего за несколько минут. Стало абсолютно ясно, что с ураганом такой силы мы не сталкивались за все предыдущие недели экспедиции. Эверест будто сорвался с цепи, силы его ярости вполне бы хватило, чтобы оторвать альпиниста от земли и сдуть с горы как клочок бумаги.

Обычно выше лагеря 2 к полудню погода ухудшается, усиливается ветер, часто идет снег, но сейчас все было по-другому, во много раз хуже. Обычно во время урагана на Эвересте скорость ветра редко достигает 130 километров в час, к пяти же часам снег летел горизонтально земле, со скоростью вытягивающей кровь из вен.

По мере того как снег собирался около палатки, его таинственно сдувало ветром, обнажая гору. Снежный покров, который выпал на Эверест за предыдущие дни, миллионы тонн снега, теперь был поднят в воздух, подхваченный силой, гораздо большей той, которая удерживала его. Снег превратился в гранулированный лёд, который барабанил по прочному нейлоновому тенту нашей палатки и скатывался с него с зловещим шипением, напоминающим белый шум радиопомех.

Вскоре мы поняли, что надо попробовать показать в нашем фильме суровость природы, но как это сделать, не повредив камеры? Цифровые камеры так же уязвимы к морозу и снегу, как и любые видеосистемы, а у нас их было только две.

Оператор Кис знал ответ на любой технический вопрос, и здесь он тоже нашёл простое решение — разорвал пластиковый пакет для мусора и плотно запаковал в него камеру с помощью

нескольких слоев липкой ленты.

— Ты думаешь, это будет работать? — спросил я его.

— Или так, или никак, — пожал он плечами.

Мы надели наши многослойные куртки из гортекса и вылезли на ураган снимать фильм. Чтобы защититься от снега, по твердости сравнимого с гравием, мы надели лыжные очки, но немедленно столкнулись с проблемой. Очки, хранившие теплый воздух палатки запотели, конденсат замёрз и образовал плёнку льда, уменьшив видимость почти до нуля.

Снять же очки, значило рисковать повреждением глаз от ударов снега.

Пришлось снимать почти вслепую. Видимость была такая, что палатка-столовая, стоящая в десяти метрах, была едва различима. Я пытался сделать пару фотографий своим «Никоном», но при первом нажатии индикатор выдержки умер, батарейки не выдержали мороза.

Брайан выкрикнул из своей палатки.

— Какие новости у индусов?

— Никаких.

Действительно, с начала урагана индийский лагерь притих. Теперь они сидели в палатке руководителя, крутили приемник, надеясь, что у их восходителей хватит разума повернуть назад и спуститься в лагерь 6.

Брайан пошёл, спотыкаясь, к индийскому лагерю, светло-голубой и красный цвета его одежды быстро скрылись в снегопаде. Я собрался последовать за ним, но подумал, что индусы не обрадуются присутствию камеры в столь напряженный момент, когда трое их товарищей борются за свои жизни в «зоне смерти».

Мои пальцы, защищенные тремя слоями теплоизоляции, стали мерзнуть, так же как и пальцы ног. Кис, снимавший камерой в однослойных перчатках, очень быстро потерял чувствительность пальцев. Наполовину ослепшие, в замерзших очках, мы успели сделать несколько снимков трепещущегося брезента и идущего снега, пока объективы окончательно не забило снегом. Мы вернулись в палатку, чтобы оттаять. Теперь нам оставалось только ждать новостей, надеясь, что индусы вернулись в лагерь 6, и что альпинисты на южной стороне смогут спуститься на Южное седло.

Наше внутреннее чутье предотвратило утренний выход. Если бы мы вышли по основному плану, то оказались бы в плену урагана в лагере 4, что было бы гораздо опаснее.

Мы нисколько не сомневались, наблюдая отсюда дикую силу урагана, в том, что любая команда, находящаяся выше лагеря 5,

сейчас подвергается смертельной опасности. Даже если они вернулись в свои палатки, безопасность им отнюдь не гарантирована. Никакая палатка долго не выстоит на таком ветру.

Затем около 18–00, когда шторм достиг наибольшей силы, послышались крики, пронзившие вой ветра. Я высунулся из палатки и увидел, что несколько индусов ходят кругами вокруг своей палатки. Сначала я подумал, что они кричат, чтобы предупредить об опасности, возможно, они получили какие-то новости по радио о лавине или другом бедствии, или они шумят, чтобы кто-то мог найти лагерь. Затем я понял, что это были крики радости.

— Они на вершине! — скандировал один из участников команды, — они сделали это! Три альпиниста!

— Здорово! — откликнулся я, прежде чем залез в палатку и разделить восторг от этой новости с Кисом.

— Господи! Они продолжают идти! Почему они не повернули назад? Кис посмотрел на часы: — Я думаю, у них осталось сорок пять минут светлого времени.

Дерзость индусов искренне удивила нас. Штурмовать вершину в такой шторм, — говорит о невероятной уверенности или о глупой ошибке. Не зная силы идущих альпинистов, мы скорее склонялись ко второму предположению.

Даже таким двум новичкам, как мы, было понятно, что трем индийским альпинистам теперь предстояло спускаться шесть — десять часов по технически трудному гребню, в условиях жестокого шторма и к тому же в темноте.

Через пару часов к нам подошел член норвежской команды и сообщил последние новости из индийского лагеря.

— Хорошего мало. У них нет радиосвязи, и они не вернулись в лагерь 6.

Мы понимали, что все это значит. Без кислорода у индусов, изможденных подъёмом, было мало шансов найти путь назад по отвесной северной стороне при почти полном отсутствии видимости. Даже при поддержке лагеря 6 их шансы на спасение на северо-восточном гребне были призрачными. У них было совсем мало шансов пережить ночь, потому что на северной стороне мало мест, где можно выкопать в снегу драгоценную пещеру для ночёвки.

Все что могли сделать альпинисты, ждущие в лагере 6, это светить своими фонариками в штормовую ночь, в слабой надежде помочь сориентироваться спускающимся индусам.

С южной стороны пока тоже не было никаких новостей. Там в базовом лагере, как и у нас, все сидели как на иголках в

ожидании новостей о местоположении их команд. Радиосвязь на Эвересте нерегулярна и ненадежна, а в суровых штормовых условиях просто исчезает. Шёл вызов за вызовом почти без ответа.

Ночью шторм бушевал по-прежнему и только к утру стал стихать. Мы проснулись и узнали печальную новость, что индусы всё ещё не спустились в лагерь 6. Но затем последовала ещё худшая новость с южной стороны горы — более десяти альпинистов из команд Роба Холла и Скопа Фишера, а также тайванец Макалу Го находились где-то между Южным седлом и вершиной. Особенно невероятным было то, что сами Роб Холл и Скотт Фишер терпели бедствие и не вернулись в свои верхние лагеря. После холодной ночёвки в штормовых условиях они находились в ужасном состоянии, наверняка обморожены, если ещё живы.

В то, что Роб Холл в опасности, верилось с трудом. Холл был высочайшим профессионалом в этой смертельной игре. Какие обстоятельства подвергли его жизнь риску? Многие в лагере 3 не могли поверить, что это правда.

В лечение всего дня из обрывков радиоконтактов становилось ясно, что как в северном, так и в южном базовых лагерях люди отчаянно пытались выяснить: кто ещё жив и где кто находится. Поговаривали о спасательных работах, но немедленная помощь могла бы прийти только сверху, где выжившие альпинисты уже были измотаны борьбой со стихией.

Как это все могло случиться?

7

9 мая в 23–30 команда Роба Холла вышла с Южного седла. Они вышли строго по графику, погода была ясная, дувший ранее, сильный ветер прекратился. К полуночи по следам предыдущих восходителей поднималась на плечо юго-западной стены команда Скотта Фишера, двигаясь к юго-восточному гребню.

Обе команды придерживались «разворотного» принципа, согласно которому они должны были повернуть обратно, если в назначенное время им не удастся взойти на вершину. Этого золотого правила неукоснительно придерживались как Холл, так и Фишер, но в нарушение обычной практики ни одни из лидеров при выходе с Южного седла не объявил своим клиентам точного времени поворота вниз. Чаще всего говорилось о времени 13–00 и 14–00, но из последующих отчетов альпинистов становится ясно, что никто из них точно не знал, какой из этих сроков окончательный.

В 1995 году американец Даг Хансен, один из клиентов Холла, столкнулся с жестокой действительностью, он вернулся, не доходя 100 метров до вершины. Теперь он делал вторую попытку.

К 4-00 обе команды с альпинистами разного уровня слились в одну беспорядочную компанию. Эта толкотня неизбежно замедлила движение каждого, многие более быстрые альпинисты были вынуждены ждать на сильном морозе, пока подтянутся их товарищи, так как имели приказ идти со всеми.

Первая серьёзная задержка произошла на высоте 8500 метров на достаточно крутом участке, где должны были быть навешены перила. По первоначальному плану, как описывает журналист-альпинист Джон Кракауэр в книге «В разрежённом воздухе», «Горное безумие» и «Консультанты по приключениям» объединили свои усилия, выделив по одному шерпу, которым было поручено заблаговременно навесить перила. Для этого им надо было выйти из лагеря 4 на час раньше основной группы. На самом деле, но неизвестным причинам, перила навешены не были.

К утру медленный теми стал беспокоить участников обеих команд. Замерзая от стояния в очереди и изрядно устав после одиннадцати часов подъёма, трое альпинистов Роба Холла: Стюарт Хатчисон, Лу Кейсишк и Джон Таск, решили прекратить восхождение. Они пошли вниз, чтобы воссоединиться с Френком Фишбеком, который уже повернул в лагерь 4 несколькими часами ранее, и Беком Уэзерсом, который тоже остановился из-за проблемы со зрением. Уэзерс забрался слишком высоко, чтобы

спускаться одному и ждал в одиночестве на склоне, пока идущая вниз группа не захватит его. Двух шерпов Ками и Лакра Чири Холл отправил вниз со своими разочаровавшимися клиентами.

Теперь получилась группа из семи альпинистов, идущих вниз, но наверх всё ещё шли около тридцати человек, включая тайваньцев. В такой громоздкой группе неизбежно возникали заторы, особенно в двух ключевых местах на юго-восточном гребне (Южная вершина и ступень Хиллари). К полудню ведущие гиды Нил Бейдлман, Анатолий Букреев и Энди Харрис уже провешивали перила на Южную вершину. Через час Букреев прошел крутой лёд ступени Хиллари и там тоже закрепил перила. Первые альпинисты стали просачиваться по изматывающему силы участку на финальный предвершинный гребень.

Букреев, сильный альпинист из Казахстана, в отличие от других гидов не пользовался кислородной поддержкой. Он взошел на вершину первым в 13–07. Джон Кракауэр, наиболее подготовленный и быстрый из клиентов, был на вершине через 10 минут после него, в 13–17. В течение следующих тридцати минут на вершину взошли гиды Энди Харрис и Нил Бейдлман, за ними последовали Мартин Адамс и Клев Шенинг, клиенты Скотта Фишера.

С вершины они не заметили никаких признаков ухудшения погоды. Редкие облака плыли в нижних долинах, но ничего необычного не было в этот гималайский полдень.

Теснота на ступени Хиллари также тормозила продвижение оставшихся альпинистов, но к 14–15 Лопсанг Джангбу, Сэнди Питман, Шарлота Фокс, Тим Мадсен и Лин Гамельгард были на вершине, Роб Холл. Майк Грумм и Юсуко Намба были недалеко от них.

Холл связался по рации с менеджером базового лагеря Хелен Уилтон и врачом Каролин Маккензи, которые с волнением ждали вестей, находясь на 3000 метров ниже восходителей. Роб сказал нам, что он был на вершине, и там было очень холодно, передала Маккензи, затем он сказал, что видит как подходит Даг Хансен.

Его слова создали в базовом лагере впечатление, что Даг Хансен всего в нескольких шагах от вершины, но на самом деле это было не так. Фактически Даг Хансен из последних сил боролся с горой где-то на подступах к ступени Хиллари, продвигаясь к вершине со скоростью улитки.

В 15–15 Нил Бейдлман, гид из «Горного безумия», который вместе с тремя клиентами ждал на вершине Скотта Фишера, решил, что он не может больше ждать. У Бейдлмана не было рации, и он не мог определить, где находился Фишер. Бейдлман вместе со своими клиентами, подававшими признаки гипоксии,

начал спускаться. Фишер не появился на вершине до 15–40, он был крайне ослаблен.

Роб Холл прождал на вершине до 16–00, пока не подошел Даг Хансен, мучительно шедший к вершине, которая была так близка от него в прошлом году. К этому времени Холл пробыл на вершине полтора часа. То ли у Хансена было психическое расстройство, лишившее его понимания, где он находится, то ли он почувствовал прилив эйфории, мы никогда не узнаем, но почти сразу после его появления здесь Холл повернул его обратно, и они начали спускаться.

Холл быстро понял, что у него появилась серьёзная проблема.

В 16–30 и 16–41, в двух сеансах радиосвязи. Холл сообщал своей команде, что у Хансена кончился кислород и он крайне изможден. В базовом лагере члены его команды слышали, как он призывал Харольда (прозвище его гида Энди Харриса) подняться наверх с кислородом.

Услышав эти новости и не будучи уверенной, слышит ли Харрис мольбу Роба Холла, врач «Консультантов но приключениям» Каролина Маккензн побежала в базовый лагерь Скотта Фишера, чтобы спросить, не сможет ли кто-нибудь из «Горного безумия» оказать помощь. На следующей связи стало ясно, что Скотт и его команда сами терпят бедствие и не могут оказать помощь Холлу.

История повторилась. В прошлом году Хансен тоже лишился сил, когда повернул обратно, но тогда он находился ниже по склону. Теперь же перед Холлом и Хансеном стоял смертоносный барьер — ступень Хиллари, крутой ледовый участок, спуститься по которому полукоматозному альпинисту не представлялось возможным.

Надвигался шторм. Теперь они спускались сквозь метель с Дагом Хансеном в состоянии крайнего изнеможения. В этой ситуации у Роба Холла было два выбора: бросить Хансена и спасать свою жизнь, быстро спускаясь вниз, или попытаться организовать бивуак и переночевать вместе с Хансеном в надежде, что шторм стихнет и даст им возможность спуститься на следующий день. Холл должен был понимать, что они находятся в угрожающем жизни положении, его многолетний опыт должен был говорить ему об этом и, конечно, он знал, что его клиент Даг Хансен в смертельной опасности, будучи в состоянии близком к коллапсу, и не столь искушен в искусстве выживания в экстремальных ситуациях. Оба они были крайне утомлены, возможно, обезвожены, с подходящим к концу запасом кислорода, а возможно уже и без него.

Дважды между 17–30 и 18–00 члены команды Холла,

находящиеся в базовом лагере, умоляли его по рации спасать свою жизнь. Они не сомневались, что Хансен умрет без кислорода, и что Холл теперь тоже в смертельной опасности. Каролина Маккензи была одной из участниц его команды, кто говорил с ним в это время:

«Я спросила Роба, в сознании ли Даг, и он ответил, — да, в сознании. Я думаю, поэтому Роб не смог оставить его. У Дага была гипоксия, но он был в сознании. Роб не мог бросить его в таком состоянии».

Энди Харрис, гид команды «Консультантов по приключениям», поднимался с Южной вершины с двумя полными кислородными баллонами, но наступила темнота, шторм разбушевался в полную силу, и до следующего утра не было связи с Холлом.

Холл и Даг не могли спускаться в темноте. К усталости добавилась опасность сорваться со смертоносных обрывов по обе стороны маршрута, так как видимость уменьшилась всего до нескольких метров. Лучшее, что мог бы сделать Холл, — это найти убежище, возможно, вырыть в снегу пещеру и в ней переждать шторм.

Эту ночь трудно представить даже в самых тёмных уголках сознания. Те, кому довелось испытать аналогичную ситуацию, описывают её, но с их слов мы можем получить лишь мимолетное представление об ужасе холодной ночёвки в штормовую погоду на Эвересте.

Петер Хабилер, партнер Рейнхольда Месснера по первому восхождению на Эверест без кислорода в 1978 году, так описывает пережитый им шторм:

> «Понять, что значит пережить штормовую ночь на такой высоте, сможет только тот, кто сам прошел через это. Даже при благоприятных обстоятельствах каждый шаг на такой высоте требует колоссального усилия воли. Вы должны постоянно заставлять себя дотянуться до каждой зацепки. Вас вечно преследует свинцовая смертельная усталость. Если вы попадаете в такой ситуации в шторм, шквалы которого достигают 130 километров в час, а снегопад настолько плотный, что не видно вытянутой руки, ваше положение становится практически безнадежным. Вам остается только крепко вцепиться в лёд, чтобы не быть сброшенным со склона. Каждый может полагаться только на себя. Если что-либо с вами случится, помощи ждать неоткуда. Каждый делает все возможное, чтобы выжить».

Но Роб Холл не мог думать только о собственном спасении. Профессиональный и моральный долг обязывал его заботиться о Хансене, даже если бы их не связывали дружеские отношения.

Полностью пропала связь, сели батарейки в рации и налобные фонари тускло мелькнули напоследок — люди не могли в метели найти обратный путь в лагерь на Южном седле.

Основная группа из одиннадцати человек, ослепленная летящим снегом, блуждала по седлу из стороны в сторону, не находя своих палаток. Проблема усугублялась тем, что в темноте нельзя было надеть ни лыжные, ни солнцезащитные очки (и те и другие сильно тонированные), поэтому глаза были открыты жалящим осколкам поднятого в воздух льда.

Двое из этой группы, Нил Бейлдман из «Горного безумия» и Майк Грум из «Консультантов по приключениям», были гидами. С ними были два шерпа, которые помогали клиентам. Потеряв ориентацию, они два часа блуждали по седлу, ещё больше запутываясь и уставая. Гиды поняли, что пока видимость не улучшится, блуждать бесполезно. Группа укрылась за маленькой скалой и сбилась в кучу, чтобы как можно лучше сохранять тепло человеческих тел.

Большинство из наиболее удачливых в этот злополучный день альпинистов лежали в своих палатках в коматозном состоянии. И только одни альпинист нашел в себе силы выйти из палатки в пургу, чтобы найти и проводить в лагерь заблудившихся альпинистов. Этим человеком был гид из команды Скотта Фишера Анатолий Букреев.

Букреев был нанят за $25 000 помогать Скотту Фишеру и команде «Горного безумия», но его тактика на этом злополучном восхождении была, можно сказать, нетрадиционной. По договоренности с Фишером он не пользовался кислородом, поэтому не мог долго ждать остальных членов команды, чтобы оказать им помощь на подъёме. Отсутствие дополнительного кислорода делало Букреева уязвимым к холоду и разрушительному действию высоты, поэтому ему лучше было быстро спуститься. В 17–00 он был в лагере 4 на Южном седле, где собрал кислород и питьё для спускающихся сквозь пургу альпинистов.

Хотя впоследствии члены команды Фишера подвергали сомнению правильность действий Букреева (мол, он быстро спустился с вершины в лагерь 4, не дожидаясь клиентов, чтобы оказать им помощь) — позднее он стал одним из героев этого восхождения.

Даже несмотря на пургу, которая уменьшила видимость до нескольких метров, вопреки усталости от совершённого

несколько часов назад восхождения на вершину, Букреев нашел в себе силы дважды отправиться на поиск заблудившихся альпинистов. Ему пришлось идти одному, потому что на седле ни у одного человека не нашлось сил присоединиться к поиску. Букреев вспоминал впоследствии:

> «Видимость была около метра. Кромешная тьма. У меня был фонарь, и я пользовался кислородом, чтобы быстрее двигаться. У меня было три баллона. Я старался идти быстрее, но видимость пропала…, как будто я ослеп, ничего не было видно, невозможно было что-нибудь увидеть».

Неудивительно, что Букреев не смог обнаружить никого из потерявшихся в ревущем шторме альпинистов, у него даже не было рации, чтобы на кого-нибудь выйти. Он вернулся в лагерь 4 дожидаться случая.

Как раз в 1-00 гид Скотта Фишера. Нил Бейдлман, приковылял вместе с тремя своими клиентами, короткое затишье дало им возможность увидеть палатки лагеря 4. Он рассказал Букрееву, что остальные, сбившиеся в кучу, изможденные и замерзшие альпинисты находятся на дальнем конце седла. Затем Бейделман повалился в спальный мешок не в силах пошевелиться.

Казахский альпинист снова вышел в самую пасть шторма и заметил слабый свет фонарика, который и помог ему обнаружить группу. Букреев смог взять только троих альпинистов, включая Сэнди Хилл Питтман, и проводить их в лагерь, чем, несомненно, спас им жизнь.

Ночь тянулась медленно, и осталась невыясненной судьба семи альпинистов на южной стороне Эвереста. Роб Холл и Даг Хансен были где-то около Южной вершины, с Энди Харрисом или без него. Скотт Фишер вместе с тайваньским альпинистом Макалу Го были на выступе, примерно на 300 метров выше седла. Бек Уэзерс и японская альпинистка Ясуко Намба погибли на Южном седле.

На северной стороне жизнь трех индийских альпинистов из индийско-тибетской команды пограничников, оставшихся наедине с бушующей стихией без укрытия, без кислорода и без надежды на спасение, тоже подходила к концу.

Тсеванг Сманла, Тсеванг Пальор и Дорже Моруп, индийские альпинисты из состава большой команды, с которыми мы много раз поднимались бок о бок за прошедшие недели.

В отчаянном положении, когда невозможно продолжать восхождение, большинство альпинистов, чтобы пережить ночь,

предпочтут организовать незапланированный бивуак. Любое укрытие от ветра и мороза лучше, чем ничего, но степень защищенности зависит от специфики местности. Лучше всего, если можно вырубить ледорубом приличную нору в твёрдом снегу или льду, хуже, если альпинист может только залечь под нависающую скалу.

Но Эверест не лучшее место, где можно найти укрытие, и чем выше вы находитесь, тем хуже для этого условия. Даже при хорошей погоде ветры постоянно терзают склоны, разрыхляя даже глубокие слои. Но если попадается пласт крепкого льда, то он тверд как железо и требует большой затраты сил, чтобы выкопать пещеру, достаточную, чтобы заползти в неё. Ледоруб — полезный инструмент при таких обстоятельствах, но его рубящая поверхность, величиной всего в несколько дюймов, не позволяет быстро сделать укрытие.

Удивительно, как много альпинистов выжили, ночуя на высоте свыше 8000 метров.

В американской экспедиции 1963 шла Вили Ансоулд и Том Хорнбейн совершали первопрохождение по западному гребню и достигли вершины в 18–15. Они схватили холодную ночёвку на высоте 8500 метров и выжили, в результате Ансоулд поморозил ноги и лишился девяти пальцев.

В сентябре 1975 года известные английские альпинисты Дагал Хастон и Даг Скотт совершили первопрохождение Эвереста по юго-западной стене, на спуске были застигнуты темнотой и переночевали в снежной пещере прямо на Южной вершине Эвереста. У них не было ни еды, ни спальных мешков, был только маленький примус и бивуачный коврик. Всю ночь они отчаянно боролись за то, чтобы сохранить циркуляцию крови в своих конечностях и предотвратить обморожение. Дагал Хастон так описывает эту ночь, возможно, самую худшую в их жизни, в книге Криса Бонингтона «Трудный путь на Эверест»:

> «От холода не было спасения. Были испробованы все положения. Держали ноги друг у друга подмышкой, растирали их, ходили вокруг своего убежища, постоянно махая руками. Всё равно никак не удавалось сохранить остатки тепла. Я не думаю, что всё, что мы делали или говорили в ту ночь, было целесообразно и спланировано. Мы страдали от недостатка кислорода, холода и усталости, но страстно желали выжить в эту ночь. И это желание включило на полную мощь наши инстинкты самосохранения».

Их спасение примечательно тем, что ни Скотт, ни Хастон не

обморозились на этой ночёвке, это свидетельствует об их стойкости и владении искусством выживания.

Два бывших солдата военно-воздушных сил, Брумми Строкс и Бронко Леин, оказались менее удачливыми, когда через год оказались в подобном положении. Они тоже вырубили убежище во льду ниже Южной вершины, в результате Строкс лишился всех пальцев на ногах, а Леин на руках.

Выжить вдвоем в таких условиях безумно трудно, но рядом находится тёплое живое существо, которое может помочь, но, чтобы выжить в одиночку, схватив холодную ночёвку на высоте свыше 8000 метров на Эвересте, необходимо обладать сверхчеловеческой твердостью.

Стефан Венаблес — один из немногих альпинистов, способных на такой подвиг. В 1968 году Венаблес, участник американской экспедиции, в одиночку достиг вершины по легендарному маршруту восточной (Канчунг) стене. Он был первым британским альпинистом, взошедшим на вершину без кислородной поддержки. Он так же как Скотт и Хастон был застигнут темнотой, и схватил холодную ночёвку. Он рассказал об этом тяжком испытании в своей публикации «Стена Канчунг»:

> «Я не собирался умирать этой ночью. Я был один на высоте свыше 8500 метров, но сильный ветер, который досаждал мне на ступени Хиллари, стих, и температура воздуха, возможно, не опустилась ниже -20 ˚C. Мне повезло с погодой, и я знал, что смогу выжить, имея замечательную экипировку, но должен был смириться с возможной потерей пальцев ног».

Тем не менее, Венаблес выжил. Потом в Великобритании ему ампутировали три с половиной обмороженных пальца из-за начавшейся гангрены.

Все вышеуказанные альпинисты переночевали на высоте свыше 8000 метров и остались живы. Роб Холл с его большим альпинистским опытом и знанием, что многие выжили в холодной ночёвке на этой высоте, хорошо понимал, что у него тоже есть шанс выжить, если он воспользуется им. Возможно, об этом мы никогда не узнаем, он думал, что Хансен сможет дойти в темноте… Во всяком случае, Холл действовал согласно неписаному правилу горных гидов — никогда не оставлять клиента, пока он жив.

Но, несмотря на то, что положение Холла и Хансена казалось бы аналогичным положению Ансоулда, Скотта и Венаблеса, в их ситуации было одно существенное отличие: ни одному из предшествующих восходителей не надо было бороться со

штормом такой силы, какой бушевал на склонах Эвереста в ту ночь 10 мая.

Венаблес говорил о температуре около -20 °C. Роб Холл и другие альпинисты, пленённые горой, боролись с температурой -40 °C и ниже при скорости ветра 130 километров в час, выдувающего остатки тепла из организма.

Следующее радиосообщение от Холла поступило в 4-43, 11 мая. Неудивительно, что его речь была невнятной и запутанной, вероятно, после самой ужасной ночи в его жизни.

Он передал в базовый лагерь, что слишком слаб, чтобы идти, и сказал, что Энди Харрис был некоторое время с ним, пока бушевал шторм. Он не знал, что случилось с Харрисом, а когда его спросили про Дага Хансена, он ответил: «Даг ушёл».

Через тридцать минут группа поддержки команды «Консультанты по приключениям» соединила радиоприемник базового лагеря со спутниковым телефоном, дав возможность Джейн Арнольд, жене Холла, поговорить со своим мужем из Новой Зеландии. Арнольд была на седьмом месяце беременности их первым ребенком, в 1993 году она сама была на Эвересте вместе с Холлом и знала, что бывает с восходителями на Эвересте, точнее, как безнадежна была ситуация. «Мое сердце действительно опускалось, когда я слышала его голос», — вспоминала она впоследствии. «Он говорил невнятно. Его слова звучали, как у Майджора Тома (вымышленный персонаж), как будто он уплывал куда-то. Я была там наверху и знаю, что может быть при плохой погоде. Мы говорили с Робом о возможности спасения с вершинного гребня, и он сам сказал, что это все равно, что спасать кого-то с Луны».

С рассветом Холл пытался надеть сдутую штормом кислородную маску и очистить её ото льда. У Холла было два полных кислородных баллона, но они были бесполезными до тех пор, пока он не очистит регулятор и маску. Он пытался выполнить эту работу, но для его почти полностью обмороженных рук, она была чрезвычайно болезненна.

К 9-00 Холл сумел устранить препятствие в своем дыхательном оборудовании. Он впустил в себя кислород впервые со вчерашнего дня, и эта новость вызвала взрыв оптимизма у тех, кто ждал его с нетерпением внизу.

Радиовызовы продолжались, выходили на связь члены команды Холла, друзья-альпинисты, все убеждали его спускаться в лагерь 4. Хелен Уилтон, менеджер в базовом лагере «Консультантов по приключениям», говорила ему: «Подумайте о своем маленьком ребёнке. Через пару месяцев вы увидите его лицо, так идите же».

Эд Вистурс, член команды IMAX и близкий друг Холла, говорил ему по несколько раз в день: «Роб, ты должен идти. Надевай свой рюкзак, включай кислород, спускайся же».

Вистурс шутил, стараясь получить ответ от Холла: «Мы идем вниз, а потом собираемся в Таиланд, и я хочу посмотреть на тебя в плавках с твоими тонкими ногами», и «Тебе везет, Роб, твой ребёнок будет выглядеть получше тебя». Холл откликнулся на шутку, как вспоминает Вистурс: «Он засмеялся и сказал, — Гиз, спасибо за это».

К десяти часам утра пять шерпов с кислородом и бутылками горячего чая вышли из лагеря 4 последний раз попытаться снасти Холла, Фишера и Макалу Го. Их действия были героическими, особенно если учесть, что они были физически истощены испытаниями вчерашнего дня.

Они обнаружили Скотта Фишера и Макалу Го на выступе в четырехстах вертикальных метрах над седлом. Фишер был жив, но не реагировал на шерпов, и они решили, что он слишком близок к смерти, и спасти его невозможно. Тайваньский альпинист выглядел получше, и шерпы подняли его и привели в полусознательное состояние, напоив чаем и подключив к кислороду. Окружённый тремя шерпами Го доковылял до лагеря 4.

Тем временем Анг Дордже и Лакра Чири поднимались к Холлу, рассчитывая дойти до него, если смогут. Рискуя своими жизнями, они боролись, пока сильный ветер не вынудил их сдаться, не доходя примерно трёхсот метров до места, где находился Холл. Шерпы не смогли сделать большего, да и никакое человеческое существо не смогло бы. Было 15–00, новозеландец доживал последние часы.

Перед закатом, в 18–20, он последний раз вышел в эфир. Его последние слова были адресованы жене.

— Привет, моя дорогая. Ты, наверное, нежишься в уютной теплой постели.

— Мне не передать, что я чувствую, я постоянно о тебе думаю, я всегда с тобой, — ответила Джейн Арнольд, — твой голос звучит лучше, чем я ожидала. Тебе тепло, мой дорогой?

— Для такой высоты мне достаточно комфортно, — ответил ей Холл.

— Как твои ноги?

— Я не снимал ботинок, чтобы проверить, подумаю, что, возможно, немного поморозил….

— Я надеюсь, что тебе будет очень хорошо, когда ты вернешься. Я знаю, что тебя собираются спасать. Не чувствуй себя одиноким. Я посылаю тебе всю свою позитивную энергию!

Последние слова Холла были непереносимо горькими: «Я люблю тебя. Спи спокойно, моя дорогая. Пожалуйста, не сильно беспокойся».

Холл не выходил больше на связь и через несколько часов он умер.

***

Утром 11 мая лагерь 4 был похож на поле после битвы. Выжившие альпинисты были в шоке, их палатки были разодраны и наполовину завалены, каждый пытался примириться с катастрофой, которая свалилась как гром среди ясного неба. В нормальной ситуации альпинистам следовало бы спускаться вниз на следующий день после восхождения, но теперь у них не было на это сил. Они дышали кислородом IMAX экспедиции (предоставленным без колебания лидером IMAX, Дэвидом Бришерсом, несмотря на то, что это угрожало успеху их собственной многомиллионной экспедиции), лежа на непрекращающемся ветру в состоянии физического и психического паралича.

В 16–30, когда казалось, что одна неприятность следует за другой, совершенно неожиданно появился единственный луч надежды.

Бек Уэзерс воскрес из мертвых.

Патологоанатом из Техаса пережил вчерашний шторм, проведя пятнадцать часов без укрытия в бессознательном состоянии. Как и Юсуко Намба, которая лежала рядом, они были признаны безнадежными и оставлены умирать. Уэзерс вспоминал впоследствии: «Я потерял правую рукавицу. Мое лицо замерзало. Мои руки замерзали. Я почувствовал, что коченею, мне трудно было сосредоточиться, и, в конечном итоге, я забылся».

В забытье, насквозь промерзший, он неизбежно должен был погибнуть, поэтому в его воспоминаниях нет ни слова о тех долгих часах, когда его тело трепал леденящий ураганный ветер.

Невероятно, но вдруг первобытный инстинкт самосохранения зажег искру жизни в замороженном сознании Бека Уэзерса. Сняв корку льда со своего лица, он смог открыть глаза. То, что он увидел, пробудило его сознание.

«Вначале я подумал, что это сон, — рассказывал Уэзерс своему товарищу но команде Джону Кракауэру, — когда я очнулся, то подумал, что лежу в кровати. Я не чувствовал ни

холода, ни дискомфорта. Я повернулся на бок, открыл глаза и увидел перед собой мою правую руку. Затем я увидел, как сильно она обморожена, и это помогло мне вернуться к действительности. В конце концов, я очнулся настолько, чтобы осознать, что попал в дерьмо по самые уши и что кавалерия не прискачет, и мне самому придется позаботиться о себе».

На самом деле «кавалерия» здесь уже побывала и предрекла ему смерть. Дважды спасатели подходили к тому месту, где лежал Уэзерс, и оба раза они решали, что тащить его в лагерь, это только оттягивать неизбежный конец.

Теперь, кося одним глазом, Уэзерс поковылял туда, где по его предположению должны были находиться палатки. Он вошел в лагерь, неся перед собой отмороженную правую руку, с лицом, все ещё покрытым ледяной коркой. Это было ужасное зрелище, напоминавшее оторопелым альпинистам в лагере мумию из низкопробного фильма.

Но это не были кадры из фильма. Вот мнение врача Стюарта Хатчисона, который осмотрел его: «Никто из нас не думал, что Бек переживет эту ночь. Его пульс едва прощупывался, это был пульс умирающего. Он был критически болен. И даже если бы он дожил до утра, я не мог себе представить, как мы будем спускать его вниз».

К крайнему удивлению своих товарищей-альпинистов Бек Уэзерс пережил и эту ночь. И не только пережил, как и Макалу Го, он восстановился настолько, что утром встал на ноги. Он должен был встать, в этом была его единственная надежда на спасение.

12 мая, в воскресенье, начался спуск. Метр за метром Макалу Го и Бек Уэзерс были сопровождены с Южного седла по стене Лхоцзе в лагерь 2. Это были воистину эпохальные спасательные работы, учитывая безграничность пространства и ужасное физическое состояние пострадавших альпинистов.

Уэзерсу и Го повезло — две очень сильные команды, IMAX Давида Бришерса и «Альпийские восхождения» Тодда Барлесона, поднимались им на помощь.

В это время в базовом лагере готовилось окончание спасательных работ. Гай Коттер, гид «Консультантов но приключениям», который пришел из района Ама Даблам помочь преодолеть кризис, сумел убедить непальских военных послать вертолет из Катманду, чтобы снять Уэзерса и Го и доставить их в госпиталь.

Нет ничего необычного в эвакуации пострадавшего вертолетом из базового лагеря, но Уэзерс и Го были в таком ужасном состоянии, что спустить их по лабиринту трещин

ледопада Кхумбу не представлялось возможным. Для успеха спасательной операции их надо было эвакуировать с западного цирка, если это вообще возможно, с высоты, опасной для пилота и для его машины.

Пилот, лейтенант-полковник Мадан Кхари Чхетри, повел свою французскую Белку Б2 над ледопадом и стал кружить над ждущими его альпинистами на высоте свыше 6000 метров. Сказать, что он вышел за грани технических возможностей своего аппарата, было бы сказано слишком мягко. Последний вертолет, который летел в цирк, разбился внизу на леднике.

Спасатели соорудили гигантский красный крест, выгравированный на снегу прохладительным напитком из бутылок. Непальский пилот завис над ним, и Макалу Го погрузили на борт. Через полчаса отважный пилот вернулся за Уэзерсом.

Действия лейтенанта-полковника Мадана были последними в длинной цепи героических поступков, которые позволили спасти жизни американского и тайваньского альпинистов. Через пару часов оба альпиниста были положены в госпиталь в Катманду, а потом отправлены к себе на родину.

***

На северной стороне горы шторм также начал взимать плату, но то, что произошло здесь, не было похоже на события на южной стороне, где героизм и самопожертвование дало возможность спасти человеческие жизни, которые в другом случае были бы потеряны.

На севере команда, для которой свои планы были превыше всего, прошла мимо альпинистов, отчаянно нуждавшихся в помощи, не сделав попытки снасти их.

Тремя альпинистами, попавшими в беду, были индусы из индо-тибетской команды пограничников, которые не смогли вернуться в лагерь 6 на высоте 8300 метров после их сообщения об успешном покорении вершины 10 мая.

11 мая, на рассвете, как и большинство восходителей на южной стороне, три индуса на северо-восточном гребне были ещё живы. Они были обморожены, у них закончился кислород, и чтобы выжить, им были остро необходимы жидкость и кислород. Их потерявший рассудок лидер Мохиндор Сингх непрерывно дежурил в своей палатке, по соседству с нашей, у рации, надеясь

на чудо. Как и все мы, лидер индусов понимал, что альпинисты не переживут вторую холодную ночёвку, но если им как-то удастся спуститься в лагерь 6, будет, по крайней мере, призрачный шанс спасти одну жизнь, а может быть и больше.

Условия были слишком суровыми, чтобы вызывать снизу спасательную команду. В любом случае, спасатели подошли бы слишком поздно, так как протяжённость маршрута на северной стороне горы значительно больше, чем на южной. Из лагеря 3, где мы сейчас находились, можно добраться до лагеря 6 минимум за два, а то и за три дня, если ветер не стихнет.

Удача была совсем близка, пятёрка сильных альпинистов из двух японцев и трёх шерпов буквально наткнулась на индусов. У них был кислород, питьё и еда — всё необходимое для спасения. Японскими альпинистами были: Есуке Шигекава, двадцати одного года и тридцатишестилетний Хироши Ханада, из японской «Фукуока — Эверест» экспедиции.

Японцы не делали секрета из своего намерения взойти на Эверест 11 мая.

Сложная система логистики, сопровождающая каждое восхождение, предписывает возвращаться в намеченный день взятия вершины, когда рассчитанные запасы кислорода, газа и продуктов доставлены в верхние лагеря по твёрдому графику

По иронии судьбы наш намеченный день штурма выпадал на 10 мая, но погода предыдущих дней отложила наш выход. Японцы более одержимые, чем остальные, своими расчётами сочли 11 мая идеальным днем для взятия вершины и решили идти, невзирая на капризы погоды. Выйдя из лагеря 6 чуть позднее полуночи 11 мая, строго, по расписанию, в шторм (сам по себе ужасный поступок), японская команда, очевидно, проигнорировала тот факт, что погода ещё не установилась.

К 8-00 пятеро альпинистов подошли к крутым скалам «жёлтого пояса», к его первой ступени — двадцатиметровой скале, представляющей первое серьёзное препятствие на северо-восточном гребне. Здесь, к своему удивлению, они обнаружили одного из индийских альпинистов, сильно обмороженного и страдающего горной болезнью после холодной ночёвки без кислородной поддержки. Никакого общения между японцами и пострадавшим индусом не произошло. По версии лидера высокогорных шерпов, которая впоследствии была озвучена в его беседе с Ричардом Купером, журналистом «Фаиненшел Таймс» из нашей экспедиции, индус просто наделал много шуму.

Японцы, даже не остановившись, прошли мимо индуса, лежащего на снегу, и продолжили своё восхождение на вершину. Позднее на вершине второй ступени команда Фукуока

обнаружила остальных обмороженных и умирающих индусов.

И снова они прошли мимо. Снова главный шерпа Ками подтвердил в своем интервью Ричарду Куперу, что они не пытались помочь индусам, а продолжили восхождение при усиливающемся ветре. Факт, что они взошли на вершину. Но как удалось японцам это сделать в такой день, когда спасатели на южной стороне не смогли пробиться к Робу Холлу на Южную вершину? Японцы взошли до полудня и начали спуск, где они снова прошли мимо индийских альпинистов.

Внизу весь базовый лагерь был взбудоражен. Индийская команда обезумела от пропажи своих товарищей и от неведения, будет или нет кто-нибудь пытаться их спасти. 11 мая в 4-00, как раз после прихода Сандипа, Роджера, Тора и Саймона в лагерь, лидер индусов Мохиндор Сингх попросил Сандипа пойти с ним в палатку руководителя японцев в качестве переводчика. Отсюда можно было установить радиосвязь, а Сингх отчаянно хотел узнать о своих альпинистах, рассказывал Сандип. Он знал, что, по крайней мере, одного японцы могли бы спасти на спуске.

Лидер японцев связался с лагерем 6, куда первый из восходителей уже прибыл между 5-00 и 5-30. В неразберихе, возможно, информация была искажена плохим качеством связи, или необходимостью вести разговор на трёх языках (японском, английском и хинди), но надежда на спасение ещё была.

«Сеанс связи создал у меня и у Сингха впечатление, что одному из индусов оказывается помощь на спуске, и что через пару часов он будет в лагере 6», — вспоминает Сандип. Тем не менее, это было большой ошибкой. Если вначале они творили Сингху, что спасение возможно, то затем ситуация могла измениться. Первый японский альпинист вернулся в лагерь 6, затем второй, и оба давали понять, что спасработы идут.

Но когда остатки пятёрки японцев подошли в лагерь 6, и все ещё не пришёл ни один индус, надежда рухнула окончательно.

«К 8-30, когда стемнело, — рассказывал Сандип, — Сингх и я поняли, наконец, всю правду. Никто никого не спасал вообще. Тогда мы осознали, что все три альпиниста неизбежно погибнут».

Сингх вернулся в свой лагерь, чтобы сообщить печальную новость. Сандип рассказал нам об этом в столовой.

«Вот и все, — говорил он нам, — теперь больше нет шансов на спасение. Мы должны смириться с тем, что индусы погибли».

Ужин в этот вечер в промерзшей палатке был сущим мучением. Мы сидели, погруженные в мрачные мысли о судьбе индийских альпинистов, водя вилкой с нанизанными макаронами по тарелке.

На следующий день, 12 мая, потрясённый тем, что японцы не

оказали помощи пострадавшим альпинистам, Сингх собрал в своей палатке лидеров всех экспедиций (кроме лидера японцев Койи Яада). Совещание было записано на магнитофон индийской командой. Он вкратце упомянул события двух последних дней и сообщил собравшимся, что предлагает выступить с совместным заявлением от имени всех присутствующих, осуждающим японцев, которые не оказали помощи пострадавшим.

Прослушав доклад, остальные лидеры (среди которых были и очень опытные гималайские восходители) не согласились с предложением Сингха. Некоторые сомневались в том, что индийских альпинистов вообще можно было спасти, некоторые вспоминали подобные случаи из своей альпинистской практики, когда они были вынуждены бросать ещё живых альпинистов, но которым уже нельзя было помочь, на произвол судьбы.

Наш руководитель Саймон Лав, — одни из участков совещания рассказывал: «В принципе, Сингх хочет, чтобы мы раскритиковали японцев за их поступок, нам очень близка его точка зрения, но мы не имеем первоначальной информации о том, что случилось на самом деле. Также мы не можем сбросить со счетов тот факт, что корни трагедии лежат в их собственных действиях. Индийские альпинисты сами втянули себя в беду».

Не найдя поддержки, Сингх выпустил собственное заявление, осуждающее действия японцев.

К моменту возвращения японской команды в базовый лагерь весть о том, что японцы бросили умирающих индусов, вызвала бурю протеста по всему миру.

Журналист Ричард Купер взял интервью у двух японских альпинистов и их шерпов для обвинительной статьи, вышедшей в следующую субботу в Великобритании, которая и разожгла дискуссию. Отвечая на вопрос, почему они не оказали помощь погибающим индусам. Шигекава сказал Куперу: «Мы сами совершали восхождение, своими собственными силами, на большую гору. Мы слишком устали, чтобы оказывать помощь. Высота свыше 8000 метров не место, где можно придерживаться морали».

Хироши Ханада добавил: «Они были индийскими альпинистами, мы их не знали. Нет, мы не дали им воды. Мы не говорили с ними. У них была горная болезнь в острой форме. Похоже, они были в опасности».

Позднее японцы утверждали, что шерпа Ками помог одному из индусов, возможно Тсевангу Сманла, распугать перильные верёвки около второй ступени. Они также заявили, что не обнаружили следов пребывания троих индусов на вершине, и были ли они там вообще. Когда страсти накалились, это страшное

обвинение только усилило антагонизм по отношению к ним.

Фактически японцы были правы, утверждая, что индусы не были на вершине, несмотря на то, что они доложили об успехе своему лидеру по рации. Если бы они были там, то оказались бы стоящими рядом с Холлом, Лопсангом и Дагом Хансеном, которые ни словом не обмолвились об индусах. Это сейчас понятно, что в условиях ограниченной видимости, они ошибочно приняли расположенное ниже на 150 метров возвышение за вершину.

Поведение японцев вызвало мрачное настроение у команд в лагере 3, включая и нашу. Брайан был возмущен их поступком и грозил сорвать их флаг и помочиться на него.

У Ала была другая точка зрения: «Все эти разговоры вокруг спасения — чушь. Спасти индусов с того места, где они находились, невозможно независимо от того, сколько бы человек ни пыталось это сделать. Японцы мало что смогли бы сделать». Купер писал в своей статье:

> «Никто не верил, что японцы могли бы за один раз спасти всех троих индусов. Но большинство альпинистов, с которыми я говорил, сказали, что если бы пятеро членов японской команды сконцентрировались на одном обмороженном индусе на первой ступени, то одна жизнь была бы спасена».

Я был с ним согласен.

13 мая я как коршун кружил около палаток индусов, поджидая, когда подойдут в лагерь уцелевшие альпинисты. Они шли как люди, возвращавшиеся с войны, опустошенные потерей своих друзей. Их лидер, Мохиндор Сингх, вышел из палатки, обнял одного из вернувшихся альпинистов и расплакался. В этот момент Кис спал в палатке, а я отснял эпизод крупным планом, приблизив лица плачущих мужчин, стараясь подавить слабый внутренний голос, говоривший мне, что я не должен был этого делать.

Позднее я попросил Сингха дать интервью для фильма, но тот был так убит горем, что обещал сделать это через пару дней. И я решил, что интервью с Сингхом будет преждевременным, пока он скорбит о смерти членов своей команды, и больше не возвращался к этому. Однако я проинтервьюировал членов нашей команды, чтобы понять, как катастрофа подействовала на них. Кис и я протиснулись в палатку к Сандипу и Роджеру, и хотя это может показаться неуместным, я хотел записать их реакцию на все ухудшающиеся новости.

Первым говорил Роджер: «Мы допускаем, что люди могут

погибнуть на Эвересте. Но одно дело допускать это умозрительно, и совсем другое дело — находиться тут в палатке и знать, что там наверху на восхождении гибнут люди».

Сандип же начал ставить вопросы относительно мотивов к совершению восхождения: «Это заставит вас задуматься, насколько сильно вы желаете взойти на вершину. Чем вы готовы рисковать? Что вы головы потерять?»

Мы все больше понимали, что события последних двадцати четырех часов надолго останутся в нашей памяти. Наша стратегия уже была надломлена неустановившейся погодой последних дней, и теперь смерти, вызванные штормом, потребуют свою плату от пошатнувшейся в своей уверенности команды.

8

Плохая погода, пригвоздившая нас к лагерю 3 на следующие четыре дня, не улучшалась. Вся наша команда находилась на высоте 6450 метров уже семь дней, это намного дольше, чем планировалось. Силы таяли с каждым днём, кроме того, мы до сих пор не знали, когда же пойдём наверх. Мы засыпали с надеждой, что завтра утром откроется наше «окно», и каждый раз ветер и снегопад загоняли нас надолго в промёрзшие палатки.

Изначальный план был полностью разрушен штормом, так что большинство из нас успели забыть, на какой же день планировался выход на вершину. Экспедиционные постройки были под угрозой разрушения. Команда А устала и ослабла, на Брайана сильно подействовали смертельные случаи на горе, он чувствовал, что плохая погода ещё будет продолжаться какое-то время, о чём он и сказал в своем интервью, которое я взял у него в его палатке: «Мы все сильно напуганы. Это ударило по всем нам. Мы должны относиться к этой горе с большим уважением».

Наши с Кисом нервы были напряжены до предела, фильм целиком зависел от высотных сюжетов, а выход наверх отодвигался с каждым днём.

Лагерь, казалось, разваливается на части. Столовая была повреждена и практически не представляла собой укрытия. Трещина перед нашей палаткой с потеплением расширялась, заглатывала камни и грозила поглотить палатку Нга Темба. Туалет превратился в настоящую гору дерьма и омерзительные запахи распространялись из трещин, куда выбрасывали мусор поколения предыдущих экспедиций.

Незначительные недуги, появившиеся с прибытием в Тибет, вспыхнули теперь с новой силой. Воспаление горла, трещины на пальцах, язвы во рту, волдыри, диарея, геморрой — у каждого были свои проблемы, и сидение в палатках только усугубляло их.

Команда Б, которая прибыла в передовой базовый лагерь позднее, была в лучшем состоянии как в физическом, так и моральном. Они пересидели ненастные дни на высоте около 6000 метров и теперь видели, как невыразительно выглядит команда А. Погода оставалась нестабильной, днём по большей части дули сильные ветры и пуржило.

Меня особенно удивило то, что на собрании в столовой Саймон заявил, что собирается выпустить первой команду Б.

— Вы не можете так поступить, — протестовал я, увидев в его словах угрозу всему нашему предприятию.

— Почему нет, — ответил Саймон с ледяным спокойствием.

— Зачем же менять план?

— Что-то не заметно, чтобы вы, ребята, собирались на вершину, — заметил Роджер, — и пока вы здесь ждете, мы уже стоим на старте. И если вас пугает такая погода, то нас нет. Мы не видим смысла в дальнейшем ожидании.

Я понял его точку зрения. Наша команда, а особенно, Ал, Брайан и Барни не скрывали своего нежелания выходить на восхождение до тех пор, пока не будут полностью уверены, что погода открыла «окно». Поговаривали даже о том, чтобы вернуться в базовый лагерь, там переждать непогоду и подняться снова, но мне хотелось избежать этого любой ценой. Я подозревал, что Брайан не станет больше подниматься наверх, как бы хорошо он не отдохнул внизу.

Теперь команда Б ставила перед нами дилемму, или поднять наши задницы и идти, или посторониться и уступить им первенство.

— Вы можете сидеть здесь вечно в ожидании хорошей погоды, — Сандип процитировал Саймона, — но мы не взойдем на вершину, сидя в передовом базовом лагере.

— Я не вижу причины паниковать, — сказал Ал. У нас в запасе ещё около двух недель до конца экспедиции. Времени гораздо больше, чем вы думаете, а хорошая погода часто бывает ближе к концу месяца. Мы можем поймать её, если немного повременим.

— Действительно, — согласился Брайан, — сейчас слишком холодно и сильный ветер. Нам придется подолгу останавливаться для съемки эпизодов, и Кис может обморозить свои пальцы, если мы двинемся сейчас.

— Подождите, — заговорил я, — это не повод. Все видели, как быстро мы работаем. Я согласен, на леднике мы задержались немного, снимая фильм. Но на штурме вершины Ал будет идти впереди и снимать подходящего Брайана, как мы делали это на седле. Мы же с Кисом находимся здесь, чтобы брать интервью и делать вечерний материал в лагерях, что вообще не влияет на нашу скорость.

— Не горячись, Мэтт, никто не говорит, что киношники тормозят, — сказал мне Саймон, — но вам надо тащить кучу аппаратуры, и вы рискуете обморозиться, когда будете снимать рукавицы, работая с камерой на сильном морозе.

— Меня возмущает обвинение в медлительности, когда её нет.

Саймон закончил собрание в своем дипломатическом стиле:

— Хорошо. В любом случае мы не можем принять решение до тех нор, пока погода хоть немного не прояснится.

— Так какая же команда выйдет первой? Тор, норвежец, так же как и Роджер с Сандипом, испытывал восходительский зуд.

Установилась пауза, в течение которой Саймон смотрел поверх Барни.

— Я должен поговорить с Барни и Нга Темба об этом, — сказал он, — потом я дам вам знать.

Этот неоконченный разговор изрядно нас расстроил. Ночью мне никак не удавалось уснуть, я беспокоился, что ворота вот-вот захлопнутся, и мы останемся здесь, теряя свои силы. Я принял запасной вариант, — если первой выпустят команду Б, то я отправлю Киса с ними, чтобы на восхождении был хотя бы один высотный оператор.

Я также решил дать Сандипу, члену команды Б, на мой взгляд, более вероятному претенденту на вершину, краткий инструктаж по пользованию видеокамерой. Это заняло бы время, но если бы я дал ему запасной Sony, он смог бы сиять что-нибудь, если повезёт с погодой и они взойдут на вершину.

Вечером 14 мая решение все ещё не было озвучено. Разговор не возобновлялся, а погода начала проясняться.

***

Утром 15 мая я проснулся от звука, который ни с чем не мог перепутать — в соседней палатке Брайана и Барни перебирали и укладывали снаряжение. Кис проснулся раньше и, возможно, пил свою первую чашку чая в столовой. Хотя все ещё было рано, солнце уже накалило полотно палатки, Небо было чистым, и я видел блики отражённого ото льда света.

Я высунул голову из палатки и увидел Барни рядом со своей экспедиционной бочкой.

— Какие новости? — спросил я его.

— Выходим.

Выстрел адреналина, смешанного со страхом, пронзил моё тело. Мысль, что мы, наконец, выходим, вызвала во мне противоречивые чувства. Я был рад этому, так как пару дней назад боролся за право выхода первыми. С другой стороны, мы провели так много времени в передовом базовом лагере, пребывая в состоянии вынужденного бездействия, что я чувствовал себя негнущимся, потерявшим спортивную форму и не готовым к штурму. Мое сознание тоже оказалось неподготовленным. Последние события разрушили всю

уверенность, оптимизм, с которыми я покидал базовый лагерь.

Я точно знал, сколько я потерял в весе. Особенно я сбросил за последнюю неделю проживания на высоте 6500 метров, сидя на голодной диете, в лучшем случае, при плохом аппетите. Мои ноги теперь стали похожи на две палки сельдерея. Живот тоже уменьшился, в зажатой между двумя пальцами коже живота не было ни единой жирники. Я подсчитал, что похудел примерно на десять килограммов, больше чем килограмм за неделю, и я не знал, как это подействует на мою работоспособность. Возможно, если мышцы не повреждены, то я могу и не заметить разницы. Но больше меня беспокоило, что я могу выдохнуться на высоте. Единственное утешение, что все мои товарищи были в таком же состоянии. Каждый потерял изрядно в весе, а Брайан, быть может, килограмм пятнадцать.

Передовой базовый лагерь был нашей гаванью во время шторма, и как существа, перезимовавшие долгую холодную зиму, мы без энтузиазма относились к перспективе покинуть это безопасное место. Здесь было спокойно, а наверху опасно — предупреждала нас память о шторме.

Я вернулся в палатку, чтобы полежать несколько драгоценных минут, стараясь изгнать апатию, которая грозила овладеть мной. Последнее, что бы я хотел, это снова взобраться на седло, особенно, если учесть, что недавно выпавший снег лежал, готовый сойти лавиной при первом потеплении, как например, сегодня.

Саймон тряхнул палатку.

— Подъём, Мэтт, вы выходите через полчаса.

Я понял, что чем дольше мы будем собираться, тем вероятнее, что с седла сойдет лавина на нас. Я оделся в два счёта и вышел из палатки укладывать рюкзак.

Команда Б выглядела очень удручённой. Они не шутили и не проявляли чувств товарищества по отношению к нам. Их мрачное настроение было вызвано, несомненно, лишними днями, которые им предстояло пережить здесь.

Не было ни чувства восторга, ни предвкушения победы. Шторм и те жертвы, которые он унёс, тяжело давили на всех нас, когда мы последний раз проверили снаряжение и вскинули рюкзаки на плечи.

Мы пожали руки, прозвучали слова поддержки. Даже Брайан, самый шумный из нас, был на удивление притихшим. Когда мы поднимались по тропе мимо других лагерей, то увидели, что индусы, уже собирались сворачивать экспедицию.

Наша пятерка двигалась очень медленно, и мы почувствовали облегчение, когда остановились, чтобы надеть кошки перед

выходом на ледовое плато перед седлом. На первом подъёме плато не причинило мне особого беспокойства, теперь же, когда мощные солнечные лучи отражались ото льда, и повышалась температура, я почувствовал, как струйки пота текут но моей спине. Мы часто останавливались, чтобы нанести защитный крем, особенно втирая его в более уязвимые носы и уши. Обычно я считал, что плато плоское, сейчас же убедился в обратном. Плато неуклонно поднималось вверх, нагружая мои ослабевшие ноги. Я постоянно посасывал сок и запихивал в себя ириски, но, против обыкновения, не чувствовал прилива энергии.

Через три часа, когда погода неожиданно ухудшилась, мы достигли основания седла. Чёрная луна появилась над снежным гребнем без предупреждения, и прямо со склона подул сильный ветер. Пошёл снег, затем град, и я почувствовал холод на моей вспотевшей спине.

В первый раз, подходя к ледовому склону, мне не удалось отснять подход Брайана к седлу и вид на устрашающий висячий ледник. Мы вытащили камеру и быстро это отсняли, воспользовавшись тем, что погода опять изменилась, снова сквозь редкие облака засияло солнце

Затем надели обвязки и пошли. После трехчасовой ходьбы я почувствовал, что мои ноги передвигаются значительно лучше. Мускульная усталость, которая развилась от продолжительного лежания на спине, проходила. К моему облегчению, я понял, что нахожусь в относительно неплохой спортивной форме.

Состояние снега было основной моей заботой. Шторм и нестабильная погода последних дней принесли миллионы тонн снега на склон. Он лёг на отполированный ветрами лёд, поэтому должен был сойти лавиной без предупреждения. Мы шли быстро, как могли, чтобы уменьшить время нахождения под склоном, но все равно прошло ещё три часа, прежде чем мы добрались до лагеря 4.

Кис первым подошел к нашей палатке.

— Смотри! — воскликнул он.

Я остановился и заглянул в палатку, которую мы тщательно вычистили перед уходом с седла. Интерьер палатки был в отвратительном состоянии. Разодранные пакетики чая, упаковки супа и прочий хлам были залиты пролитой жидкостью и смерзлись. Тамбур был в желтых пятнах от небрежно выброшенных на лёд бутылок с мочой. Ткань палатки с одной стороны была прожжена газовой горелкой, а множество тонких порезов говорило о том, что кто-то надевал кошки прямо в палатке. Наши запечатанные пакеты с продуктами были вскрыты и разграблены,

— Чёрт побери! — воскликнул подошедший Ал, — я говорил вам, что такое может случиться. У нас были незваные гости.

Его палатка была в таком же беспорядке. Кто, чёрт возьми, оставил нам такой бардак? — разгневался Брайан.

— Возможно, люди нашли здесь убежище от шторма.

Ал опять был нрав. Наш лагерь был одним из лучших на Северном седле как по расположению, так и по обеспечению продуктами. Застигнутые штормом команды в беспорядке отступали с горы, и неудивительно, что кто-то из них нашёл здесь приют, посчитав свободным отелем.

— Возможно, это была интернациональная команда, — прозвучало другое предположение.

К концу сезона смешанная интернациональная команда появилась в передовом базовом лагере. Их тактика, казалось, противоречила общепринятой логистике, которой придерживались «Гималайские королевства», и, как мы заметили, они представляли собой группу индивидуумов, купивших пермиты (официальное разрешение на восхождение). По лагерю ходили слухи, что они могут использовать тактику самозахвата, предпочитая использовать чужие свободные палатки вместо того, чтобы тащить свои.

Мне хотелось верить, что нашими палатками воспользовались во время шторма. Экстремальной ситуацией, по крайней мере, можно объяснить весь этот хаос.

Теперь нам надо было потратить значительное количество энергии, чтобы вычистить и придать жилой вид нашей базе. Через час мы уже были готовы приступить к восстановлению водного баланса, нарушенного подъёмом. Тут меня осенила мысль, что мы можем оказаться в беде, если лагеря 5 и 6 тоже окажутся разграбленными. Если мы лишимся нашего запаса кислорода, то с вершиной можно распрощаться.

Эта бессонная ночь на Северном седле сопровождалась ударами ветра по нашей палатке. На первоначально плоском полу нашего «Квазара», с помощью наших оккупантов, вытаяла глубокая яма, которую уже невозможно было превратить в удобное спальное место. Какую бы позу мы не пытались принять, яма все равно побеждала. Рано утром мы полностью переложили вещи в палатке, поместив рюкзаки в центре, чтобы уменьшить уклон. Это позволило нам поспать несколько часов.

Утро мы начали с ритуала разжигания горелки и приготовления чая. К 8-00 мы вылезли из палатки на ослепительное утреннее солнце, где взяли интервью у Брайана, который готовился к длинному дневному восхождению на северный гребень. Он выглядел свежим и отдохнувшим, хотя, как

обычно, на завтрак ел очень мало.

— Сегодня нас ждет тяжелый день, но если мы дойдем, то в лагере 5 будем с кислородом. А дальше пойдём по желтой кирпичной дороге на вершину.

Мы все смотрели поверх понижения седла на огромный склон гребня, поджидавшего нас. В нижней его части были видны перильные верёвки, но до верхних склонов было слишком далеко, чтобы что-нибудь разглядеть. Одна из команд, которая вышла за два часа до нас, теперь смотрелась, как линия из маленьких точек на перегруженной снегом части гребня, четверть которой она прошла. Брайан отметил:

— Посмотрите на эту группу. Они остановились. Они еле шевелятся. Кис сделал фотоснимок на максимуме приближения и снял их, неподвижных на видео против сильного отраженного ото льда света. Причину их остановки мы поняли достаточно скоро.

Слева от них была ясно видна быстро летящая пена из кристаллов льда, срывающаяся с края гребня.

— Сегодня, возможно, будет сильный ветер, — сказал Ал, — лучшее время для выхода.

На этом дискуссия по тактике на сегодняшний день закончилась. Барни не был ещё на северном гребне, а Ал был занят наладкой своей камеры. Когда мы поднимались в первый раз на седло и даже на ледник Ронгбук, мы всегда говорили об опасности схода лавин. В этот раз такого разговора даже не возникло, возможно, потому что гребень выглядел несложным и не предвещал этих проблем.

Мы уложили наше снаряжение и спальные мешки в рюкзаки, завернули съёмочное оборудование в мягкие вещи и вышли из лагеря. Ал принял от Киса операторские полномочия на текущий день.

Маршрут спускался вниз во впадину седла и затем пересекал трещину, отделяющую твердые скалы гребня от плотного льда висячего ледника. Из лагеря на Северном седле впадина казалась незначительной, но подъём на её противоположный склон оказался достаточно крутым, чтобы затруднить дыхание. Несмотря на леденящий ветер, я вспотел в своей многослойной одежде и после часа ходьбы скинул верхнюю куртку, чтобы дать телу возможность дышать.

— Это верёвка, которая спускается с западного склона, каталонцев, — Ал указал на перильную верёвку на противоположной стороне седла. Единственные из всех команд каталонцы поднялись на седло с запада — наиболее лавиноопасной стороны. Это был дерзкий поступок, и путь оказался трудным настолько, что, когда мы поднялись на седло

во второй раз, они только впервые достигли его.

Сейчас, работая на высоте свыше 7000 метров, мы достигли предела, до которого хорошо акклиматизированный альпинист может обходиться без кислородной поддержки. Гребень не так крут, особенно но сравнению с ледовой стеной, ведущей на Северное седло, но в условиях разрежённого воздуха он безжалостен и взыскателен.

Каждое резкое движение чревато головокружением, и единственный способ двигаться вперед и вверх — это плавные медленные движения по ступеням, которые вырублены во льду одетыми в кошки ботинками твоих собратьев-альпинистов.

Перильные верёвки и точки их крепления стали своего рода метками с определенным количеством ступеней между ними. Я начал с пятнадцати ступеней, после которых следовал минутный отдых на восстановление дыхания. После часа подъёма мой ритм упал до десяти ступеней, после которых три минуты уходило на восстановление. Брайан тоже поднимался медленно, тщательно устанавливая каждую ногу и останавливаясь, чтобы полюбоваться видами Непала, которые теперь открывались перед нами и становились все более зрелищными с каждой пройденной верёвкой.

Сзади, на севере, тоже постоянно открывался элегантный южный гребень Чангцзе, уводя глаз на пирамидальную вершину с её замысловатыми ледовыми карнизами.

На Ала и Барни высота, похоже, действовала меньше. Барни терпеливо пас Брайана на подъёме, а Ал отходил от перил и снимал фильм, когда ветер позволял это делать. Я снова поблагодарил судьбу за то, что Ал с нами, я не уверен, что у меня или у Киса нашелся бы запас энергии для съемок.

Потом я вообще потерял чувство времени, сосредоточившись на простой физической борьбе за каждый метр высоты, используя перильные верёвки как промежуточные цели. Получалась своего рода игра — позволять себе глоток питья или кусочек еды, проходя определенное количество перильных верёвок. Одна верёвка — пятиминутный отдых, две верёвки — глоток сока, три — кусок шоколада и т. д. Я даже нормировал право наслаждаться открывающимися видами: эта роскошь стала позволительна только после четырёх верёвок.

Ал окликнул меня, нарушив тишину.

— Вот впереди, справа от гребня, тело испанского альпиниста. Вы хотите, чтобы оно оказалось в фильме?

Его слова прозвучали неожиданно. Я ничего не знал об этом.

— Давно оно здесь лежит?

— Несколько лет.

— Отчего он погиб?

— Я не знаю. Что-то случилось. Шторм, обвал.

В голосе Ала не было ни тени эмоции. Тоже можно сказать и обо мне, хотя я никогда не видел раньше покойника так близко. Я восстановил дыхание и решил, что нам следует, по крайней мере, посмотреть на него.

Мы обнаружили останки альпиниста среди камней, на расстоянии около пятидесяти метров от основного пути на гребень. Все что от него осталось, это лохмотья рваной одежды и обнажённые кости, которые некогда были живым существом. Ветер трепал остатки материи, все ещё стараясь сорвать их с тела. На останках лежали несколько камней как импровизированная могила.

Оглядываясь назад, на лагерь на седле, который находился менее чем в получасе ходьбы вниз, я не мог понять, почему он погиб так близко от своего спасения. Может быть, он спускался в шторм и сбился с пути? Или он остановился здесь отдохнуть и не нашел сил продолжить свой путь?

— Мы будем его снимать? — Ал распаковывал камеру. Эстетически я противился этой идее, но зная, что получится сильный эпизод (трупы на верхних склонах Эвереста являются частью реальности), решил, что отснять все-таки необходимо. Умолчать о них в фильме значило бы обойти один из важных принципов на Эвересте — если вы погибли здесь, то это место будет вашим пристанищем навеки.

— Да. Сними его крупным планом.

Ал сделал несколько различных кадров, давая панораму северного склона и стараясь устойчиво держать камеру под сильными порывами ветра. Затем мы вернулись обратно и присоединились к остальным отдыхающим на гребне.

Поздним утром мы уже были готовы отдохнуть подольше и остановились на маленькой скальной полке, где можно было впятером собраться вместе. Я не был голоден, но заставил себя съесть банку салата из тунца, несколько крекеров и кусок сыра. Кроме незначительных комментариев по поводу открывающихся видов, мы почти не разговаривали, так как большая часть наших лиц были закрыты балаклавами и капюшонами. Там, где ветер находил кусочек открытой кожи, он не упускал момента обморозить его.

Западный ветер усиливался в течение дня, а мы продолжали восхождение. Когда шли по очередной перильной верёвке, я заметил, что мелкие, величиной с горошину, камни пролетали надо льдом на восток. Осколки льда, отколотые идущими выше альпинистами, не падали больше на идущих внизу, а летели

горизонтально в том же направлении, что и камни на Восточный Ронгбук. Свободные концы завязок рюкзака Брайана дико трепетали, а верхняя завязка моего рюкзака сильно хлестала меня по лицу с каждым порывом ветра. Я остановился и снял рюкзак, чтобы завязать её.

Вернулись к привычному для нас ритму — десять шагов, затем отдых. Шли часы, и мы растянулись на длину двух верёвок. Брайан, казалось, шёл медленнее, но я был доволен нашим продвижением. Лагерь на Северном седле теперь был далеко внизу, и вершина снежного гребня казалась в двух часах хода. Я знал, что прямо над нами спрятанный где-то в камнях находится лагерь 5, там мы отдохнем перед следующим броском в лагерь 6 и далее.

Я думал, что дать Брайану подышать кислородом в лагере 5 будет одним из последних препятствий. Если он сдержит своё обещание и воспользуется кислородом и у нас будет окно хорошей погоды, то нет причин для отмены штурма вершины. Брайан казался мне полным сил и без признаков горной болезни даже на этой высоте. Впервые с начала шторма я был настроем оптимистически.

В 14–30 мы начали подъём по одному из самых крутых участков гребня — взлету твердого льда длиной в одну верёвку с вырубленными в нём мелкими ступенями. Увеличение крутизны замедлило темп движения, заставляя нас восстанавливать дыхание практически на каждой ступеньке. Кис тащился позади группы, и я ждал его наверху взлёта.

Дальше мы пошли вместе к тройке, которая остановилась над нами, где крутизна пошла на убыль. Я подумал, что эта обычный привал, каких было множество в течение дня, и снял рюкзак, чтобы достать питьё.

Первым заговорил Брайан, его голос возвышался над порывами ветра.

— Мы должны кое-что обсудить, Мэтт.

— Что случилось?

— По-моему, у нас появились проблемы.

— Мы уже должны подходить к лагерю 5, а прошли только две трети пути но гребню, — сказал подошедший Барни.

— Если так, — вступил в разговор Ал, — то очевидно, мы прошли только полпути, и нам идти ещё часов пять-шесть.

— Тогда надо идти быстрее, и мы дойдем за пару часов.

Я глотнул сока, все ещё не понимая истинного смысла того, о чем здесь говорилось.

— Это не так просто, — продолжал Ал, — видите наверху палатки лагеря 5?

Красная и желтая точки были едва различимы среди нагромождения скал.

— А теперь взгляните вниз на седло.

Я сделал, как он сказал, но не понял, что он имел в виду.

— И что?

— А то, что палатки точно такой же величины. Я думаю, что мы только на полпути.

В разговор снова вступил Барни, его, как всегда, легкомысленная манера говорить не вязалась с серьёзностью слов.

— Если мы будем идти в том же темпе, то придем уже в темноте. Может подняться ветер и тогда мороз прихватит наши пальцы на руках и ногах.

Он отвернулся, чтобы не встречаться со мной взглядом.

Я взглянул на оставшийся путь по гребню над нами. По-моему, мы прошли большую часть пути. Оставалось идти не больше часа? Брайан выглядел уставшим, но ничуть не больше, чем на седле.

— Что вы предлагаете?

Последовала неловкая пауза, прежде чем заговорил Барни.

— Мы думаем, что надо поворачивать вниз.

— Поворачивать вниз? Но мы ведь почти дошли! Зачем? Во мне поднялась волна неподконтрольного гнева.

— Зачем мы здесь? Чтобы идти на вершину или нет?

Порыв ветра был единственным ответом.

— И что будет, если мы сейчас повернем вниз?

— Это будет конец, — Барни повел убийственную линию, — конец фильму и всем моим надеждам.

— Конец? После такой работы? Конец? Вы это серьёзно, Барни? Мы должны штурмовать вершину.

— Брайан, — напирал я, — что вы скажете? Вы не допустите такого завершения, не правда ли?

Брайан принял бравый вид и сказал:

— Мы спустимся, хорошо выспимся, поедим и завтра пойдём снова.

Барни отвернулся, и я понял почему. Если даже мне, новичку на большой высоте, было ясно, что как бы хорошо Брайан не поспал и сколько бы он не съел, он не сможет совершить новый подъём на гребень.

— Мы идем очень медленно, и если мы так медлительны здесь, то на высоте мы попадем в беду, — Ал обернулся к Барни.

Я указал на лагерь 5 и на палатки, которые были отчетливо видны.

— Это абсурд. Вот лагерь. Все, что нам надо сделать — это

двигаться, и мы будем там. Мы, слава Богу, гораздо ближе к лагерю 5, чем к седлу. Я чуть не заплакал от отчаяния.

— Это кажется, что близко — расстояние скрадывается, — Ал был спокоен, как всегда.

— Если Брайан пойдет выше, он может не спуститься вниз, так как идет слишком медленно. Да и Кис выглядит не лучше.

— Тогда почему никто из вас не сказал об этом утром? Если нам надо было идти быстрее, почему никто этого не сказал? Почему никто не сказал об этом даже на перекусе? Вы оба знали об этом, не так ли?

Ответа не последовало.

Что будет с фильмом? Что подумает зритель после всех разговоров. Каждый отснятый эпизод ведет к штурму вершины. Каждый знает, что штурм может не состояться. Но все ожидают, что Брайан сделает попытку. В настоящий момент мы не достигли даже того, что удалось Брайану в 1999 году. Если мы снимем, как вы поворачиваете вниз в прекрасный солнечный день в трёх днях пути от вершины, то зрители подумают, как и я сейчас: «На кой чёрт всё это затевалось?»

Никогда я не был так зол. Я взялся за фильм, веря, что Брайан пойдет дальше. Много дальше, и фильм будет сильнее, чем «Галаад Эвереста». Брайан и «Гималайские королевства» убедили меня, и я убедил редакторов четвертого канала и INT в том, что мы снимем то, что никто ещё не снимал. Вот что я собирался сказать им сейчас.

Единственное, чего я не хотел — это делать ремейк фильма уже кем-то сделанного. Поэтому штурм был так важен для фильма. Эпизод, где Брайан в «зоне смерти» идет напролом к вершине, составлял сущность фильма и всех моих надежд.

Я оставался ни с чем. В эти минуты я действительно сомневался, что вообще сделаю фильм. Какой здравомыслящий человек захочет смотреть фильм об Эвересте, который заканчивается несущественным разговором перед началом восхождения. То, о чём говорили сейчас трое участников восхождения, походило на предложение свернуть летний пикник после падения нескольких капель дождя.

— Ничего ужасного в этом нет, — защищался Барни, — мы не можем подвергать жизнь Брайана опасности.

— Я согласен, я не хочу, чтобы Брайан или кто-то ещё выходили за свои пределы, но Брайан был раньше на большей высоте и сейчас находится в хорошей форме. Здесь нет технических трудностей, и дело пойдет лучше, когда мы придем в лагерь 5 и получим кислород. Давайте попробуем. Здесь идти меньше, чем кажется. У нас ещё есть время.

Но ни Барни, ни Ал не пошевелились, мои возражения шли вразрез с их многолетним опытом, который подсказывал им, что мы столкнемся с серьёзными проблемами.

Пока мы спорили, произошло нечто необычное. Ал сказал пару слов, которые мы потом часто вспоминали. С самого утра за нами следом шли двое альпинистов и догнали нас на пути по гребню к лагерю 5. Теперь они брели мимо нас и выглядели очень уставшими. Один из них был молодым парнем лет тридцати славянской наружности. Другой, постарше, с бородой был австрийцем. Мы узнали его — это был Рейнхард Власич, альпинист, имя которого было на слуху в передовом базовом лагере.

— Эти двое идут слишком медленно, — прокомментировал Ал, когда они прошли, — похоже, они идут умирать.

Тогда не было ни малейшей причины думать, что его слова могут оказаться правдой. Я воспринял его леденящий душу комментарий, как образный. В тот момент моё внимание было сконцентрировано на нашей ситуации.

— Так, обсуждение окончено. Всё.

Барни посмотрел на Ала, ища поддержки.

— Да, мы возвращаемся.

— В таком случае мы снимем эпизод, где вы объясняете причины такого решения.

Кис вытащил камеру и отснял моё интервью с Брайаном, Барни и Алом. Брайан всё ещё говорил о повторной попытке на следующий день, но я не очень верил этому, так как одновременно он предлагал и другой план.

— Позвольте Алу. Я дам ему мой молитвенный шарф, он занесет его на вершину, сдержав моё обещание Далай Ламе.

Мы запаковали камеру и в полной тишине стали готовиться к спуску. Атмосфера была крайне напряженная, на грани конфронтации.

Прежде чем начать спуск, я последний раз взглянул на двух поднимающихся по склону альпинистов. Они застыли, опершись на свои ледорубы, сопротивляясь порывам ветра, в двух сотнях метров над нами. Далеко позади них виднелись палатки лагеря 5, они будут там через пару часов, думал я, завидуя их удаче.

Затем мы начали спускаться на седло. Мы с Алом шли впереди, за нами шли Кис и Барни, помогавший Брайану.

Мое сознание застыло между злостью и отчаянием. Через тридцать минут пять месяцев тренировок, планирования восхождения придут к своему бесславному концу.

И что же теперь? Как спасти фильм от провала? Решением этих вопросов был занят мой мозг на всем протяжении спуска к

седлу. По правилам нам следовало всем теперь спуститься, освобождая путь для следующей команды. Если кто-то из нас захочет продолжать восхождение, то мы перехлестнёмся с компанией Саймона, уменьшая, таким образом, их шансы на успех. Об этом говорил мне мой истощенный кислородом мозг.

В действительности это я осознал уже на седле, моя логика имела слабину. Команда Б не поднялась на седло сегодня, ей предписывалось сделать это завтра, оставив возможность штурма для членов нашей команды, если у кого-то из нас все ещё будет желание взойти на вершину.

Появилась возможность обратить мой гнев во что-то более полезное, а значит обстановка улучшалась.

Сдерживая гнев, я через двадцать минут спросил Ала:

— Что если двое из нас пойдут на вершину?

Ал выдержал паузу, пока снимал гамаши. Если у него и была тень сомнения на этот счет, то он не подал вида.

— Хорошо. Но как быть с фильмом?

— Мы можем сместить акцент фильма на вас. У нас уже есть достаточно интервью с вами, и Брайан может дать вам свой шарф, полученный от Далай Ламы, чтобы закрепить его на вершине.

— Нам надо получить «добро» у Саймона. Ты готов завтра снова идти на гребень?

Я знал, почему Ал спрашивает об этом. На наш прерванный поход мы истратили дневной запас энергии, которой может не хватить в дальнейшем.

— Я считаю, что все будет нормально, если мы выйдем пораньше. К моменту прихода Барии и Брайана на седло последний был измотан до предела. У него едва хватило сил преодолеть небольшой подъём при входе в лагерь. Я вынужден был с чувством стыда признать, что Барни и Ал были правы относительно состояния Брайана. Снимая его, обессиленно сидящего на земле позади палаток, я испытывал угрызения совести. Ничто, даже мой драгоценный фильм, не стоило того, чтобы подвергать Брайана опасности. Барни и Ал были абсолютно правы.

Когда Барни протянул Брайану бутылку воды, у него едва хватило сил поднести её ко рту. Но у него хватило сил произнести несколько слов в камеру.

— У меня нет больше сил, чтобы идти наверх. Ал, вы сделаете это для меня, он зашелся в приступе кашля.

Позднее мы связались с ПБЛ и сообщили Саймону о положении дел. Он был спокоен, как всегда, и, к удивлению, ничего не сказал, узнав об окончании восхождения Брайана. Барни протянул мне рацию, чтобы я изложил свой вариант.

— Мы с Алом хотим продолжить восхождение и снимать, пока сможем. Хорошо?

Я чувствовал биение пульса в виске во время короткой паузы.

— Да, у меня нет возражений. Что с Кисом?

— Он собирается вместе с Брайаном вниз снимать в базовом лагере.

— Хорошо. Удачи. Свяжитесь завтра вечером из лагеря 5. Ошеломленный скоростью, с которой развивались события, я вернулся в палатку, где Кис заваривал чай. Буквально за несколько часов вся форма экспедиции полностью изменилась. Теперь, вместо Брайана, главным героем фильма становился Ал. Хорошо, что мы имели возможность снимать его в ранних эпизодах, иначе его позднее появление в кадре было бы неожиданностью для зрителя.

И все же нужны были эпизоды, дополняющие восхождение Ала С этими мыслями я воспользовался возможностью пораньше лечь спать.

9

На следующее утро мы столпились у палатки Брайана, чтобы отснять момент передачи шарфа Далай Ламы Алу. Брайан во время аудиенции у этого великого человека в его резиденции в Дарамсале обещал, что постарается укрепить его шарф на флагштоке на вершине. Дважды он не смог выполнить обещание. Возможно, в третий раз шарф достигнет вершины.

— Прочитай молитву о мире во всем мире, — сказал Брайан Алу, — «о мане падме хум», да здравствует алмаз в цветке лотоса!

Через час мы попрощались. Кис оставил одну камеру у себя, чтобы отснять спуск Брайана и записывать разговоры с базовым лагерем. Ал и я уложили рюкзаки и пристегнулись к перильной верёвке, чтобы снова подняться на северный гребень.

Ветер бушевал ещё сильнее, чем накануне. Тем не менее, мы неуклонно поднимались по склону, не делая опасных продолжительных остановок, характерных для предыдущего дня. Морально я был готов к гребню, необходимость двигаться быстро твёрдо сидела в моей голове, и я был сосредоточен на поиске темпа, который мог бы выдержать физически.

Ал чеканил шаг, двигаясь, как всегда, мощно, останавливаясь только, чтобы поправить шапочку и ветровку для лучшей защиты лица от ветра.

Я перестал считать шаги между каждым вдохом и выдохом, а стал выбирать ориентиры на гребне — выступающие камни или светло-оранжевые вспышки кислородных баллонов и задавать себе время для подхода к ним.

Всё вчерашнее благодушие улетучилось. Я ощущал, что все мои действия сегодня и завтра будут находиться под пристальным контролем Ала. И так же как в случае с Брайаном, он повернет назад, если заметит мою слабость. Ал знал о моём незначительном высотном опыте и не позволил бы отправиться на штурм, если это могло бы привести к беде. Его инстинкт гида никогда не допустил бы этого.

Удивительно, но мысль работала гораздо острее, чем вчера. Возможно, набор высоты оказался не просто потерей времени. Хотя мы и потратили немало сил на потерянный, по сути, день, дополнительная акклиматизация, которую мы при этом получили, дала нам возможность подниматься во второй раз на высоту 7500 метров без помощи кислорода.

«Лезь высоко, сип низко», — наиболее часто цитируемый афоризм, которому мы, собственно, и следовали. Через три часа почти непрерывного движения (в два раза быстрее, чем накануне)

мы оказались в том месте, откуда вчера повернули назад. Ветер начал усиливаться и стал забрасывать нас осколками черных скал и кусками льда. Хорошо, что ветер был западный. Если бы он дул в лицо, нам, вероятно, пришлось бы остановиться. Сильные порывы, буквально, валили нас с ног. Мы низко пригибались к гребню, вбивая кошки всеми зубьями для сохранения устойчивости.

Я обратил внимание, что Ал пристегнулся к перилам (в течение последних недель экспедиции он делал это крайне редко). Мы оба решили, что без спасительных перил двигаться опасно. Наша скорость досадно уменьшилась, и потребовалось ещё полтора часа, чтобы выйти на снежник. Теперь нам бы не помешало укрытие для отдыха, но такового не было. Северный склон не предоставляет никаких убежищ от ветра Мы сели посреди рвущего потока, с трудом перекрикивая его.

Пяти минут было достаточно, чтобы наши ноги и руки онемели. Мы двинулись по скалам, следуя запутанным ветром верёвкам, которые, судя по виду, провисели здесь не один год.

Я думал, что в лагерь 5 мы доберемся быстрее, так как не учёл эффект приближения, возникающий при наблюдении прямо по линии гребня. Палатки казались значительно ближе, чем они были на самом деле. Барни и Ал оказались снова абсолютно правы, переход к лагерю 5 отнюдь не легкая прогулка по твердому снегу.

Действительно, путь был утомительным, с частыми большими ступенями и обломками скал под ногами. О каком-нибудь ритме не могло быть и речи. Зубья кошек цеплялись за перила, что часто усложняло поиск маршрута. Многие из перильных верёвок были навешены, когда гребень был в снегу, и теперь, когда снег сошел, бесполезно болтались на скалах.

Во время одной из частых остановок я наблюдал черных как смоль птиц, которые, используя восходящий поток ветра, набирают высоту. Этих летающих «шакалов» верхние склоны привлекают большим количеством отбросов, оставленных после себя альпинистами на стоянках. С приходом весны брошенные остатки еды и трупы погибших альпинистов вытаивают из своего снежного укрытия.

Весна — хорошее время года в Гималаях, если вы уборщик мусора, снабженный крыльями,

Меня позабавило, что столь маленькие создания могут успешно противостоять ветру, который буквально сдувал нас с ног, и что ещё более интересно, — им хватало кислорода на высоте свыше 7500 метров. Хотелось бы знать, какой у этих птиц «потолок», и, может быть, кто-то из них смог бы залететь на

вершину?

Птицы набирали высоту невероятно быстро, подстраивая крылья под каждый новый порыв ветра. Возможно, наш семичасовой подъём занял бы у них несколько минут. В полном восхищении я наблюдал за этими птицами, пока они не скрылись из виду.

Глядя вперёд, я не заметил, что сзади нас наползло облако. Теперь оно полностью заволокло нас, уменьшив видимость менее чем до десяти метров. Фигура Ала периодически исчезала в тумане, но я предпочитал облако ветру, который, слава Всевышнему, немного утих.

Внутри облака звуки приобретали совершенно другие свойства. Резкие удары металла по камню звучали приглушенно, замирая, и впервые после выхода с Северного седла я понял, что слышу своё дыхание. Сознание того, что мы высоко в Гималаях, было полностью утрачено, поскольку мы были лишены каких-либо визуальных ориентиров. Если бы не разрежённый воздух и кислородные баллоны, разбросанные вдоль маршрута, можно было предположить, что мы находимся на высоком гребне в Альпах.

— Палатки! — донесся до меня крик Ала из тумана.

Лагерь 5 выглядел не так, как я этого ожидал. Я представлял себе ровную площадку на гребне, где достаточно места для десяти — пятнадцати палаток. В действительности это был вообще не лагерь, как, например, ПБЛ или лагерь на Северном седле. Он представлял собой ряд очищенных площадок, растянувшихся на полкилометра вдаль северного гребня. На наиболее роскошных площадках могло бы уместиться четыре или пять палаток, на большинстве же — от силы, одна-две. В сущности, здесь тоже не было защиты от ветра. Поскольку мы точно не знали, где палатки «Гималайских королевств», единственным способом найти их оставалось идти до тех пор, пока мы на них не наткнемся.

Я не знал, как долго будет продолжаться этот поиск, и вскоре обнаружил, что моё тело перестало меня слушаться. В подсознании сидела мысль, что прибытие в лагерь 5 означает отдых. Как у солдата, который нашел контрольную точку и убегает от неё, чтобы закончить марш-бросок, в моем мозгу кипел безотчетный гнев на ту лишнюю работу, которую нам приходилось делать. Я внушал себе, что осталось всего пять минут, потом полчаса, но прошел час, а мы все ещё брели вдоль гребня.

Всякий раз, когда мы находили новые палатки, в моих ногах появлялись силы. Может это наш лагерь? Нет, опять не он. Моя

психика совершала очередной провал. Я часто останавливался, заваливался на бок и вглядывался во мрак. Все мотивировки улетучивались, когда я начинал сомневаться, что мы когда-нибудь найдем палатки — заставить себя подняться и идти было невозможно.

Ал, который был в лучшем состоянии, ждал меня, предаваясь любимому занятию — просматривал мусор на старых стоянках.

— Смотри, похоже, здесь были японцы, — бормотал он, показывая мне сделанный из фольги пакетик соуса для макарон.

Я пробурчал односложный ответ, но моё внимание было рассеянным. Высотный «таракан» в моей голове зашуршал снова. Что за проблема с поиском лагеря 5? Кто этим занимался? Зачем идти через все эти мучения? Тут полно палаток — занимай и спи в любой.

Видимость улучшилась, приоткрыв ледник под нами. Открылась Чангцзе, а под ней Северное седло. Я смог различить только маленькие пятна нашего лагеря, где сегодня отдыхала команда Б.

Когда мы преодолели очередной маленький подъём, то обнаружили три палатки. Ничего не подозревая, мы отдыхали минут десять — пятнадцать всего в нескольких метрах от них. На шум высунулась голова Мингмы.

— Сюда!

Мы сели перед палаткой шерпов и стали пить горячий чай из термосов. Последние два дня шерпы ждали нас и вздохнули с облегчением, когда мы подошли. Они спали с кислородом, который помогал им, но, тем не менее, хотели бы быстрее покинуть лагерь 5.

— Байи пошёл вниз? — Лакра назвал Брайана по-шерпски.

— Да, Байи спекся, — ответил Ал.

— А остальные?

— Саймон подойдет завтра с Роджером, Тором и Сандипом.

— Ладно. Мы идем в шестой завтра.

— Да. Какая будет погода?

С профессиональным видом человека, проведшего жизнь в условиях изменчивой гималайской погоды, Лакра высунулся из палатки и глянул на вершину.

— Возможно, будет сильный ветер.

Я постоянно открывал для себя магическое действие чая. Пока Ал обсуждал с шерпами детали завтрашнего восхождения, я начал замечать, в какой грязи установлены наши палатки.

По площадке были разбросаны искромсанные остатки брошенных палаток с развевающимися на ветру фирменными лентами. Куски верёвок, остатки пищевых упаковок, клочья

одежды — все это валялось почти на каждом дюйме льда. Острые металлические колышки от палаток с привязанными, уходящими в никуда растяжками, торчали под немыслимыми углами. Большие участки льда были желтыми от мочи, повсюду валялись замерзшие фекалии.

Этот мусор, видимо, собирался годами, по мере того как экспедиции бросали своё снаряжение или оно было повреждено штормами. Унылое место, грязное и безжизненное. Было желание как можно быстрее уйти отсюда.

Наиболее привлекательным знаком была куча кислородных баллонов, которая возвышалась по соседству с палаткой шерпов, на площадке, вырубленной изо льда. Их наличие свидетельствовало о большой работе по переноске грузов, проделанной нашей командой шерпов, а, следовательно, об их высоком профессионализме.

Мы разложили свои коврики и спальные мешки в палатке и затем затащили в неё пару кислородных баллонов. Я установил расход кислорода полтора литра в минуту и надел маску. Раньше мне не приходилось пользовался кислородной поддержкой, если не считать пары вдохов, которые я сделал в базовом лагере для проверки оборудования.

Здесь, на высоте 7600 метров, сразу почувствовался эффект от струйки чистого кислорода. За три-четыре минуты я избавился от приступа головной боли, которая преследовала меня весь день. Через десять минут не осталось и следа от тошноты, а через пятнадцать минут я уже радостно смеялся. Любому медику я мог бы поклясться, что реально ощущал, как кислород проходит по моей крови, неся тепло замерзшим пальцам рук и ног.

— Ал, вы не поверите, что происходит, когда ты это надеваешь…

Ал был занят разборкой своей ноши и не подключился ещё к кислороду.

— Да?

Я знал, что у Ала два мнения по поводу использования кислорода. На К-2 и другие восьмитысячники он ходил без него. В глубине души он, наверное, чувствовал, что использование кислорода может скомпрометировать его как сильнейшего британского высотника. И все-таки он надел маску и через некоторое время тоже заулыбался.

— Я понял, что вы имеете в виду. Это неплохая штука.

Мы поэкспериментировали с регулировкой клапана, устанавливая разные уровни подачи кислорода. Трудно уловить большую разницу между расходом в один и полтора литра в минуту; но пол-литра оказалось явно маловато. Увеличение до

двух литров в минуту было просто лишним для наших изголодавшихся по кислороду организмов.

Ал заметил, что здесь должны быть три лишних баллона для Брайана, Барии и Киса. А это означало, что каждый из нас может израсходовать за ночь не один, а два баллона. То же самое касалось и лагеря 6. Саймон с самого начала обещал, что кислорода будет достаточно для всех, и тот дополнительный запас, который теперь у нас оказался, может быть крайне полезным, если непогода задержит нас в лагере 6.

Кислород не только прогнал мою головную боль и депрессию, я вдруг почувствовал голод, то же самое произошло и с Алом. Мы съели каждый по два дорожных набора и фисташек, которые я принес с собой из ПБЛ. Затем мы вытащили камеру и отсняли короткий эпизод приготовления и приема пищи в палатке. Я отснял, как Ал надевает кислородную маску и залезает в спальный мешок, а Ал — меня за едой, когда я сетовал на нехватку калорий, набивая рот говяжьей тушенкой с клёцками.

Пользуясь остатками света, Ал вышел наружу и снял вид Пумори.

— Сними площадку, — прокричал я, — и убедись, что видно дерьмо и разодранные палатки. — Хорошо.

С наступлением темноты я стал искать фонарь в своем рюкзаке. Первая и вторая попытки оказались безуспешными. Тогда мне пришлось выложить все содержимое рюкзака на пол палатки. Безрезультатно. Я изменил положение и обшарил спальник, обыскал все углы палатки, всю разбросанную одежду, и Ал тоже проверил свою сторону палатки. Фонарика нигде не было.

Я был абсолютно уверен, что сегодня утром положил фонарь в рюкзак. Я отчетливо помнил, как проверил две запасные лампочки и батарейки, которые были приклеены скотчем к фонарику. Но теперь все это исчезло.

Серьезность этой потери была гораздо большей, чем невозможность посветить ночью в палатке. Она полностью исключала моё восхождение на вершину. Пять или шесть часов восхождения должны проходить в темноте.

Я обыскивал рюкзак снова и снова с нарастающим чувством отчаяния. Я проклинал себя за эту ошибку. Здесь негде было взять запасной фонарь, попытка же одолжить его в другой экспедиции означала просто поставить их в аналогичное положение. Как мог я быть столь беззаботным?

— Может быть, ты выронил его на одной из остановок, когда снимал фильм? — голос Ала звучал сочувственно, но я знал, что он всегда прав. Моя глупость могла также сорвать и его

восхождение.

Я перебирал в памяти весь день. Была только одна остановка, на скалах, когда я залезал глубоко в рюкзак за батарейками. Может быть, тогда и выпал фонарь?

Наступило время шестичасовой связи. Я попросил узнать у Саймона, не нашли ли они фонарь в палатке на седле. Ал связался по рации.

Пока он разговаривал с Саймоном, я обдумывал суровую реальность. Даже если они найдут фонарь, он не попадет ко мне, пока команда Б не поднимется сюда на следующий день. Поскольку я не смогу идти в темноте в лагерь 6, а в лагере 5 будет слишком мало места, мне придется идти вниз. Меня трясло от непереносимой жалости к себе. Потерять все из-за одной маленькой оплошности. Я ненавидел себя за свою небрежность. Но где же фонарь?

К моменту связи команда Б благополучно поднялась на седло и теперь отдыхала. Саймон обрадовался, услыхав, что лагерь 5 в хорошем состоянии, и сказал, что в палатке, оставленной мной накануне, фонаря не обнаружили.

Ал выключил рацию.

— Он должен быть здесь.

Я начал очередную стадию поисков, ощупывая каждую отдельную вещь, и затем методично, насколько я мог это сделать в судорожном состоянии, разбирал кучу. Ничего.

Вдруг обнаружив складку на стенке палатки, я просунул под неё руку и вытащил фонарь. Невероятно, как я не нашел его раньше. Оставалось только предположить, что мой мозг все ещё работает в пол-силы.

— Всё, конец панике, — Ал поставил кипятить следующую порцию волы.

— Слава Богу, — я вздохнул с облегчением.

У меня снова появились шансы взойти на вершину.

Мы снова связались с Саймоном, чтобы сообщить ему, что фонарь найден. Остаток вечера мы провели за чаем и горячим шоколадом. К 21–00 мы были готовы ко сну. Спать в маске было тяжело. Русское оборудование было неудобным, ремешки крепления постоянно врезались в какую-либо часть лица. Выпускная система была тоже неэффективной — маленькие лужицы ледяной жидкости периодически собирались внутри выпускного клапана. Мы вертелись с боку на бок в поисках более удобной позы, и это приводило к попаданию в горло отвратительной слюны.

Но как бы трудно не было спать в маске, спать без неё было гораздо хуже. Я провел бессонную ночь, просыпаясь всякий раз,

чтобы поправить маску, когда она начинала съезжать, и проверить поступает ли кислород.

Ветер тоже не способствовал сну, иногда затихая до шепота, он вдруг налетал с невероятным треском.

В 5-00 я услышал, что шерпы зашевелились, собирая снег для утреннего чая. В 6-00 мы зажгли нашу газовую горелку. С первыми лучами Ал высунул голову из палатки проверить погоду.

— Ну, как?

— Так себе. Облачно.

— Встаем?

— Ветер. Посмотрим, как пойдет.

Мы собирались медленно и методично, проверяя каждую вещь перед тем, как уложить её в рюкзак. Удивительно, какой беспорядок можно устроить в двухместной палатке. Я специально проверил на месте ли фонарь. Затем наученный горьким опытом, проверил его снова.

Ал осмотрел палатку.

Мы приладили баллоны к рюкзакам и вышли в лагерь 6, поддерживая себя первое время кислородом.

***

Первым препятствием на нашем пути оказался крутой снежник, расположенный прямо за площадкой. Даже с кислородом этот подъём требовал большого напряжения сил в столь раннее время. Надо было идти на передних зубьях кошек и забивать ледоруб глубоко в снег, для устойчивости.

Отдышавшись наверху снежника, я посмотрел на индикатор кислорода, чтобы проверить работает ли он. Я не был уверен, поступает ли воздух вообще, но индикатор показывал, что устройство работает.

Я думал, что с кислородной поддержкой восхождение будет проходить как на уровне моря, но это было ошибкой. Кислород несомненно помогал, по после каждого резкого движения следовали головокружение и одышка.

Было очень полезно втянуться в определенный ритм, поэтому мешал ветер. Первые тридцать минут с момента выхода из палатки мы преодолевали такой ураганный ветер, с каким ещё не приходилось встречаться на горе. Северный гребень с его длинными понижениями к Восточному Ронгбуку, сужаясь, становился местами совершенно незащищенным от ветра, и нам

приходилось все чаще останавливаться, чтобы нас не сдуло. Порывы ветра были ужасны и впечатляющи. Пару раз меня физически сбивало с ног, я падал на колени, обеими руками вцепляясь в камни, которые попадались под руки.

После часа такой битвы возникли первые сомнения. Как долго мы продержимся в этих условиях? Меня одолел болезненный страх, что Ал решит, что ветер слишком силён, и прекратит восхождение. Каждый раз, останавливаясь протереть очки или немного отдохнуть, он вглядывался на запад, откуда дул ветер, оценивая обстановку. Там было множество разрозненных облаков, что не предвещало шторма. Мы лезли вверх.

Я был так увлечён процессом принятия вертикального положения, что не заметил спускающегося альпиниста, пока не столкнулся с ним нос к носу. Это был Джон, лидер норвежской экспедиции. Он спускался вниз после бедственного пребывания в лагере 6. Он шёл с трудом, держась за грудь, лицо его перекашивало от боли при каждом кашле.

— Что с тобой? — спросил его Ал.

— Горло. Я прокашлял всю ночь и думаю, что сломал ребро. Пока он говорил, сильный кашель раздирал его, сгибая пополам.

Мы знали, что это его третья попытка взойти на Эверест.

— Как остальные ваши участники?

— Они вышли из лагеря утром…, но ветер…

Он повернулся лицом к гребню, мимо которого проносились облака, и пожал плечами.

— Что с австрийцем?

— Плохо. Он в коме. Отёк легких и головного мозга.

— Черт!

Мы слышали, что Рейнхард попал в беду в лагере 6, но эти новости говорили о безнадежности его состояния. Мы несколько минут стояли молча.

— Ну, пока. Удачи.

Он поднял свой ледоруб и продолжил одинокий спуск, звуки его кашля утонули в порыве ветра.

Поздним утром мы подошли к тому месту, где маршрут уходит с северного гребня, и пошли траверсом с подъемом по северному склону. Здесь нам надо было быть особенно внимательными, чтобы не сбиться с пути. Свою оплошность мы поняли, когда сильно отклонились от маршрута, и теперь нам предстояло сделать большой крюк к лагерю 6.

Ал определил направление, и мы пошли траверсом снежных полей с поясами разрушенных скал. В послемуссонный период этот склон лавиноопасен, посейчас в предмуссонный период снег

был плотный и устойчивый. Снежный вариант был предпочтительней скального.

К полудню ветер усилился, облачность поднялась, и вскоре мы лезли в белом тумане, как и к лагерю 5.

Чтобы не думать об усилиях, которые требовались при каждом шаге, я повторял свою старую мантру — «каждый пройденный вверх метр означает, что осталось идти на метр меньше». Слова, повторяемые снова и снова, гипнотически действовали на моё сознание, погружая его в состояние, близкое к трансу. На верхнем крае каждого снежника я останавливался и пытался оценить, сколько же вертикальных метров мы отвоевали у горы. Идя траверсом, мы набирали высоту медленнее, чем на гребне. Полчаса тяжелой работы давали примерно пятнадцать — двадцать вертикальных метров.

Из-за крутизны склона мы не видели лагерь 6. как, впрочем, и вершину. Когда открылась вершинная пирамида, моей единственной мыслью было — как до неё ещё далеко. Траверс со всей очёвидностью показывал необъятность склона. Шли часы, а вершина все ещё была в километрах от нас и в километре над нами.

Тем не менее, за эти утренние часы мы миновали отметку 8000 м. Теперь мы находились непосредственно в «зоне смерти», гак швейцарский физик охарактеризовал это место в 1952 году и описал его:

> «Жизнь висит на волоске, организм, измотанный подъёмом, может за короткое время перейти из сонного состояния к белой смерти. Это зависит, в первую очередь, от возраста субъекта, и, во-вторых, от запаса его сил».

Время шло, и надо бы было двигаться быстрее, погода была по-прежнему сомнительная.

К середине дня пошёл легкий снежок, и облака сгустились над нами. Мой оптимизм быстро иссяк. Если снег повалит сильнее, он сведет на нет весь наш прогресс.

Но снегопад кончился так же быстро, как и начался, а вместе с ним ушла и облачность. В двух шагах небо было голубым, а облака опустились на уровень седла.

Когда мы дошли до первых палаток лагеря 6, я вспомнил своё состояние при подходе к нижним палаткам лагеря 5. Необходимость поиска следующей «ровной площадки» вселяла в меня ужас, и все-таки, несмотря на усталость, я подготовил себя морально для выполнения дополнительной работы — добраться до своих палаток.

Оказалось, что я напрасно беспокоился. Площадки под палатки в лагере 6 были разбросаны по довольно большой площади, но перепад высот между нижними и верхними палатками не был таким большим, как в лагере 5. Через полчаса мы добрались до своих палаток.

Шерпы пришли сюда двумя часами раньше и уже заняли одну из двух палаток, которые были установлены на прошлых педелях. Как и в лагере 5, кислородные баллоны были аккуратно сложены в стопку.

Я выпил последние капли сока из бутылки, снял рюкзак и лег отдохнуть. Прошло довольно много времени, прежде чем моё дыхание пришло в норму, и ещё через какое-то время мой мозг стал способен воспринимать окружающий мир.

Лагерь 6 на высоте 8300 метров — высочайший лагерь в мире, и это чувствуется. Перепад в 600 метров по сравнению с лагерем 5 открывает более величественный вид. Ледник Ронгбук виден на всем его протяжении, когда облачность не закрывает его. Если бы не слой тумана на севере, мы могли бы увидеть монастырь.

Перспектива, открывающаяся с седла, тоже более впечатляющая, чем из лагеря 5. Так как мы траверсировали склон довольно долго, теперь под нами была его западная часть и за ней прочищенный лавинами юго-западный склон Чангцзе.

Где-то в основании склона был лагерь каталонцев. Мы мало слышали о них, кроме того, что один из их участников был отправлен в Катманду с подозрением на неполадки в сердце. Отсюда было видно, что висячие ледники западной части более протяженные, чем их восточные собратья. Кроме того, маршрут каталонцев был открыт преобладающему сильному западному ветру, тогда как наш маршрут, по восточной стороне, был на некотором протяжении защищён от него.

Я не завидовал каталонцам. Их шансы забраться на гору осложнялись западным маршрутом на седло и, практически, отсутствием помощи шерпов. Мы были в более привилегированном положении, имея значительные запасы кислорода и еды, ожидавшие нас в лагере 6.

Две палатки стояли в пятнадцати метрах друг от друга. Палатка шерпов в верхней части снежника, наша была установлена на довольно узкой площадке в середине него. Обе палатки имели неудобный уклон, так как площадки под них были меньше, чем нейлоновое дно палатки. Оттяжки палаток были закреплены за снежные столбы и близлежащие камни.

Джайалтсен подошел поговорить с Алом.

В базовом лагере я заметил, что он всегда был в движении,

перемещаясь прыгающей походкой. Сейчас он шёл медленно, очевидно, сильно устал.

— Когда вы собираетесь выходить?

Ал отложил свою кислородную маску, чтобы ответить.

— Проснемся в полночь. Выйдем в два.

— Хорошо.

Джайалтсен показал нам место в снегу с припрятанными баллонами с кухонным газом и потащился вверх по снежнику в свою тесную палатку, где его ждали Мингма и Лакра.

Мы с Алом сидели настолько уставшие, что не могли даже говорить, а только смотрели на облака, которые собирались над Ронгбуком. По нашей оценке в одной из зон были установлены около десяти жилых палаток. Признаков жизни в них не наблюдалось.

Нудный голос в моей голове твердил, что нужно успеть отснять лагерь 6, пока облака не закроют обзор. Когда я попросил об этом Ала, он, несмотря на усталость, без всяких жалоб поднялся на ноги, чтобы выполнить мою просьбу, впечатляя своей исполнительностью.

Пока Ал фотографировал, я мог только снять кошки, снеговые гетры и заползти в палатку. Вдруг обе мои ноги свела судорога, и теперь я снова стал думать, что моё восхождение завершилось. Виновницами оказались самые длинные в человеческом теле мышцы, которые идут от ягодиц до лодыжек, они оказались заблокированными, пока я растирал пальцы ног, чтобы снять боль.

Ал, проделав операторскую работу, нарезал несколько снежных блоков, чтобы натопить из них воды, а также выложил при входе в палатку маленькую площадку из плоских камней для газовой горелки. После нескольких неудачных попыток разжечь горелку незадолго до наступления темноты мы получили первые драгоценные кружки воды.

Интерьер палатки состоял из колец верёвки и упакованных в базовом лагере продуктов. Разорвав свой собственный пакет, я мог только удивляться тому набору продуктов, который я составил раньше. Салат из тунца теперь вызывал спазмы в животе. Только одного вида рыбы на этикетке было достаточно, чтобы вызвать прилив тошноты. Рыба и высота плохо совмещаются.

Мы открыли пакеты с продуктами Ала, Брайана и Барни, здесь еда была получше. Самым хорошим продуктом оказались мюсли, которые я добавил в кружку с горячим шоколадом. Затем мы подогрели пару заморозок и съели их, вдыхая кислород между глотками.

Закат, должно быть, был великолепен, но я видел только отблеск красного света, отраженный от кислородного баллона, лежащего около палатки. Я стремился сохранить каждую каплю энергии и выходить из палатки для фотографирования не входило в мои планы, как бы красиво не было вокруг.

Нашей главной темой дискуссии был кислород. Так как трое участников выбыли из дальнейшей борьбы, у нас появилась возможность взять по лишнему баллону кислорода на штурм. Аргументом «за» была возможность установить более высокий расход кислорода. Аргументом «против» — дополнительные шесть килограммов, требующие серьёзных физических усилий. Мы решили отложить спорный вопрос до наших сборов перед выходом. Действительно, когда настало время, Ал решил взять дополнительный баллон, а я решил не брать.

Когда к 20–00 мы уже растопили третью порцию снега, снаружи послышались шаги. У человека, склонившегося у входа в палатку, были красные полные отчаяния глаза. Им оказался венгерский альпинист, который вместе с австрийцем Рейнхардом Власичем пытался взойти на Эверест с севера без кислорода.

Он заговорил по-французски, но когда увидел наши непонимающие лица, перешел на английский.

— Мне надо…. не могли бы вы как-нибудь помочь…, немного кислорода и горючего. Его речь была сумбурна и малопонятна.

— Располагайтесь и успокойтесь. Что случилось? — Ал освободил для него немного места у входа в палатку.

— Мой друг погибает. Я хочу, чтобы вы помогли мне снасти его. Мы в той палатке, рядом. Он указал направо.

— Вы говорите о Рейнхарде?

— Да. О Рейнхарде. Он погибает. Если мы не спустим его вниз, он умрет. Вы должны помочь мне.

— Что сказал норвежский врач? Он смотрел его?

— Да. Сегодня в полдень.

— И что он сказал?

— У него отёк легких и головного мозга.

— Он в сознании?

— Он в коме.

— Если он в коме, ему суждено погибнуть. Никто не сможет снять его отсюда. У вас есть кислород?

— Кончился. Можно мне взять баллон?

— Вы можете взять столько, сколько вам нужно. У вас сеть редуктор?

— Есть, и если мы пойдём сейчас, то сможем его спасти.

— Как? — Ал сохранял ледяное спокойствие.

— Я не знаю. Мы сможем нести его. Я должен что-то делать.

Венгр терял рассудок и от собственного бессилия начал злиться на нас.

— Мы ничего не сможем сделать. Сколько бы людей не было здесь, нам не спустить его в лагерь 5. Вспомните о скалах, как вы собираетесь спускать его по ним?

Венгр успокоился. В глубине души он понимал, что Ал прав. Даже если бы Рейнхард был в сознании, спасти его было бы невозможно. Тот факт, что он находился в коме, здесь, на высоте 8300 метров, был равносилен смертному приговору.

— Как долго, по вашему мнению, он протянет?

— Не знаю. Он еле дышит.

Мы с Алом переглянулись. Одна и та же мысль одновременно пришла в наши головы — венгр решил оставаться со своим другом до самого его печального конца, что подвергало его собственную жизнь опасности.

— Послушайте, ваш друг погибнет, это очевидно, вам необходимо спускаться, иначе вы тоже погибнете. Вы понимаете?

Ал говорил напористо, изо всех сил стараясь довести мысль до заторможенного сознания венгра. С большим трудом это ему удалось.

— Если вы останетесь здесь, то умрете завтра ночью. Поэтому сейчас возьмите два баллона, переночуйте и с рассветом идите вниз в лагерь 5. Хорошо?

Венгр медленно кивал головой.

— Вы и так сделали всё, что могли, оставаясь с ним, но его не спасти. Если вы и дальше останетесь здесь, вы подвергнете опасности другие жизни. Вы в состоянии спускаться завтра самостоятельно?

— Да.

Его ответ был едва слышен. Он подхватил два баллона и вышел в ночь.

— Странная вещь, — неприятное воспоминание вернулось ко мне.

— Что?

— Когда вы и Барни решили повернуть назад Брайана, вы увидели Рейнхарда и его товарища, и сказали, что, возможно, они идут погибать.

— Это правда. Та скорость, с которой они тащились, могла привести их к беде.

Затем вспомнился наш разговор с Алом перед отлетом в Катманду.

— Вы помните наш разговор в Хардфордшире, когда вы приехали к нам за несколько недель до начала экспедиции? Вы предсказали, что такое может случиться. Вы сказали, что в лагере

6 мы можем встретить кого-нибудь в таком состоянии. Вы даже уточнили, что этот кто-то будет из Восточной Европы.

— Да я помню.

— Не кажется ли это вам довольно странным?

Ал ненадолго задумался.

— Нет, почему же. Сейчас столько неорганизованных групп идет на Эверест, что было бы просто удивительно не встретить здесь кого-нибудь, попавшего в беду.

На этом мы закончили дискуссию и продолжили готовить еду, но из моей головы не выходил недавний разговор с венгром. Почему я не испытывал больше сострадания к нему? Почему мы не предложили ему, по крайней мере, пойти и проверить Рейнхарда, а вдруг он поправится?

Правда в том, что гора обесчеловечила меня, снизив порог чувствительности. Известие о неминуемой смерти Рейнхарда скорее удивило меня, чем шокировало. Такая подмена казалось нормой. Мое сознание твердило мне, что это лагерь 6 на высоте 8300 м, что здесь люди умирают, если что-то у них пойдет не так. Рейнхарду не помочь. Нам тоже. Идя на такую высоту, мы все добровольно заключаем с горой неписаный договор, который гласит: «Я ставлю себя в такие условия, в которых я могу умереть». Поэтому такая роскошь как жалость и сострадание часто оказывается оставленной в базовом лагере вместе с другим ненужным багажом. Если бы мы принести эти эмоции с собой, возможно, нуждались бы в них по отношению к себе. Я начинал понимать, что в действительности означает «зона смерти».

10

В 23–20 Ал погрузился в лёгкий сон, его ритмичное дыхание приглушалось кислородной маской. В полночь должен начаться день штурма.

Хотя мой организм жаждал сна, о нём не могло быть и речи. Я лежал как ребенок в канун Рождества с широко открытыми глазами, ожидание пронизывало меня как всплеск адреналина. Я лежат совершенно неподвижно, натянув на голову промерзшую ткань вкладыша.

Уставившись в темноту, внимая ветру, резвящемуся вокруг, я ощутил себя входящим в состояние спокойствия, свойственное буддистскому монаху. В своей длинноволосой юности, начитавшись Карлоса Кастанеды и Алдоуса Хаксли, я часто пытался мысленно погружаться в другое состояние сознания. Как я пытался!

Сидя в позе полулотоса в освещенной свечами спальне, окуренной благовониями, под вызывающие транс звуки гонга я ждал погружения в астральный мир. Но как бы долго я не стоял в очереди за билетом, моё путешествие так и не начиналось. Видимо, серые пригороды Лондона — не лучшая стартовая площадка для путешествия в Нирвану.

Теперь, заключенный в тонкую пластиковую капсулу, возвышаясь над всем остальным миром на 8300 метров, я непроизвольно погрузился в эйфорический транс. Маленькая палатка «Квазар» вдруг увеличилась до собора, её купол превратился в парящие в воздухе гигантские арки. Шипение кислорода в моей маске стало музыкой, похожей на звуки флейты, ветер нашёптывал слова напутствия на день грядущий.

Музыка затихла, И на её месте возникли глухие удары, отзывающиеся эхом в задней части моего черепа. Сменились и видения, теперь я ощущал себя, ныряющим в море, и мои легкие заполнялись водой.

Затем я проснулся, задыхаясь и бешено глотая воздух. Оказывается, вот почему затихла музыка — кислородный баллон был пуст. В смятении я никак не мог найти свой фонарик, а потом справиться с замерзшим клапаном регулятора на пустом баллоне.

Теперь наша палатка украсилась топким слоем инея, который при каждом движении осыпался мелкими кристаллами, морозя открытые участки кожи.

Переставив клапан на новый баллон, я установил расход, равный одному литру в минуту, и утомленный зарылся обратно в спальник.

На этот раз сладкая дрема ушла, уступив место горькой. Вдруг я вспомнил, что в десяти метрах от нашей палатки умирает Рейнхард, без всякой надежды на помощь.

Лагерь 6, который совсем недавно казался таким приветливым убежищем, когда мы добрались до него, теперь стал местом тревожным и устрашающим. То, что ничего нельзя было сделать для Рейнхарда, поставило все на свои места — все под контролем у горы. Высота со всеми её губительными действиями может забрать жизнь у сильного здорового альпиниста также легко, как у слабого ребенка. Перед лицом этой невидимой силы наше собственное предприятие казалось хрупким и обреченным на провал.

Оставшиеся двадцать минут до полуночи я лежал, одолеваемый холодным ужасом, и молился о том, чтобы не испортилась погода, чтобы выдержать предстоящее испытание, и что самое главное, не наделать ошибок. Чувство неуверенности в собственной альпинистской сноровке преследовало меня с самого начала экспедиции. Теперь я опасался какого-нибудь ляпсуса, неожиданного падения, неловкого обращения со снаряжением, как это уже случилось с «восьмёркой» на седле, всех тех ошибок, которых я старался избежать с самого начала восхождения. В день штурма даже малейшая ошибка может привести к гибели.

От этого, вероятно, погибли Мэллори и Ирвин.

Полночь. Включился электронный будильник Ала, и я услышал приглушенные звуки из палатки шерпов. Ал проснулся, и мы приступили к утомительному занятию — разжиганию газовой горелки.

Зажигалки загорались ещё более неохотно, чем в лагере 5. Потребовалось раз сорок — пятьдесят чиркнуть зажигалку большим пальцем, прежде чем удалось извлечь пламя из замерзшего газа. К тому моменту, как я преуспел в этом, из моего пальца, на котором треснула кожа, текла кровь.

Несколько секунд пламя неистово горело, затем горелка зашипела и погасла.

— Чёрт! — я начинал ненавидеть горелку.

Ал взял зажигалку и стал терпеливо пытаться поджечь газ снова. Мы регулярно сталкивались с этой проблемой, начиная с лагеря 5. Сильный холод и разреженный воздух делают пропановые горелки очень капризными. Пока не заработают, они пыхтят и наполняют палатку тошнотворным дымом. Согрев газ, через десять минут мы разожгли обе горелки. Ал занялся нарезанием блоков снега, соответствующих размеру кастрюли, я же пытался навести порядок на своей стороне палатки.

Практичный Ал занял более плоское место, предоставив мне

сражаться за место с кучей снаряжения.

Использованные кислородные баллоны, продукты и снаряжение образовали бесформенную кучу в нижней части палатки. Стенка палатки угрожающе выгнулась под весом снаряжения, и я представил, что малейший порез может привести к разрыву, как рвется брюхо кита, опустошая содержимое палатки, включая меня, откуда есть только один путь — вниз по северному склону.

Я переложил наиболее тяжелые вещи вниз, где у них не будет свободы для движения. Затем я вытащил вещи, жизненно необходимые на день грядущий: литиевые батарейки к видеокамере, красную ветровку и наружные ботинки. В свете луча фонарика я увидел продуктовые упаковки, столь оптимистично приготовленные каждым из нас в базовом лагере, семью неделями раньше.

На каждой голубым маркером было написано имя владельца: Тор, Саймон, Барни, Сандип, Брайан. Я вскрыл упаковку Брайана и вытащил драгоценный пакет с мюсли, одним из немногих видов еды, на которые я мог смотреть, так как стал очень разборчивым в пище.

Около часа ушло на то, чтобы превратить утрамбованный снег в кипящую воду. Мы разделили пакет с фисташками, попили чая и горячего шоколада, прежде чем снова загрузили кастрюли снегом для следующей порции питья, которое собирались взять с собой на восхождение.

Стесненные кислородной маской, мы не очень были разговорчивы и сконцентрировались на жизненно важной задаче — заставить себя поглотить как можно больше еды и питья.

Годы, проведенные в гималайских экспедициях, научили Ала завидной сноровке писать в бутылку, лежа на боку. Опасаясь промахнуться и залить спальник мочой, я полагался на более надёжную, но и более энергозатратную методу производить то же действие, становясь на колени.

Шли минуты и организм потребовал своего.

— Я хочу срать.

— Я тоже, — Алу тоже приспичило.

Перспектива одевания ботинок и выхода на морозный ночной ветер была предельно угнетающей. Только одна мысль об этом была деморализующей.

— Лучше уж сделать это здесь, — посоветовал Ал, — нет никакого смысла тащить лишний груз наверх.

Как читатель, жадный до гималайской альпинистской литературы, я всегда удивлялся зацикленности альпинистов-высотников на естественных надобностях. Я недоумевал, в чем

тут дело?

На то, чтобы подготовиться к выходу из палатки, ушло пятнадцать минут. Брать с собой кислород не было нужды. Двигаясь осторожно, чтобы не снести «кухню», я выполз из палатки. По пути я задел локтем пустой баллон, прислоненный снаружи к палатке. Он упал на ледяной склон и начал быстро набирать скорость. Когда баллон налетел на камни, раздался лязгающий звук, потом ещё раз, и затем он исчез из виду, чтобы упасть на ледник в шести тысячах футах внизу.

Ошибка.

Ковыляя по ледовому склону, я понял, что все, что я делаю, делаю глупо. Я должен был надеть кошки и взять ледоруб. Одно проскальзывание, и я последую за кислородным баллоном. С содроганием я вспомнил, что точно так улетел тайваньский альпинист на южной стороне, всего несколько дней тому назад.

Я нашел узкую полочку и стал стаскивать с себя комбинезон и термобельё. Мышцы бедер и икроножные протестовали, я целую вечность садился на корточки, пыхтя и задыхаясь. В нескольких метрах от меня Ал занимался тем же. Нет более неудобной вещи на высоте 8300 метров.

На седле и выше меня преследовала острая боль при посещении туалета. Этот поход был наихудший, на моих глазах наворачивались слезы. Организм полностью пересох, и было ощущение, что меня разрывают изнутри.

— Я сейчас рожу здесь, Ал.

В ответ раздался лишь стон.

С болью пошла кровь, вполне существенное количество. Я отключил от этого факта своё внимание, отнеся его на счет хорошо известного альпинистского недуга.

Завалившись обратно в палатку, я натянул кислородную маску и жадно мотал воздух. В тепле спальника я отогрел руки, засунув их себе подмышки. Вошел Ал.

— Ты в порядке?

— Нормально, — ответил я, не желая говорить о том, как я себя чувствую на самом деле. Состояние, близкое к тошноте, с разрывающей головной болью, теперь я знал, что стоит визит в туалет на высоте свыше 8000 метров.

Ал добавил ещё несколько кусков снега в кастрюли с водой и затем свернулся в своем спальнике, стараясь восстановить драгоценное тепло. Я мог различить только его приглушенные слова:

— У меня замерзли ноги.

Я слышал, как снаружи трое шерпов готовили снаряжение. Джайалтсен пересек снежник и заглянул в палатку.

— Два часа. Вы готовы?

— Нам надо вскипятить ещё воды, — ответил Ал, — давайте выйдем через полчаса.

Подошли Лакра и Мингма, и все шерпы собрались около нашей палатки. Они стали отбирать кислородные баллоны, которые здесь были аккуратно сложены.

— Нельзя выходить с замерзшими пальцами, — сказал Ал, — они должны быть совершенно теплыми в момент выхода, иначе мы их потеряем.

Я вынул ноги из внутренних ботинок, и, растерев их, вернул к жизни. Мизинец на ощупь, казался каким-то восковым, как если бы кожа на нём была жирнее, чем обычно.

К 2-30, подкрепившись последней чашкой горячего шоколада и несколькими кусками шоколада, мы стояли у палатки в подогнанных кошках и неопреновых гамашах. Поверх комбинезонов «Michelin Man» на нас были одеты ветровки с застегнутыми обвязками. Толстая одежда сильно ограничивала движения, и я попросил Ала подтянуть мою обвязку на талии.

Мы подготовили рюкзаки к укладке кислородных баллонов. В обращении с ними, как и с другими тонкими элементами высотного альпинистского снаряжения, требовалось повышенное внимание к мелочам. Кислородные баллоны должны переноситься строго вертикально. Если он перевернется в рюкзаке, трубка, подающая кислород, может отломаться, и подача кислорода прекратится. Проверив свою систему в базовом лагере, теперь я скрутил свой спальный коврик и вложил в рюкзак. Опущенный в образовавшуюся трубу баллон встал на своё место, с беспрепятственным доступом к клапану.

Кроме того, если мы, по каким-либо причинам, остановимся, коврик окажется бесценной вещью.

Я мысленно проверил все необходимое снаряжение. Лыжные очки в кармане ветровки. Запасные альпинистские очки в другом кармане. Фонарик наготове с двумя запасными лампочками и запасными батарейками. Две литровые бутылки наполнены изотоником — высокоэнергетичным, содержащим глюкозу напитком. Рация проверена. Еда — шоколад и рождественский пудинг, готова. Камеры с новой пленкой. Ремонтный набор дли кошек. Запасной карабин. Восьмёрка для спуска. Зажимы — «жумар».

— Где твое питьё? — спросил Ал.

— В рюкзаке.

— Лучше положи его в свою пуховку, поближе к телу.

Я сделал так, как сказал Ал, засунув одну из пластиковых бутылок под пуховку. Шерпы были уже почти готовы. Я ещё раз

мысленно проверил список предметов, выискивая хотя бы одну забытую вещь, маленький предмет, который может привести к срыву восхождения.

Такового не оказалось. Мы были готовы.

Без лишних слов мы отвернулись от палаток и начали восхождение в ночи. Впереди шёл Лакра, за ним Мингма и Джайалтсен, Ал и я шли в хвосте.

После нервного напряжения подготовки идти было настоящим облегчением. Эти первые шаги имели для меня поистине эпохальное значение. Я понимал, что мы находились в невероятно привилегированном положении, за возможность оказаться в котором отдали бы зуб, а, возможно, и не один, тысячи альпинистов.

Мы выходили из лагеря 6 точно по графику, у нас были еда, питьё, достаточное количество кислорода и поддержка трёх очень сильных шерпов. Наше снаряжение было подогнано и проверено, самочувствие было таким, каким оно может быть на высоте 8000 метров, у нас не было недомоганий или травм, которые надо было преодолевать.

Ничего лучшего быть не могло. «Окно» было открыто, и я позволил себе роскошь подумать, что, возможно, мы сделаем это, если, конечно, удача будет сопутствовать нам.

Именно в те минуты, когда мы выходили из лагеря 6, об этом стало известно впоследствии от венгерского альпиниста, умер Рейнхард.

На первом снежнике, расположенном над лагерем, шерпы ускорили ход. Ал легко поспевал за ними, я же начал отставать. Узкий луч фонарика, который казался таким ярким в палатке, теперь не справлялся со своей задачей, освещая слишком маленький участок снега

Догоняя, я сконцентрировал своё внимание на ногах Ала, вбивающего свои кошки в снег. Корка снега была непредсказуема. Иногда мы проваливались по бедра в скрытые полости.

Я быстро научился не доверять фонарику с его туннельным эффектом. Он обманывал зрение, бросая тени непонятной величины. Камни могли казаться больше, чем на самом деле. Трудно было определить расстояние. Неясно, был ли Лакра в десяти метрах впереди или в пятнадцати.

Мы прошли мимо нескольких старых стоянок, оставленных предыдущими экспедициями. Все они были захламлены клочьями материи, поломанными стойками от палаток и пустыми кислородными баллонами. Один из фольгированных пакетов нанизался на зуб моей кошки и тащился на нём до тех пор, пока не надоел мне так, что я потрудился удалить его.

У каждой такой стоянки Ал, горный детектив, останавливался на момент и обшаривал лучом фонарика оставленный мусор. Даже сейчас, на восхождении, эта страсть не оставляла его.

Шаг за шагом мы поднимались по снежнику к более трудному «жёлтому поясу» (выходы известняков желтого цвета, опоясывающие весь Эверест). Хорошо понимая, что запасы кислорода ограничены, я сосредоточился на ритмичности своего дыхания. Из своих тренировок по погружению с аквалангом я знал, как легко израсходовать воздух.

Рельеф северного склона оказался разнообразным как по крутизне, так и по своей природе. Крутые ледовые участки сменялись скальными плитами. Скальные участки заканчивались длинными траверсами. Установить ровное дыхание не получалось. Чаще всего я пыхтел и задыхался, и ничего нельзя было с этим поделать.

Через час я почувствовал себя лучше. За целенаправленной физической работой головная боль и тошнота прошли. Мои руки и ноги были тёплыми, а вес рюкзака не давил так сильно, как я опасался.

Подойдя к концу снежника, мы впервые столкнулись с голыми скалами. Я с ужасом смотрел, как три тонких луча фонарей шерпов начали подниматься но, казалось, вертикальной стене. Был ли это оптический обман? Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о реальном лазании перед гребнем. Однако стоя у основания скального участка, моё сердце сжалось. Было круто. Очень круто. Я был совершенно неискушён в ночном лазании, и от страха все заледенело внутри.

Мы начинали штурмовать «желтый пояс».

Еще хуже было то, что мы должны были лезть но скалам в кошках. Это все равно, что взбираться по лестнице на ходулях. Зубья становятся нежелательной опорой, удаляя ногу от действительного контакта со скалой. Лазанье по скалам в кошках увеличивает риск встать мимо зацепки или вывихнуть лодыжку. На тесных участках, где ноги должны ступать близко друг к другу, опасность ещё больше. Зуб может зацепиться за неопреновый гамаш другой ноги — ошибка, неизбежно ведущая к тяжелому падению.

В других горах можно остановиться и снять кошки, но здесь это невозможно. На северной стороне Эвереста снимать кошки всякий раз, когда вы переходите от снега к скалам, — потеря драгоценного времени, и, кроме того, риск обморозить руки.

Пока остальные проходили скальный пояс, я ненадолго остановился, чтобы проделать небольшой опыт. Я выключил

фонарь и дал возможность глазам привыкнуть к темноте. На небе почти не было облаков, но луны не было видно. Единственным источником света были звезды, но они были такими яркими, какими я их никогда не видел. Башня Чангцзе была далеко под нами, я даже мог видеть её изогнутые по синусоиде рифлёные гребни.

Еще на тысячи метров ниже были видны великие ледники, отражающие тусклый металлический свет звезд на фоне более темных теней от высоких стен ущелья.

Весь Тибет лежал под нами, и нигде не светилось ни одной электрической лампочки.

Сняв верхние рукавицы, я добрался до кислородной маски. Лед стал перекрывать входной клапан. Я тщательно удалил льдинки.

Затем я полез вверх, кошки с металлическим скрежетом заскребли по скалам. Маршрут проходил по полочкам, соединенным узкими трещинами. Это было неприятное лазанье, требующее большого усилия рук и ног — шагать по неудобно высоким ступеням. Не раз мне приходилось заклинивать колено в трещину для поддержания равновесия или извиваться на полке на животе.

— Это первая ступень? — крикнул я Алу.

Он не ответил, и только спустя несколько часов, уже на первой ступени я понял, как далеко мы были тогда от неё. Мы подошли к площадке и остановились немного передохнуть перед следующим участком.

Маршрут был завешен паутиной из верёвок. Некоторые из них были перетёрты, другие запутаны, остальные были отбелены от долгого пребывания под действием интенсивного солнечного облучения на высоте 8000 метров. Ал, что-то бормоча, пробирался сквозь них, сортируя профессиональным оком.

Выбрав лучшую из них, Ал цеплялся к ней зажимом и продвигался вверх, передвигая зажим при каждом шаге. Я ждал, пока он поднимется на определенную высоту, и следовал за ним. Кошки, застревая в трещинах, превращали каждый шаг в ночной кошмар. Часто мои ноги неистово скребли по зацепке, превращая скалу в гравий.

Сверху летел постоянный поток мелких, а иногда и размером с кулак камней, спущенный шерпами, идущими над нами. В обычных условиях даже самый неуклюжий альпинист избежит этого, но здесь каждая опора стремится развалиться на части. Наши уши быстро приспособились определять размер приближающегося снаряда по звуку, с которым он ударялся о скалу.

— Камень! — Плоский, размером с портфель камень скатился со склона и исчез в темноте.

После шестидесяти-семидесяти метров подъёма я совершил серьёзную ошибку. В тот момент, когда я нагрузил зацепку, выжимаясь на ней, моя кошка неожиданно соскользнула с неё, и я ударился коленом о выступ. Хотя комбинезон и смягчил удар, ушло несколько минут, пока ко мне вернулось самообладание. В результате этого срыва я повис на верёвке.

Через двадцать метров я подошел к точке крепления верёвки, по которой лез. Посветив фонарём, я не мог поверить своим глазам. Моя нить жизни была закреплена за единственный ржавый крюк, неумело вставленный в трещину.

Из любопытства я проверил крюк на прочность. Он шевелился. Я слегка потянул его, и он сразу вылетел. Я несколько секунд остолбенело смотрел на эту трогательную страховку, предотвратившую мой недавний срыв.

На протяжении экспедиции часто говорилось о том, что на наиболее технически сложных участках провешены перила. «Дойди до лагеря 6, и дальше ты на перилах» — наиболее часто повторяемая мантра, подразумевающая, что перила целы. Однако одного случая с выпавшим из трещины крюком хватило, чтобы разрушить мою веру в перила. И я решил полагаться на них как можно меньше.

Крутизна уменьшилась, и я обнаружил Ала и трех шерпов, поджидающих меня. Когда я подошел, они продолжили подъём по веренице ступеней, прорубленных ветром в снегу. Следующий крутой скальный участок Лакра снова пошёл первым. Он лез мощно и без остановок, и вскоре свет его фонаря скрылся из виду.

Я обратился с просьбой: «Ал, можно я пойду впереди?». «Без проблем», — Ал отстегнулся от верёвки и пропустил меня вперед. Это был великодушный жест, за что я был ему очень благодарен.

Чувствуя Ала за своей спиной, я начал подъём по следующему скальному участку гораздо уверенней. Отчасти психологически, отчасти потому, что Ал фонарём освещал зацепки, идти мне стало гораздо легче.

Как и везде на Эвересте, скалы были разрушенными и ненадежными. Явно прочные зацепки легко разваливались, валуны трещали под весом тела, а поток мелких камней, казалось, находился в постоянном движении.

Камень величиной с телефонный справочник упал в нескольких дюймах от моей руки. Ударившись о скалу, он разлетелся на сотни кусков, осыпав меня дождем из каменных осколков. Одновременно сверху долетел предупреждающий крик Мингмы.

— Ты в порядке?

— Нормально, — мы продолжали подъём.

Сейчас я не знал точно, где мы находимся. С ледника Ронгбук расстояние от лагеря 6 до северо-восточного гребня не кажется слишком большим. Теперь я понял, насколько это значительное восхождение. Прошло много времени, как мы вышли из лагеря, и уже чувствовалась усталость, как от целого рабочего дня.

Еще не было и намека на рассвет. Я стал с нетерпением ждать первых лучей солнца.

Оглянувшись, я увидел, что Ал проходит участок свободным лазанием. Он, как и я, не доверял перилам, но в отличие от меня, мог обходиться без них.

Когда склон стал положе, мы пошли траверсом направо по грязному снежнику. Вдаль него была натянута новая светло-красная верёвка, каких нам давно не приходилось видеть. Прицепляясь к ней, я пытался угадать, кто же её повесил — индийцы или может быть японцы?

Перила пересекали трещину, а затем выходили на наклонную скальную площадку, размером с теннисный корт. Проходя через неё, я понял, что мы закончили первый этап восхождения.

Ужасы ночного лазанья закончились. «Желтый пояс» оказался намного круче и сложнее, чем я себе это представлял. Лезть по нему в темноте при свете налобного фонарика было ночным кошмаром.

Теперь, с первыми лучами, осветившими наш маршрут по гребню, я выключил фонарик и прикинул, что в лучшем случае мы сможем дойти до вершины часов за шесть.

Трое шерпов, в очках и кислородных масках похожие на инопланетян, склонились над своими ледорубами. Они в темпе отработали ночные часы и теперь отдыхали, поджидая нас на гребне. Один из шерпов, Лакра, был на вершине раньше, но я знал, что остальные никогда не были на такой высоте. У каждого выросли сталактиты изо льда в нижней части кислородной маски в том месте, где выдыхаемый пар замерзает, превращаясь в пики, длиной в несколько дюймов. У Мингмы были проблемы с маской. Я наблюдал, как он снял её, чтобы очистить замерзшую трубку, и вспомнил слова экспедиционного врача, который предупреждал нас, что мы можем потерять сознание, если кислород не будет поступать в течение более тридцати минут.

У меня кислород ещё не закончился, но жесткая замерзшая раковина маски натирала переносицу, я на мгновение ослабил маску, чтобы снять раздражение.

С рассветом подул наш злейший враг — ветер. Пока Ал осторожно приближался к нам, первые порывы ветра затеяли игру

на северном склоне, поднимая фонтаны ледяных кристаллов. Ал восстанавливал дыхание, а я поднялся на гребень и взглянул на обрыв Канчунг — восточный склон.

Картина была жуткая — Канчунг смотрелся почти вертикальной трехсотметровой ледовой стеной. Огромные висячие ледники, изрезанные глубокими трещинами, опасно примостились на его склонах. Нетрудно представить эти биллионы тонн льда, ведущие борьбу с гравитацией исходящие огромной лавиной на нижние долины.

Когда Мэллори впервые увидел стену Канчунг в ходе британской разведывательной экспедиции в 1924 году, он назвал её непроходимой и решил, что эту стену следует оставить «другим, менее мудрым». Теперь, глядя вниз на стену, я понял, что он имел в виду. То, что впоследствии она была пройдена и по нескольким маршрутам, остается для меня невероятным.

Стена Канчунг является родиной и создателем некоторых любопытных ветров. С рассветом начинает дуть одни из них. Пока я смотрел вниз, по стене волнами поднимались облака кристаллов льда. Это выглядит так, как будто смотришь прямо в открытый «рот» градирни на электростанции. Это хвост огромного «ротора», в который закручивает Эверест постоянные северо-западные тибетские шторма. Когда кристаллы поднимаются на гребень, они уносятся на юго-восток в виде флага до сорока километров длиной.

Немногие альпинисты идут на восхождение, когда развевается флаг.

Лакра прокричал мне что-то, и я повернулся к группе.

Теперь начинался подъём по гребню. Отсюда, где мы стояли, он выглядел невероятно сложным, этакий хвост дракона с подъемами, провалами, крутыми скальными ступенями. Две из них, первая и вторая ступени, считались наиболее трудными препятствиями на маршруте с севера, но более всего меня беспокоила общая протяжённость гребня.

Ранее в Лондоне я встречался с Грегом Джонсом, одним из четырех британских альпинистов, взошедших на вершину с севера. Мы сидели в кафе в Сохо и пили капучино, когда Грег скрипнул суставами пальцев и закатал рукава, обнажив при этом попаевские (Попай — герой одноименного сериала и компьютерной игры) мускулы и вены, толщиной с альпинистскую верёвку.

— Да, первая и вторая ступени — это проблема, — говорил он мне, — но вы должны подумать о протяженности гребня. Когда пройдете гребень, вы поймете, что может понадобиться ещё двенадцать часов, чтобы после восхождения вернуться в лагерь 6.

Двенадцать часов. Это чертовски долго.

Отсюда, где я стоял, слова Грега казались чистой правдой. Уже прошло чертовски много премии, а мы преодолели только незначительную часть пути. Лакра приблизился ко мне и прокричал, маска приглушала его голос.

— Мы пойдём быстро. Идите очень быстро. Хорошо?

Он указал на запястье, давая понять, что время уходит. Мы находились выше всех живущих существ на планете (8600 м), и наши силы таяли с каждым часом. В «зоне смерти» надо двигаться быстро, чтобы выжить.

Теперь, при свете дня, мы растянулись вдоль обтрепанных перил, змеящихся вдоль гребня — наследство предыдущих восходителей. После прошедших ночных часов я чувствовал, как во мне загораются искры оптимизма. Я ощущал в себе прилив сил.

Через тридцать минут мы обогнули небольшую скалу и обнаружили первого погибшего индийского альпиниста. Мы знали, что здесь на гребне должны быть тела трех индийцев, погибших несколько дней назад, но совершенно забыли о них

Первый из них лежал под нависающей скалой, окруженный почти правильным кольцом из надутого ветром снега.

Ал прокричал сквозь маску: «Наверное, один из индийцев».

Нам пришлось перешагнуть через его вытянутые ноги, чтобы продолжить путь.

Шерпы стояли, прижавшись друг к другу, остолбенев при виде трупа. Они как в молитве склонили свои головы, и только потом до меня дошло, что они действительно молились.

Я чувствовал почти непреодолимое желание взглянуть в лицо мертвого альпиниста. Какое выражение застыло на его лице в последние минуты жизни? Ужас? Улыбка? (Говорят, что у умирающего от тяжелой горной болезни иллюзия полного благополучия.)

Но его голова была далеко под карнизом, шея повернута так, что лицо смотрело в скалу. Всё, что я мог разглядеть, был край кислородной маски. От маски отходила драгоценная, дарующая жизнь трубка, идущая к кислородному баллону, слоящему прямо у скалы. Это был оранжевый российский баллон, такой же, как и наш.

Я наклонился, опираясь на ледоруб, чтобы поближе рассмотреть прибор в верхней части баллона. Конечно, он показывал нуль. Даже если он умер раньше, чем баллон опустел, кислород продолжал бы вытекать слабой струн кой в атмосферу, пока не вытек бы весь.

Он был одет очень легко: тонкая флисовая куртка,

альпинистские брюки из гортекса и пара желтых пластиковых ботинок. Его рюкзак лежал рядом, он был плоским и пустым. Куда подевалось его высотное снаряжение? Пуховка? Верхние рукавицы из гортекса? Мы знали, что индийская команда хорошо оснащена. Оставалось только два объяснения случившемуся, или он изорвал их в предсмертной агонии, или кто-то снял их с трупа.

Трагедия индийцев была главным эпизодом моего фильма. Соблазненные «пением сирен» Эвереста, они превысили предел своей выносливости и не смогли сохранить достаточно сил для спуска в штормовых условиях. Вершинная лихорадка погубила их.

Хотя у нас была с собой видеокамера, я не мог заставить себя снимать мертвого человека, лежащего у наших ног.

Я знал, что ITN и четвертый канал хотели бы получить такую наглядную иллюстрацию Эвереста-убийцы, но не смог этого сделать. Этот индийский альпинист останется здесь замороженный навечно, и показать, его семье, друзьям реальность этой воображаемой могилы, было бы бесчеловечно.

Когда мы перешагнули через ноги погибшего, чтобы продолжить свой путь по гребню, мы пересекли невидимую линию на снегу и в нашем собственном сознании. Высота — невидимый убийца. Человеческая жизнь не зависит от её обладателя в «зоне смерти», и, переступив через труп, мы приняли осознанное решение двигаться дальше. Мертвое тело напоминало нам, что отныне мы вверяем свою жизнь нашему снаряжению, нашей силе и нашей удаче.

У меня было непреодолимое чувство, что индиец находился в полной гармонии с этим местом, и мы, живые, были здесь оккупантами. Всё, что выше 8000 метров принадлежит смерти, потому что выше человеческая жизнь не может существовать. Одетый как космонавт в огромный высотный комбинезон, дыша сквозь механическое шипение кислородной системы, я впервые почувствовал себя пришельцем на своей собственной планете.

Наш подъём по гребню продолжался.

К 7-00 мы подошли к первой ступени. Она была выше, около двадцати метров, и сложнее, чем я себе представлял. Затененная большой скалой второй ступени, она производила впечатление незначительного препятствия, но глядя на неё снизу сквозь лыжные очки, покрывающиеся морозной пленкой, эта ступень выглядела обескураживающее.

Сиять кошки, чтобы приспособиться к изменившимся условиям, не представлялось возможным, так как это привело бы к обморожению пальцев (было около -37 °C) и отняло бы много времени. Три шерпа ушли вперед, и я последовал за ними. Примерно через три метра маршрут перешел в заполненную

льдом трещину, расположенную в левой части скалы. Затем мы шли траверсом но скальной полке, и далее предстояло вскарабкаться между двумя округлыми глыбами. Я поставил передний зуб кошки в крошечную трещину и медленно выжался на нём всем весом, полагаясь на незначительную зацепку.

Затем остановившись на минутку, чтобы восстановить дыхание после тяжелой работы, я столкнулся с проблемой.

Лазание требовало тонкого балансирования, что я легко мог бы сделать на равнине. Здесь же, на высоте, в одеждах, сковывающих движение, и вдобавок ощущая пропасть под ногами, где наказанием за ошибку был бы полет на 2500 метров вниз по северному склону, задача становилась эпохальной.

Я прощёлкнул жумар повыше к лучшей, на мой взгляд, из верёвок, обманчиво свисающих вокруг. Это давало чувство защиты при падении, но скорее чисто психологически, нежели реально. В действительности, при падении неудачливый альпинист повис бы, беспомощно качаясь в воздухе, под нависающим карнизом. Если, конечно, верёвка выдержала бы.

Я перекинул ногу через гладкий край гребня и поставил её на зацепку, к счастью, оказавшуюся на той стороне. Я должен был почувствовать её надежность на ощупь, так как нога была вне поля моего зрения.

Моя левая рука инстинктивно поползла вверх, ища зацепку. Опробовав зацепку, я пустил камень размером с пачку сигарет вниз по северному склону.

Немногие люди могут представить, что Эверест — это разрушенная гора. Он выглядит так, как будто сделан из гранита, но в действительности на любой высоте, состоит из рыхлого известняка — худшей породы для лазания. Ухватившись за выступ над головой, я перенес вес моего тела на невидимую опору и перевалился на другую сторону

Лакра уже поджидал здесь. Он поднял большой палец вверх, я ответил тем же. Очередное препятствие преодолено. Мы на шаг ближе к вершине.

11

Ветер определенно усиливался, а мы прошли только половину гребня. Надо было поторапливаться. Поток из ледяных кристаллов со стены Канчунг вздымался все сильнее, и этот факт нельзя было игнорировать. Когда мы останавливались, чтобы восстановить дыхание, я смотрел на север — направление, откуда приходят бури. Множество облаков неслось в нашу сторону, но они не выглядели угрожающими.

Я был так увлечен восхождением, что совсем забыл о своей камере. Крошечный «Олимпус» был снаряжен новейшими литиевыми батарейками и полной кассетой пленки. Скосив глаз в видоискатель, я отснял пару пейзажей впереди и одни раз Ала.

В некоторых местах маршрут выводил нас прямо на острый как нож гребень. Тогда мы стремились идти по льду, чтобы укрыться от порывов ветра. Раньше я не мог представить себе, как ветер может сдуть альпинистов с гребня. Теперь мне это хорошо известно. Один из теоретически возможных вариантов гибели Мэллори и Ирвина, что они были сброшены ветром с гребня на стену Канчунг, возможно, их тела или призраки были где-то поблизости,

От вида одного участка, длиной всего несколько метров, просто волосы встали дыбом. Он представлял собой нависающую глыбу раскрошенного льда, пересеченную трещиной. Шерпы, более легкие и проворные, чем мы, легко проскочили его. У меня же при каждом шаге сердце уходило в пятки в ожидании, что глыба вот-вот сорвется, оставив меня болтаться на стене Канчунг.

Но лёд выдержал.

К 8-30 мы подошли ко второй ступени. Ступень тоже была скальная, но круче и более чем вдвое выше первой. Путей обхода не было, надо было брать её в лоб.

В 1980[1] году китайская экспедиция закрепила на наиболее трудном участке скалы легкую альпинистскую лестницу. Она была повреждена недавней бурей, и индийские альпинисты и их шерпы закрепили на её месте другую лестницу. Я был уверен в необходимости лестницы. Кто-то может лезть и по лестнице, не так ли? В моем понимании она уменьшала неприступность второй ступени.

Фактически, лестница, о которой я думал, как о доброй помощнице, сама была проблемной.

У подножья второй ступени случилось два неожиданных события. Мои литровые бутылки с соком, приготовленные с большим трудом из натопленного снега в лагере 6, замерзли

полностью, даже бутылка, которую я держал у тела, под пуховкой, стала куском льда. Тогда я не придал этому значения. Позднее я вполне осознал серьёзность этого происшествия.

Ал тоже проверил свои бутылки. Результат был тем же. Теперь ни у кого из нас весь день не будет ни единой капли жидкости. В таком случае более опытные высотники могли бы повернуть назад.

Другой неожиданностью была просьба Ала, который наклонился ко мне и сказал:

— Открой мой рюкзак и установи кислород на четыре литра в минуту. Он повернулся ко мне спиной. Я снял рукавицы, расстегнул застежки рюкзака и добрался до регулятора. Это была трудная кропотливая работа в недрах рюкзака. Я перещёлкнул регулятор до цифры четыре и закрыл рюкзак.

Теперь Ал стал получать вдвое больше кислорода. Я понимал его желание увеличить подачу кислорода перед схваткой со второй ступенью, но даже в этом случае его просьба удивила меня. Мы оба знали об опасности подачи слишком большого количества кислорода. Чем на большее потребление кислорода настраивается ваш организм, тем хуже ему придется, когда он закончится.

— Всё. Поставил на четыре, — прокричал я ему. Мимоходом я подумал, что по движению Ала чувствуется, что он испытывает нечто большее, чем просто усталость. Возможно, ему значительно тяжелее, чем он делает вид?

Признаком нашей растущей дезориентации было уже то, что никто из нас не подумал сбросить с себя по два литра замерзшей жидкости. Теперь мы лезли с двумя лишними килограммами на спине самый трудный скальный участок на северном маршруте.

Первые шесть метров оказались довольно простыми. Я протиснулся через тесный обледенелый камин, который выводил наскальный выступ со снежным наддувом. Для облегчения подъёма я использовал жумар, продвигая его по верёвке на всю длину руки, затем поднимался вверх до места его крепления к верёвке. Кто-то провесил новую 9-ти миллиметровую верёвку в этой нижней части, и это значительно облегчало подъём.

Альпинистские кошки скребли по скалам, как когти настоящей кошки, которая старалась забраться на дерево. Затем нужно было сделать большой шаг вверх. Я уперся ногой в волнистую поверхность выступающей скалы справа, и, кляня кошки, постарался перейти на выступ, ведущий к лестнице.

Я остановился, чтобы восстановить дыхание. Удары сердца посылали приливы крови к голове, пульс никогда прежде не был таким частым, как сейчас. Дыхание было диким и фактически

неподконтрольным. В какой-то момент я панически подумал, что кончился кислород. Затем понял, что слышу шипение газа, и приказал себе успокоиться.

Я стоял примерно на том месте, где Мэллори и Ирвина последний раз видели живыми, наблюдая за ними в телескоп с Северного седла. Их восхождение 1924 года, возможно, было самым тяжелым и самым замечательным в довоенной истории штурма Эвереста.

Для них не было лестницы на второй ступени. Если они пытались её пройти, то возможно один из них сорвался, утащив за собой партнера. Раньше меня всегда охватывал ужас, когда я представлял такой финал. Теперь меня не преследовало воображение смертельного срыва с этого самого опасного места на всем маршруте.

Мой друг — лестница был следующим препятствием. Раньше я представлял, что она прочная, но, положив на неё руку, я почувствовал, что она болтается но стене, на которой закреплена.

Я полез вверх. Первая проблема была связана с кошками. Металлические зубья цеплялись за ступеньки или скребли по скалам, мешая мне правильно поставить ногу на лестницу. Зашоренный своими очками, позволяющими смотреть только вперед, я не мог посмотреть вниз и контролировать правильность постановки ног, которые приходилось ставить на ощупь.

Мое дыхание снова участилось, увеличилось количество влаги, выходящей через зазор в маске, которая замерзала внутри очков. На половине пути по лестнице я был почти ослеплен из-за этого и сдвинул очки на лоб, чтобы что-то видеть. Нас предупреждали об опасности снежной слепоты, но я чувствовал, что могу рискнуть в эти критические минуты.

Лестница качалась как пьяный и клонилась влево, держась за непонятно какие крюки и верёвки. Требовались большие физические усилия, чтобы цепляться за неё.

Мои рукавицы из гортекса были беспомощны и неуклюжи в этой ситуации. Я с трудом мог сжать их, чтобы уцепиться за ступеньки. Начав лезть в рукавицах, я затем снял их, что почти наверняка должно было привести к обморожению пальцев от контакта с металлом на морозе.

Лестница оказалась не очень дружественной. Но надо было её пройти, а заодно и вторую ступень, как можно быстрее.

Дойдя до последней ступеньки, я оцепил дальнейший маршрут. Он оказался нелёгким. Оставалось перенести тело на выступ, который и означал конец второй ступени. Для этого я должен был прицепиться к одной из прогнивших верёвок, привязанных к петле, закрепленной за сомнительное основание.

Затем, за неимением опоры для ног, мне надо было забить в склон почти все зубья кошек, и плавным движением, как шимпанзе, уйти направо.

Внизу, в базовом лагере, я собирался отснять Брайана, когда он будет проходить это место. Теперь, шесть недель спустя, это казалось неуместной шуткой. Во-первых, у Брайана не было никаких шансов здесь оказаться, во-вторых, мысль о съёмке в этом гиблом месте была бы последней, которая могла бы прийти мне в голову. Это был чистейший эксперимент на выживание.

Стараясь сдвинуться, я понял, что наступает критический момент, когда моё тело будет уже не на лестнице, но ещё и не на выступе. Чтобы завершить прохождение второй ступени, мне придется, хотя и доли секунды, висеть над северным склоном на руках.

Я попробовал — не получилось. Держась за лестницу, я спустился на несколько ступеней, чтобы немного отдохнуть и восстановить дыхание. Без достаточного снабжения кислородом мои мышцы уставали очень быстро. Инстинктивно я почувствовал, что ещё одна, возможно, две попытки ослабят меня настолько, что я должен буду отступить.

Прошло несколько минут, прежде чем моё рвущееся из груди дыхание восстановилось до приемлемой нормы. Я попытался снова и на это раз успешно. Затащив себя на выступ и пройдя несколько метров по скалам, я оказался наверху.

С этой новой точки на гребне вершинная пирамида впервые была видна полностью. Мы вчетвером подождали, пока Ал пройдет вторую ступень, и двинулись дальше.

Весь следующий час был хорошим для нас, мы постепенно проходили смешанные участки, состоящие из снега и скал. Я останавливался несколько раз, чтобы пофотографировать, но на пятом или шестом снимке аппарат повёл себя несколько странно, забарахлили перемотка и автоматическая шторка. На седьмом снимке «Олимпус» встал полностью. Теперь я остался только с SLR-камерой, так как мой Nikon F3 умер от холода ещё в четвертом лагере.

Проклиная своё невезение, я расстегнул комбинезон и засунул аппарат под флиску в надежде, что тепло моего тема вернет его к жизни. Затем я вы тащил восьмидолларовую пластиковую «Фан камеру», которую я купил в Катманду, и понял, что эта игрушка теперь моё единственное средство добычи кадров. На обёртке красовалась бронзовая женщина в бикини с пляжным мячом. Чувствуя себя в высшей степени нелепо, я уставился в видоискатель (по сути просто дырку в пластике) и сделал первый из двенадцати допустимых снимков.

Поломка камеры вернула старый ночной кошмар: разве может видеокамера работать на ветру при -40 °C. Пару раз я оборачивался на гребень, откуда мы пришли. Ал в ярко красной ветровке плелся вдалеке. В моем изголодавшемся по кислороду мозгу все ещё что-то срабатывало. Ал не просил меня переключить регулятор обратно на два литра в минуту.

Он все ещё шёл на четырех литрах в минуту и отставал всё дальше и дальше. Дважды мы ждали, пока Ал догонит нас, и затем подошли к третьей ступени, где и остановились на отдых.

Третья ступень не так трудна, как первые две, но она расположена выше. За ней идет крутой лавиноопасный ледовый склон вершинной пирамиды, скальный траверс и затем предвершинный гребень.

Осторожно вбив пятки в лёд, чтобы не поскользнуться, я снял рюкзак. Испытывая жажду, я вытащил из-под комбинезона бутылку с водой в надежде, что она чудесным образом оттает. Естественно, она была тверда как камень, что ещё может произойти с водой при такой температуре?

Осознав, в конце концов, довольно поздно, что глупо нести две бутылки со льдом, я положил их у подножья третьей ступени, рядом с брошенными кислородными баллонами. Всё-таки, на два килограмма меньше нести.

Ал отдыхал в расширении на гребне. Я вытащил камеру и отснял его, лежащим на спине. Недалеко находился труп второго погибшего индийского альпиниста, — ни боль, ни горе не отражались в его замерзших чертах. Я испытал шок, когда мы переступали через погибшего альпиниста. Теперь присутствие здесь трупа не вызвало у меня чувства удивления — верный индикатор того, что моя голова была занята другими мыслями. Вскоре Ал присоединился к нам, и теперь мы обсуждали последнюю стадию восхождения. Лакра все больше беспокоился о погоде. Ветер усилился, и снег, летящий с гребня, закрыл всю видимость на юге. Зловещий вой сильного ветра стал заполнять все пространство.

Вслед за шерпами я поднялся на третью ступень, и мы подошли к крутому льду предвершинной пирамиды. Если теперь все пойдет хорошо, возможно, через два часа мы будем на вершине.

Когда мы прошли одну верёвку, Лакра потянул меня за руку и, перекрикивая ветер, спросил:

— А где Алан? Его не видно.

Я оглянулся и увидел, что Лакра прав. Ал ещё не появился на вершине третьей ступени.

Каждая минута ожидания ставила наше восхождение под

угрозу. Погода все больше и больше портилась. Шерпы смотрели на меня, ожидая решения. Оставить ли нам Ала там, где он есть, и надеяться, что кислорода ему хватит? Или вернуться назад и посмотреть, что с ним.

Все возможные сценарии развития событий промелькнули в моей голове, как в немом кино. Я не допускал, что с Алом может что-то случиться. Я был в смятении.

Минуты три, четыре, которые казались нам вечностью, мы смотрели на обдуваемую ветром глыбу, которой была отмечена вершина третьей ступени. Ветер не на шутку разгулялся на снежном склоне, заставив нас отворачиваться от его порывов.

Мой мозг мучительно старался разобраться в ситуации, и, к счастью, нескольким синапсам в нём удалось соединиться. Я перебрал все варианты и пришел к выводу, что с Аланом — альпинистом такого класса ничего не может случиться. У него есть запасной баллон с кислородом и кончиться он не может, Скорее всего. Ал просто отдыхает или поправляет снаряжение и пойдет за нами в своем темпе.

Остановка грозила обморожением пальцев ног. Когда я шевелил ими в своем пластиковом ботинке, то чувствовал, что они немеют. Мои руки впервые тоже стали замерзать.

Внутри меня созрело решение.

— Пошли, — сказал я Лакре.

Мои слова унёс неожиданный порыв ветра. Чтобы лучше слышать, Лакра приблизился ко мне. Не утруждая себя снова криком, я показал наверх в направлении вершины. Он кивнул и указал на запястье, давая понять, что мы выбились из графика. Я затянул антапку ледоруба и двинулся вслед за шерпами по крутому льду

Тоненький голос внутри меня выражал слабый протест: не вернуться ли и проверить? Может с Алом случилась какая-то беда? Может быть, его кислород замерз или сломалась кошка, или вылетел крюк на третьей ступени?

Я остановился отдышаться и снова посмотрел вниз. Ал до сих пор не появился. Я продолжал лезть вверх.

Затем снова пришла на ум железная логика, уничтожающая тлеющие угли сомнений. Он всегда идет своим темпом. Он взошел на К-2. Возможно, он просто остановился по нужде. Может быть, он хочет зайти на вершину в одиночку.

Прошли ещё три верёвки по ледовому полю. Я снова оглянулся назад. Никого. Я продолжал двигаться к скалам, отмечающим конец треугольника. В этот раз я не оглянулся.

Я пересёк следующую невидимую линию на снегу, совершив одно из тех усилий, которые были выпущены из клетки внутри

меня с самого седла, но теперь находящиеся под полным контролем. Я так страстно хотел взойти на вершину, что повернулся спиной к Алу, что бы с ним не случилось.

В последний час непреодолимое желание взойти на вершину мира стало единственным смыслом моего существования. Оно погасило во мне чувство заботы о товарище, притупило способность сомневаться в своих собственных действиях и превратило меня в робота, запрограммированного шаг за шагом продвигаться к намеченной цели.

Вершинная лихорадка завладела моей душой и телом и теперь открыла во мне приток новых сил. Вдруг я почувствовал, что иду вверх без всяких усилий и вынужден был остановиться только потому, что шерпы впереди меня шли медленнее. Даже в своем дезориентированном состоянии я был удивлён, откуда взялась во мне эта нахлынувшая волна энергии.

Я был уверен, что с этого момента моему организму предстоит работать почти до изнеможения.

Что же на самом деле двигало меня на самую высокую точку мира?

Шерпы устали. Стремительный шаг Лакры замедлился, напоминая разряженную батарейку. В начале снежной пирамиды они отдыхали через пять-шесть шагов. Пройдя четыре верёвки, им уже приходилось останавливаться через один-два шага.

Высота 8750 метров. Осталось набрать всего сто метров по вертикали.

Снежник вздымался аркой даже круче, чем в моем представлении была вершина, но, вместо того, чтобы продолжать подниматься вверх по нему, как я предполагал, Лакра пошёл снова к скалам, расположенным сбоку от последней преграды.

Мое сердце ёкнуло. Еще скалы, опять идти по ним в кошках.

Действительно, когда я детально просматривал маршрут по льду, то увидел, что верхняя часть его, видимо, лавиноопасна. Свежие следы лавины — блоки льда размером с автомобиль были разбросаны неподалеку. Подъём по скалам был безопаснее. Если слово «безопасный» здесь вообще уместно.

В начале подъёма был траверс по узкой полке, образовавшейся в разрушенных скалах. Я пристегнулся к верёвке, которая, казалось, висела здесь десятилетия, и осторожно пошёл вдоль неё, перенося правую ногу как можно дальше, чтобы не зацепиться ею за левую. На середине, примерно через пятьдесят метров, полку преградил выступ, потребовавший тонкого балансирования, чтобы перенести тело с одной его стороны на другую. На этом месте была оставлена верёвка. Ветер измочалил её на одиночные пряди, по толщине и прочности сравнимые с

шерстью для вязания. Маловероятно, что она сможет задержать падение.

Я рассмеялся над тем, как сучил обутыми в кошки ногами, готовясь к движению.

Под нами зияла пропасть. Мы траверсировали склон и теперь находились почти точно под вершиной, гораздо правее великого кулуара. «Живые камни», которые мы неизбежно спускали вниз при движении, теперь не прыгали вниз, как раньше, а моментально исчезали из виду в пропасти. Прижимаясь к скале, как можно сильнее, и скользя по ней лицом, я напряженно, двигаясь по сантиметру, обогнул препятствие и затем остановился, глотая воздух. Только тогда до меня дошло, что весь маневр я выполнил на задержанном дыхании, и волна темноты, желание упасть в обморок пронеслись внутри меня, пока я стремился снабдить кислородом свой организм. Успокоившись, я пошёл дальше по разрушенной полке. Я думал, что иду быстрее шерпов, но они уже повернули за угол и исчезли из вида.

В конце траверса крутизна маршрута резко увеличилась, перейдя в ряд полок, похожих на те, с какими мы сталкивались на некоторых ночных участках. Насколько было возможно, я шёл на руках, с упрямством не доверяя свой вес зубьям кошек.

В одном месте мой карабин запутался в старых верёвках и поймал меня на ходу. Я свалился на выступ и ловил равновесие, пока не освободил карабин и не продолжил движение.

После двадцатиминутного лазания мы оказались на верхних снежниках предвершинной пирамиды, удачно проскочив лавиноопасный участок и набрав около пятидесяти метров высоты.

Пока мы совершали обход, ветер снова усилился. Снежный гребень и горизонт над нами были скрыты за облаками рожденного в воздухе льда. Переменчивый ветер дул непредсказуемыми порывами. Наверху вид был предельно устрашающий, огромные массы частичек льда закручивались, как миниатюрное торнадо, выше которого, я предполагал, была вершина, всего в двадцати метрах крутого льда над нами.

Мы нашли некое подобие укрытия с подветренной стороны нависающей скалы, чтобы перевести дух перед решающим рывком. Так близко к вершине — я с трудом сдерживал себя от нетерпения.

Волна паранойи охватила меня, мы были всего в нескольких минутах от вершины — что, если она ускользнет от нас в последний момент?

Лакра посмотрел на часы и затем обратился к Джайалтсену. Я не слышал его слов, но в уже параноидальном состоянии я

подумал, что они говорят о том, как опасен ветер на вершине, и что надо возвращаться назад.

Затем, я понял, что моя паранойя есть ничто иное, как коварное начало горной болезни, первым признаком которой часто являются нереальные мысли. С того момента, как я вышел из палатки, прошло восемь часов, и все это время у меня во рту не было ни капли воды. Мой организм был опасно обезвожен.

Лакра шёл очень медленно, за ним шли Джайалтсен и Мингма, я замыкал шествие. Здесь не было перил, и я следил за тем, чтобы вбить в лёд как можно больше зубьев кошек. Я вытащил свою пластиковую камеру и сделал вертикальный снимок трех шерпов в момент отдыха.

Я никогда не думал, что вообще бывают ложные вершины. А она была. Взойдя наверх снежника, я был крайне удивлен тем, что увидел впереди. Вместо короткого последнего участка, как я себе представлял, мы стояли у основания финального гребня с огромными выступающими карнизами и настоящей вершиной в конце. Между нами и вершиной простирались надутые ветром и нависающие над стеной Канчунг американские горки льда.

Из-за эффекта перспективы или эффекта кислородного голодания гребень казался огромным, а до вершины километры пути. Ветер дул очень сильно. Флаг развевался, и мы шли сквозь него.

Затем я нашел ключ, который открыл мне истинную протяженность гребня— гирлянду молитвенных флагов, закреплённую на вершине. Я мог отчетливо различить индивидуальные особенности цветного шелка.

Вершина была всего в нескольких сотнях метров от нас.

Я встал позади Лакры, и мы стали преодолевать волны льда. Справа от нас гора обрывалась на 3000 вертикальных метров, открывая неограниченный обзор на сказочный пик Пумори (7165 м) и другие северные стражи Гималаев. Позади них лежит бесплодное коричневое Тибетское плато, где кривизна земли отчетливо видна.

Слева, со стороны Канчунга, ничего не было видно, только белые флаги, срывающиеся с гребня. Ни следов ног, ни отметин от зубьев кошек. Мы выбрали подход справа, где виднелись скалы, и опасность ступить на нависающий карниз была меньше.

Я ещё раз вытащил камеру и снял Лакру, идущего с опущенной головой на фоне гигантского носа вершины перед ним.

Услышав щелчок сработавшей пластиковой камеры, я снова стал беспокоиться: сработает ли видеокамера на вершине? Решить проблему фильма можно было единственным путем —

получить снимки с вершины. У меня и раньше бывало, что в критический момент отказывала камера, и я шептал беззвучную молитву, чтобы все сработало.

Затем я подумал, что без Ала эпизод на вершине вообще потеряет выразительность. После отказа Брайана идти на гору фильм был переориентирован на Ала и на шарф Далай Ламы, который он обещал занести на вершину.

Я ещё раз обернулся в надежде увидеть Ала, но безрезультатно. Тогда я решил все делать последовательно, сначала взойти на вершину, а потом думать о фильме.

Странно, но казалось, что ветер стихает по мере нашего приближения к вершине, хотя флаг развевался, как обычно. В начале гребня мы были изрядно побиты порывами ветра, достаточными, чтобы заставить буквально распластаться на нём, чтобы не быть сдутыми. Теперь, когда мы делали последние шаги на вершину, ветер магическим образом прекратился.

Я взялся рукой за шест и тащил себя на вершину мира. К моему удивлению, у меня текли слезы, я плакал впервые после детства.

Я оглянулся — Мингма и Джайалтсен поднимались за мной, но по-прежнему, не было видно Ала. Мы были вчетвером на вершине, и здесь места больше не было. Сформированная преобладающим западным ветром, вершина имеет размер, примерно, с бильярдный стол, и уходит крутыми склонами на север и юг, выступая карнизом на восток.

Лакра снял верхние рукавицы и в шутку покачал моей рукой вверх и вниз. Мы все пожали друг другу руки и прокричали невнятные поздравления.

Мое воображение поднялось на недосягаемую высоту. Даже, несмотря на то, что нас окружали другие восьмитысячники, такие как Лхоцзе, Нупцзе[2], Эверест был вне конкуренции, он полностью доминировал над всем.

Но всё же, вид был неполным, на востоке горизонт на треть был закрыт вздымающимся облаком из ледяных кристаллов, формирующих флаг. Вблизи флаг обладал гипнотическим свойством. Наблюдая за облаком ледяных кристаллов, я скоро понял, почему на вершине так тихо. Ветер ударяется о северную сторону, затем завихряется подобно гигантскому ротору над нашими головами, прежде чем снова обрушивается на стену Канчунг.

Я поставил одну ногу на южный склон, а вторую на северный, уселся верхом на вершинный гребень и воткнул свой ледоруб как можно глубже в снег. Фактически я сидел точно на границе, отделяющей Китай от Непала.

Передо мной был вершинный сделанный из сплава шест, украшенный разноцветными молитвенными флагами и шарфами. Я наклонился к нему, где были какие-то забавные, гоже из сплава, панели, возможно, это были отражатели от прошлой высотной топографической съемки, и два оранжевых пустых кислородных баллона.

Зная, что запас кислорода тает с каждой минутой, я извлёк видеокамеру у Мингмы и достал из своего рюкзака литиевую батарейку. Мне пришлось снять рукавицы, чтобы подключить её. Затем, затаив дыхание, я щелкнул выключателем. Подняв очки на лоб, я посмотрел в маленький, размером с почтовую марку, видоискатель, и там, как это и должно было быть, была картина, которую я с нетерпением желал увидеть.

Камера работала превосходно. Я нажал на запись и увидел, как замигала красная лампочка REC. Эврика! Съёмка на Вершине Мира!

Все ещё сидя, я начал с двух широких панорам, охватывающих вид от покрытого облаками массива Лхоцзе до трех шерпов. Затем я приблизил и дал крупным планом Лакру, который связывался с базовым лагерем по рации.

Когда Лакра закончил разговор, он передал рацию мне. Я отложил камеру, чтобы взять уоки-токи, и услышал восторженный крик Джайалтсена. Посмотрев по направлению его вытянутой руки, я увидел Ала, идущего к нам по предвершинному гребню.

Я обменялся несколькими словами с Барни и тут услышал восторженный голос Брайана, идущий из рации.

— Мэтт? Мы тут все изволновались внизу. Не забудь сказать несколько слов для Далай Ламы.

Внезапная мысль осенила меня.

— Уверен. Кис все снимает с вашей стороны.

— Кис как раз сейчас делает это.

— Отлично.

Я вернул уокн-токи Лакре и снова взял камеру. Это было здорово. Я смогу отснять, как Ал появляется на вершине и затем его разговоре Брайаном. На другом конце, в базовом лагере Кис снимет другую половину разговора, и мы сможем смонтировать уникальный репортаж с вершины.

Держа камеру, как можно устойчивее, я направил её на Ала, который медленно тащился к нам. Как и мы, через каждые несколько шагов он останавливался, чтобы отдышаться. Было видно, что ему пришлось нелегко. Мое сердце рвалось из груди и не только от недостатка кислорода, эти несколько мгновений съемки были восхитительными, самыми волнующими в моей

жизни. Я сидел на вершине Эвереста и снимал фильм о том, как одни из лучших альпинистов мира преодолевает последний снежник на пути к этому священному месту.

Здесь не было наигрыша, это был кадр, делающий фильм об Эвересте, мой фильм об Эвересте, особенным, в котором зритель становился участником событий.

Осознав это, я не ограничился общим планом, я приблизил ноги Ала, бьющие ступени на склоне, и несколько секунд держал на них камеру. Затем я зафиксировал его и приблизил лицо, на котором чётко были видны сосульки на кислородной маске.

Когда Ал преодолевал последние несколько метров, я снова дал общий план и заснял, как шерпы поздравляли его.

— Молодец, Ал. Мы сделали это! Всё-таки сделали. Мы на вершине мира.

Ал остановился и глубоко вздохнул. Его плечи были опущены, он казался предельно изможденным, но речь его была связной. Лакра вручил ему рацию.

— Брайан, вы меня слышите? Я на вершине. Я на вершине и шарф Далай Ламы со мной.

— Это ты, парень из Йоркшира? Как ты это сделал? — Рокочущий голос Брайана несся по радиоволнам.

— Я в базовом лагере. Ты видишь меня? Я машу тебе.

Ал повернулся и посмотрел вниз на ледник Ронгбук. Расстояние было столь огромно, что мы не могли различить даже монастырь, не говоря о крошечных палатках, до которых было добрых шестнадцать километров.

— Не совсем. Но я могу представить.

— Мы все очень гордимся. Вы оба настоящие герои, и шерпы тоже. Возвращайтесь целыми и невредимыми и не забудьте помолиться о мире во всем мире за Далай Ламу! Не забудь. «О мане падме хум».

Ал вернул рацию Лакре и размотал шарф на шее. Когда шерпы поняли, что он собирается делать, раздались приглушенные возгласы восхищения. Ал определил середину белого шелка и привязал шарф к вершинному шесту, оставив концы свободно развевающимися на ветру.

Он прочел короткую молитву о мире, как просил его Брайан.

Я долго удерживал шарф в объективе, затем передал камеру Алу, чтобы он отснял наш короткий разговор с Брайаном по рации. Я поблагодарил его за тот импульс, которым он запустил экспедицию, и фильм. По крайней мере, это идея Брайана собрала нас здесь, и я не хотел, чтобы он думал, что мы забыли об этом.

Осталось сделать кадр крупным планом, в котором мы все на

вершине. Ал взял камеру, отступил метров на десять вниз по гребню и сфокусировал её там. Когда камера пошла, мы, радуясь, замахали в воздухе ледорубами. Все. Работа сделана.

— Пора валить отсюда.

Мы провели на вершине почти пятьдесят минут, больше чем кто-либо из нас предполагал. Кислорода оставалось мало.

Мы поспешно сделали фото, меня сняли с пластиковой камерой, которая до сих пор успешно работала. Казалось, что температура решительно падает, возможно, это ощущение возникло из-за долгого пребывания без движения на вершине. Мои руки и ноги замерзли и начинали неметь. Пора было идти.

Вдруг я вспомнил о рождественском пудинге, который с любовью приготовила моя мама, и который я сохранил для этого драгоценного случая. Мне понадобилось немного времени, чтобы найти его на дне рюкзака. Фольга немного порвалась в пути, по, тем не менее, пудинг хорошо сохранился. Я удалил верхнюю часть обертки и взял большой кусок.

Он был замерзшим и потому твердым как гранит. Раздосадованный тем, что я занес на высочайшую гору лишних бесполезных полкилограмма веса, я чуть не сбросил пудинг вниз со стены Канчунг.

Но как я объясню это своей маме?

Рискуя серьёзно повредить зубы, я пытался символически отгрызть изюминку, затем спрятал пудинг до лучших времен обратно в рюкзак. Бросив последний долгий взгляд на Непал, мы начали спуск в лагерь 6.

***

Для меня спуск стал самой изматывающей нервы частью этого кошмара. Проведя последние пятнадцать часов в холоде и без отдыха (и совсем без сна последние тринадцать часов), я боролся с предельным утомлением. Необходимость лезть выматывала последние силы больше всего. Мы целых четырнадцать часов, весь день восхождения, были без воды, и это означало, что Ал и я были на грани тяжелой горной болезни, угрожающей воспалением легких и отеком мозга. Кроме того, для меня теперь становилось неизбежным обморожение.

Спускаться всегда опаснее, чем идти вверх. На спуске не видно, куда наступать, что делает вероятность срыва намного больше, чем при подъёме. Проклятые кошки лязгали по живым

замерзшим скальным плитам, я несколько раз был близок к срыву в пропасть глубиной 3000 метров.

Шли часы, мы преодолели третью и вторую ступени, прошли мимо тел индийских альпинистов и затем спустились по верёвке с первой ступени. Траверс осыпных полок казался бесконечным. Если на подъёме гора казалась чертовски большой, то на спуске просто невероятно огромной. Готовясь к спуску на «восьмёрке» на одном из вертикальных участков, я сосредоточился на технической части и умудрился потерять равновесие. Меня качнуло «маятником», я сильно ударился коленом о скалу, и думаю, что пару секунд был без сознания.

Трое шерпов наблюдали снизу, не в силах помочь, как я неуклюже болтался на верёвке, ругаясь от боли. Мое падение задержал ледовый крюк, закрученный над скалой. Я не знаю, кто его закрутил, но, тем не менее, он сослужил добрую службу. Через несколько минут, я вышел из затруднительного положения и смог продолжить спуск.

Мы останавливались на отдых все чаще и чаще. Каждый раз, когда я садился, мои глаза слипались, и сознание погружалось в манящую темноту сна. Затем следовала красная тревожная вспышка, и я заставлял себя вставать и идти дальше. Все чаще мой мозг забирался в самые отдаленные уголки воображения, и я не помню, как Ал обогнал меня на гребне и ушел вперед.

Шерпы шли быстрее нас, и пришли в лагерь 6, по крайней мере, на час раньше. Последняя часть чертовых желобов «жёлтого пояса» измотала мои последние силы, и, думаю, только сила гравитации влекла меня вниз. Ал оставался со мной на всем пути, поджидая меня в конце каждой верёвки.

Последние сто метров до лагеря 6 отняли у меня примерно час. Где-то на спуске мой кислородный баллон опустел, но я слишком устал, чтобы заметить это.

Когда мы пришли в лагерь, тревожные сигналы моего сознания взывали к вниманию. Пульсирующее биение в черепе посылало сигналы опасности, говорящие о том, что если я не попью, то вероятно потеряю сознание или впаду в кому. Проблема была в том, что моё тело было абсолютно разбито, и я был не в состоянии включить горелку.

Только что из лагеря 5 подошел Саймон. У него с собой не было питья, и он выглядел предельно уставшим. Он вяло пожал Алу руку и затем осел на землю. Я спросил его, не смогут ли шерпы приготовить чай, но он этого не знал. Ал покричал в сторону палатки шерпов, но ответа не последовало. Кое-как я снял свой рюкзак и заполз в убогие внутренности палатки. Ал был рядом.

— Помогите мне, Ал, я теряю сознание. Растопите эту чертову печку, или у меня возникнут серьёзные проблемы.

Ал, сам чуть живой, начал этот утомительный процесс. Я чувствовал, как на меня накатываются всепоглощающие волны черноты, но изо всех сил боролся с ними, чтобы не терять сознания. Затем послышались шаги. Это был Сандип, он тоже пришел из 5-го, и выглядел как выжатый лимон, в точности как Саймон. Он слегка покачивался, опираясь на свой ледоруб.

— У вас есть сок? — спросил я у него.

Он стащил кислородную маску и что-то пробормотал. Я увидел раздутую бутылку из-под воды, привязанную к ремню. У меня хватило сил произнести ещё одну фразу.

— Мне надо попить, Сандип. Я не выпью всю, но мне надо немного, иначе мне конец.

Это то, что я пытался сказать, но получился набор невнятной тарабарщины. Однако Сандип понял и протянул мне бутылку. Я выпил одну треть содержимого и передал бутылку Алу, который тоже попил.

Через полчаса мы пили первую чашку тепловатой воды из растопленного снега. Вот тогда я, наконец, поверил, что выжил.

12

Саймон, Сандип и два шерпа вышли на штурм вершины следующей ночью, в 2-30. Шум их сборов разбудил меня, но у меня не было сил высунуться из палатки и пожелать им удачи. Они поднялись по скалам «жёлтого пояса» медленнее, чем мы накануне, и вышли на гребень через час после восхода. Там на усиливающемся ветру они нехотя признали своё поражение. Всем стало очевидно, что на вершину им не взойти.

Роджер и Тор тоже не осуществили свою мечту взойти на Эверест. Роджер повернул обратно немного выше лагеря 5, и хотя он чувствовал, что может дойти до лагеря 6, был абсолютно уверен, что не сможет подняться выше. Тор, который пережил не лучший свой день, поднимаясь на седло 17 мая, на следующий день повернул вниз с полпути на северный гребень.

Мы с Алом вышли из лагеря 6 ранним утром 20 мая и через десять часов спустились в передовой базовый лагерь. Когда мы проходили мимо палатки Рейнхарда, я поймал себя на мысли, что совершенно забыл об австрийце, который теперь лежал мертвым внутри. Я поспешил мимо, если поспешил подходящее слово, чтобы описать моё ковыляние, преодолевая огромное искушение заглянуть в палатку.

На следующий день по радиосвязи обезумевшая от горя жена Рейнхарда просила Саймона и Сандипа похоронить её мужа получше, насколько это возможно. Изможденные после своего неудачного штурма, они не смогли выкопать ни малейшего углубления в твердом как железо мерзлом грунте. Самое лучшее, что смогли они сделать с помощью Анг Чалдима, завернуть тело Рейнхарда в палатку, как в саван, и установить сверху несколько камней и пустых кислородных баллонов. На похороны ушло несколько часов. Саймон сделал простой крест из пары стоек от палатки, которые валялись поблизости и три альпиниста встали на ветру с опущенными головами вокруг могилы.

Саймон произнес краткую молитву за Рейнхарда, чем вызвал у всех слёзы. Затем с руками и ногами, уже прихваченными морозом, они начали спуск к седлу, до которого добрались к вечеру 21 мая. На следующий день они благополучно спустились в передовой базовый лагерь. Саймон остался в ПБЛ присмотреть за уборкой территории, в то время как остальные спустились в базовый лагерь и приступили к сборам. К 24 мая шерпы собрали все палатки и мусор из лагерей 4 и 5, и караван яков понес снаряжение вниз к леднику Ронгбук.

Через три дня мы пересели в караван джинов, следующих в

Непал, и поехали вниз по пыльной дороге мимо Ронгбукского монастыря, каждый погруженный в свои собственные думы. На перевале Панг Ла машины остановились, и мы вышли из них, чтобы в последний раз взглянуть на Эверест. Флаг развевался точно так же, как и тогда, когда мы смотрели с этого же места на пути в базовый лагерь. Стоя в стороне, я поймал себя на том, что подбираю слова, которые хотел бы сказать горе, которую, я был совершенно уверен в этом, никогда больше не увижу.

В конце концов, я прошептал: «Спасибо» и это было все, что пришло мне в голову, прежде чем мы сели в «Тойоты» и покатили по холмистому Тибетскому нагорью.

***

Катманду шокировал после месяцев, проведенных в Тибете. Беспорядочное движение машин и людей на узких улочках Тамеля казалось до невозможности разноцветным и бурлящим по сравнению с одноцветной грубой горной природой, которая была для нас домом.

Страстно желая жирного и протеина, я немедленно начал восстанавливать одиннадцать потерянных килограмм. Я съел несколько жареных завтраков, блинов со сметаной, шоколадных пирожных, банановых печений, фруктов, мороженого и огромный стейк с жареной картошкой. Этой ночью я страдал от обжорства, Кису было ещё хуже, обжорство уложило его в кровать на три дня с гастритом, что было весьма некстати, учитывая его свадьбу, которая должна была состояться через неделю.

Впервые мы увидели, как много пресса уделяет внимания трагедии на Эвересте. Находясь в изоляции, мы не видели ни газет, ни журналов, освещающих событие. В книжных магазинах Катманду мы узнали, какой силы был шторм, и какую беду он наделал. Передовицы «Times» и «Newsweek» были посвящены трагедии, кроме того, друзья и родственники присылали нам по факсу другие статьи из Великобритании.

Репортажи сильно отличались качеством расследования, которые в них проводились, а также освещением отдельных аспектов событий, происходящих как с северной стороны, так и с южной. Кроме того, они не всегда совпадали с нашим собственным мнением или с тем, что мы видели на горе.

Трагедия индийских альпинистов и нежелание японской команды попытаться их снасти — один из примеров.

Хорошо известна версия, по которой самое нижнее тело индийского альпиниста было найдено всего в ста метрах над верхним лагерем. Эта информация также была использована Ричардом Купером в статье «Альпинисты оставлены умирать», опубликованной в «Financial Times», которая на следующий день после урагана передавалась от альпиниста к альпинисту в верхнем лагере на северной стороне. Сам факт использования Купером этой информации не бросает тень на него, по большому счету, он писал из хороших побуждений, используя сведения, которые ему удалось получить.

Упомянутые «100 метров» делают поступок японцев ещё более бессердечным. Если индийский альпинист находился в 100 метрах от спасения, тогда отказ японцев от попытки спасти его 11 мая совершенно неоправдан.

Видя своими глазами место, где находился труп нижнего индийца, могу утверждать, что цифра 100 метров не соответствуют действительности. Ал, шерпы и я обнаружили альпиниста на гребне, по крайней мере, на 300 вертикальных метров выше лагеря 6, и, возможно, в 500 метрах реального хода. От лагеря 6 до места, где находилось тело индийца, мы шли четыре с половиной часа.

Но даже эти цифры не раскрывают реальную картину. Чтобы спустить человека, наполовину лишенного сознания, в лагерь 6, спасателям пришлось бы преодолеть «желтый пояс» — массивный слой разрушенных скал, который мы проходили ночью.

Рельеф исключительно крутой, с отдельными маленькими скалами, которые даже альпинист в хорошей форме должен идти с предельной осторожностью. Здесь, в разрушенных скалах, мало, если есть вообще, мест для организации безопасной страховки. Снежные кулуары, естественные трещины, которые используются для спуска, узки, по ним с трудом может пройти только один альпинист. Спустить же человека в коматозном состоянии здесь невозможно.

Короче, я не верю, что была реальная возможность спасти альпиниста, даже если бы были носилки (а их не было). По моему мнению, любой альпинист, встретивший индийцев в том месте и в том состоянии, в котором они были на горе, немедленно пришел бы к заключению, как это сделали японцы, что спасение невозможно.

Почему японские альпинисты не захотели облегчить индийцам последние их часы, дав им питьё или кислород — это отдельный вопрос. Вопрос, на который ответить могут только сами японцы.

Другая тема, которая интенсивно обсуждалась во всех

командах и в печати — почему Роб Холл и Скотт Фишер пошли на вершину так поздно? Они оба были известны как приверженцы тактики «разворота», то сеть установки контрольного времени, при наступлении которого все участники должны были повернуть вниз независимо от того, где бы они не находились.

Каким было это время возврата, и почему обе команды пренебрегли им?

Журналист Джон Кракауэр (член команды Холла) так пишет об этом в своей книге «В разрежённом воздухе»:

> «Перед выходом на восхождение ещё в базовом лагере Холл установил два возможных времени возвращения — 13–00 или 14–00. Он никогда не уточнял, какого из них мы должны придерживаться, однако, что любопытно, он много говорил о том, как важно жестко установить срок и следовать ему несмотря ни на что. Мы пребывали в неопределенности, понимая, что Холл откладывает принятие решения на день штурма после оценки погоды и других факторов, беря затем персональную ответственность за то, чтобы каждый участник повернул назад в соответствующее время».

Группа Фишера тоже не знала наперед, какое из контрольных времен поворота назад будет объявлено, хотя времена 13–00 и 14–00 были упомянуты. На самом деле в день штурма оба гида, полагаясь на свой опыт, решили, что по ходу будет видно, когда группам не следует идти дальше. Это будет зависеть от многих факторов, включая скорость движения группы, погодных условий и т. д.

К 14–00 10 мая только шесть альпинистов взошли на вершину. Так почему же остальных не повернули назад?

Возможно, единственным ответом является то, что большинство из них находилось очень близко к вершине, настолько близко, что за десять минут все восемь альпинистов достигли бы вершины. Это превышало контрольное время, но, возможно, в этот момент оно перестало действовать, так как основная группа была менее чем в пятидесяти метрах от вершины и была на виду. В этой ситуации, похоже, клиенты могли бы не подчиниться приказам гидов возвращаться. Одно дело повернуть кого-то от основания ступени Хиллари. Повернуть же альпинистов с предвершинного гребня просто немыслимо.

Упущение состояло в том, что в то время, как большинство альпинистов взошли на вершину в 14–30 или раньше, два ключевых альпиниста ещё не взошли. К тому времени, как основная масса восходителей начала спускаться, Даг Хансен,

клиент Холла, и Скотт Фишер, которому очень тяжело дался подъём, продолжали борьбу за вершину. Фишер взошел в 15–40 и провел на вершине пятнадцать минут.

Почему Фишер продолжал восхождение? Он, конечно, уже бывал на вершине раньше, и все его клиенты взошли и уже спускались вниз. Но Фишер знал, что Роб Холл и Лопсанг, правая рука Фишера, и сильнейший шерпа, оба ждут его на вершине. Сознание этого, а также высокий уровень персональной мотивации побуждали его к продолжению восхождения. Повернуть назад перед самым носом своего друга-соперника было для него трудно, практически невозможно. Они оба были представителями альпинистской элиты, и трудно было представить, что Фишер захочет терять лицо, неважно по какой причине, не последовав за своими клиентами на вершину.

Для Холла присутствие Лопсанга и Фишера тоже должно было быть дополнительным стимулом, чтобы помочь взойти Хансену. Должно быть. Холл полагал, что три сильных гида смогут спустить вниз Хансена. Три сильнейших гида мира внушили себе ложное чувство безопасности. К тому времени, как взошел Хансен, измождённые Фишер и Лопсанг уже ушли.

Роб Холл ждал Хансена до 16–00 — на целых два часа дольше, чем поздний из объявленных контрольных сроков. Почему он позволил себе быть втянутым в этот явно опасный поздний сценарий?

Чтобы получить ответ, переведем часы назад на один год, на май 1995 года, на штурм вершины «Консультантами по приключениям». В той экспедиции Роб Холл повернул назад Дага Хансена с Южной вершины в 14–00. Хансен тяжело переживал крушение надежд «так близко и так далеко», вызванных этим решением, после чего при поддержке Холла решил предпринять вторую попытку в 1996 году. Хансен не был миллионером, он занимал скромную должность почтового служащего, и чтобы участвовать в экспедиции ему приходилось брать дополнительную работу. Маловероятно, что Хансен смог бы позволить себе ещё одну попытку.

Эти два человека были друзьями, и у Холла было особое обязательство перед Хансеном по поводу восхождения на вершину. Пока Холл ждал на вершине своего клиента, возможно, внутри него шла титаническая борьба с самим собой. Повернуть Хансена снова, на этот раз с ещё более близкой позиции к вершине, чем в прошлом году, была для Холла невыполнимой задачей.

В конце концов, желания Хансена взойти на вершину оказалось достаточно, чтобы Холл принял решение его ждать.

И он ждал.

Когда подошел Хансен, с ним вместе пришли тучи и ветер. Фишер и Лопсанг уже скрылись из вида. Когда разразилась буря, Холл остался один на одни со своим изможденным клиентом.

Следуя высоким принципам своей профессии, Холл остался со своим клиентом до конца.

***

К 6 июня 1996 года все участники экспедиции «Гималайские королевства» по северному гребню уже вернулись к своей «нормальной» жизни.

Саймон, руководитель экспедиции, приступил к своим обязанностям менеджера в офисе «Гималайских королевств». Он планировал вернуться к Эвересту с южной стороны, и это будет его четвертая попытка штурма.

Через несколько месяцев Барни вернулся в Гималаи с маленькой группой клиентов «Гималайских королевств» для восхождения на Чо-Ойю (8201 м), расположенной на западе от Эвереста. Как и в нашей экспедиции на Эверест, Барни не достиг вершины, вынужденный повернуть вниз с клиентом. С тех пор он совмещает работу гида с работой разведчика нефтяных месторождений в таких странах, как Пакистан и др.

Кис вернулся в Торонто за 24 часа до своей свадьбы. В этот великий день его лицо неё ещё несло на себе солнечные ожоги, полученные в экспедиции, и сам он был тонким как спагетти.

Его сын, Корнелиус Александр Хуфт, родился 19 ноября. После его рождения Кати вернулась на свою работу преподавать политологию в университете в Торонто, предоставив Кису роль домашнего мужа, по случаю, снимающего кино. Кис все ещё замышляет одиозное путешествие на лодке по каналам Британии, где он поручил построить узкую лодку по своему собственному проекту. Любитель красивых штучек Кис заказал строителям сделать в ней полы из твердого дуба.

— Это не совсем правильно, — сказал он мне безнадёжно, — тогда я убрал их и заменил на тиковые. Он посмотрел на недоверчивое выражение на моем лице и расхохотался.

Брайан возвратился в Великобританию на шестнадцать килограмм легче, чем был до отъезда, и созвал пресс-конференцию, на которой сказал корреспондентам, что он сорвал японский экспедиционный флаг с флагштока и пописал на него

— одна из сочных цитат, которую добросовестные журналисты передали дословно. Пока пресса фотографировала Брайана на улице, водитель двухэтажного автобуса, отвлеченный гламурной компанией, с треском врезался в платан, закончив фотосессию на высокой ноте.

Едва восстановившегося от оцепенения экспедиции Брайана закрутила карусель его работы. Тур но продвижению его новой книги об Эвересте, участие в сезонной пантомиме «Tanbridge Wells», и вдобавок новый художественный фильм «Macbet», который он ставил.

Что касается Эвереста, какое мнение составил Брайан о нашей экспедиции?

— Я чувствую стыд за себя на Эвересте в этом году, — сказал мне Брайан. — Мне не хватило сил, но я вернусь туда в 1999 году с южной стороны и сделаю ещё попытку.

Брайана отличало то, что страсть в нём кипела постоянно.

Ал вернулся ненадолго домой, чтобы собрать свои бочки, и направился в Пакистан в успешную летнюю экспедицию на Гашербрум-1 и Гашербрум-2 в Каракоруме, доведя до восьми количество покоренных им восьмитысячников, — достижение мирового класса. Где он взял на это силы всего через несколько недель после Эвереста, выше моего понимания. У меня и у большинства участников нашей экспедиции прошли месяцы до полного восстановления.

После Пакистана Ал вернулся в Ньюкасл и возобновил работу по продвижению снаряжения компании «Бергхаус», устраивая выставки и выступая с лекциями, а также нанося последние штрихи на генеральный план, который, если сработает, выведет его в мировую суперэлиту альпинистов-высотников. Подзаголовком «Вызов 8000» Ал поставил своей целью взойти на оставшиеся шесть из четырнадцати вершин, высота которых превышает 8000 метров. В случае успеха он станет первым человеком в Британии, и пятым в мире, который взошел на все восьмитысячники.

Список шести вершин, на которые ему предстояло взойти, выглядел так: Лхоцзе (8516 м), Дхаулагири (8167 м), Канченджанга (8586 м). Аннапурна (8091 м), Макалу (8481 м) и Нанга Парбат (8125 м). Если эта книга пойдет в печать, то у меня есть хорошие новости: Ал взошел на Лхоцзе в мае 1997 года и на Нанга Парбат в июле 1998 года.

Этот проект предполагает большой риск, альпинистские статистики подсчитали, что при восхождении на все четырнадцать восьмитысячников вероятность погибнуть увеличивается до 40 процентов.

Мы с Алом никогда не говорили о событиях дня штурма, и я опасаюсь, что он не собирается этого делать. Да в этом и не было нужды. Теперь я понял, что это был приступ горной болезни, вселивший в мой мозг все нарастающее убеждение, что Ал выпал из штурма. Задержка, тогда казавшаяся для меня вечностью, на самом деле длилась несколько минут время, необходимое, чтобы протереть замерзшие очки, которые беспокоили его всё утро. Мой мозг преследовала параноидальная мысль, что что-то должно случиться, и я на незначительном событии выстроил теорию, что это должно случиться с Алом. На самом деле Ал поднялся на вершину не позднее, чем через десять минут после последнего из нас.

К моему удивлению, некоторые из соперников Ала, почуяв, возможно, изъян в его имидже «крутого», звонили мне после экспедиции, чтобы посмаковать детали моего первенства на вершине, однако, если они думали, что я собираюсь копаться в грязи, то они ошиблись. Ал поднялся на вершину в безупречном стиле, и у него было достаточно сил, чтобы долго говорить с Брайаном, а потом закрепить шарф на вершинном шесте. Он, для страховки, шёл вместе со мной до лагеря 6 и, если бы захотел, мог бы идти быстрее.

Сандип вернулся домой с 20 000 фунтов долга за экспедицию, и говорили, что скоро его должны послать в Боснию со своим подразделением. Потом его отозвали, и он отправился поступать на курсы, дающие возможность быть отобранным в Британские Воздушные Силы. К сожалению, жалобы на боль в голени, возможно наследие экспедиции на Эверест, лишили его этого. Сандип вернулся к своим обязанностям военного врача, стараясь изо всех сил забыть о своей неудаче — быть так близко к Эвересту и не осуществить свою мечту — Семь Вершин.

— Мне предложили место в экспедиции за десять тысяч фунтов, которая стартует весной девяносто седьмого, но с моими долгами, которые ещё надо выплатить, я не смог принять это предложение, — сказал он мне.

Услышав, что Сандип нашел такую возможность, Роджер предложил одолжить ему денег, великодушный жест, который тронул меня до глубины души. Однако другие обстоятельства не позволили Сандипу принять участие в экспедиции. Но ещё через год, как многие из нас и ожидали. Сандип вернулся на Эверест, успешно взойдя на вершину 25 мая 1998 года.

Роджер Портч сбрил свою бороду и забрался в теплое место — Бритиш Аэрвэйс 747. перевозящих пассажиров по всему миру. Мадрас, Маскат, Йоханнесбург, Мехико Сити — вот его среднемесячный пакет путешествий, но память об экспедиции на

Эверест не покидает Роджера, как бы много взлетов и посадок он не совершал.

— Я учусь жить с тем, что я не взошел на вершину, но чтобы прийти к этому, понадобится время, — сказал он мне, — но я не вернусь. Это был мой единственный шанс. Я слишком стар, чтобы предпринять другую попытку, и, на самом деле, это будет нечестно по отношению к Мюриэл и девочкам. Я не могу заставить их пережить всё снова.

Есть в жизни Роджера один особый момент, когда мысли о том, что могло бы быть, становятся особо непереносимыми, и, к несчастью, этот момент наступает каждый день в его повседневной жизни. Он наступает тогда, когда он летит, и на красном цифровом приборе его Боинга 747 появляется цифра 8848 метров. Когда он всматривается в глубокую голубизну верхней слоев атмосферы и наслаждается кривизной земли, то в мечтах он представляет, что могло бы быть, пройди он последние несколько шагов на Вершину Мира. И появляется бесконечная печаль о мечте, которой никогда не суждено осуществиться.

Роджер до сих пор носит на шее красную нить нашей пуджа-церемонии,

А что же я? Я вернулся с двумя обмороженными пальцами, чтобы можно было сказать, что я был двадцать седьмым британцем, который взошел на Эверест, и пятым, кто это сделал с севера. Многие очень любопытные друзья спрашивали меня: «Что же произошло после восхождения на Эверест?»

— Что вы имеете в виду?

— Ну, знаете, приглашение в Букингемский дворец на херес, обсуждение маршрута за чаем с тостами с лордом Хантом в Королевском географическом обществе. Медали и все такое.

На самом деле вообще ничего не произошло, кроме полного восстановления. Моими фанфарами стал рисунок моего сына Алистара с надписью «Молодец, папа!» И этого было достаточно.

Я показал свои пальцы нескольким специалистам. Они решили, что надо подождать, что я и сделал. После двух недель кожа, покрытая волдырями, стала зеленой, потом черной, затем твердой как картон. Потом обмороженная часть полностью отпала, обнажив через восемь недель два нормальных пальца. В конце концов, эти пальцы стали сверхчувствительными к теплу и холоду, но я счастлив, что они есть вообще.

«Ещё три-четыре минуты на холоде, — говорил мне один из специалистов, — и вы потеряли бы оба пальца. Еще десять минут, и вы потеряли бы много больше».

По сравнению с обморожением Макалу Го и Бека Уэзерса (у обоих не обошлось без серьёзной ампутации), это вообще ничто.

В июне и июле я работал над фильмом, освежая в памяти экспедицию в монтажной комнате. 24 августа 1996 года на четвертом канале прошла радиопередача. С тех пор я снимал фильмы в Малайзии, Таиланде, Йемене, Малави и Омане, вдобавок к написанию этой книги. Тот факт, что я делал фильм на вершине Эвереста, кажется, недалеко продвинул меня по карьерной лестнице. Я всё ещё писал сценарии, надеясь разразиться приключенческими фильмами.

Я не думаю, что Эверест вообще изменил меня как личность, и этот факт, в какой-то степени, раздражает Фиону, которая надеялась, что из помороженной скелетообразной куколки, которую она встретила в Хитроу, появится совершенная бабочка. Я остался все тем же эгоистичным упрямым бродягой, каким и был всегда и по-прежнему не мог оставаться дома более нескольких дней, начиная вышагивать по комнате, размышляя, куда же отправлюсь в следующий раз. Я по-прежнему посыпался рано утром и перебирал в голове места, где ещё не бывал. Мы все ещё разделяли с Фионой многие наши мечты, но одна, которую не разделяли, магически не исчезала, потому что я ходил в горы.

Я часто думал, пойду дня когда-нибудь на другую большую гору. Некоторые говорили мне, что решительность, которую я проявил на Эвересте, могла бы привести меня на вершины других гор. Но я в этом не уверен. Причины, побудившие меня лезть на Эверест, накапливались, как я теперь убедился, в моем сознании и в моем сердце, как при накачивании мышц и сухожилий. Я полез на Эверест в тот момент моей жизни, когда внутренний гейзер крушений надежд обернулся взрывом энергии. Если бы эта возможность представилась мне на несколько лет раньше или позже, я не уверен, что достиг бы вершины.

Так что же в итоге? Всё осталось на своих местах. Всё то же самое. Эверест велик, но не настолько, чтобы изменить стиль жизни. Красные счета по-прежнему копятся около телефона. Ипотечная компания по-прежнему обрывает телефон, желая взыскать с нас долги. Мы так же, как и всегда, счастливы вместе и несчастны в разлуке.

Я все ещё жду грома среди ясного неба, великой небесной неоновой стрелы, которой я не увидел на вершине. Возможно, это Фиона, которой следует взойти на гору, может быть, она увидит великую небесную стрелу, когда окажется на вершине. Возможно, мне следует ей посоветовать это.

Но, поразмыслив, я не думаю, что это хорошая идея. Подъём всего этого джина и тоника на гору сразит и самого лучшего лидера.

Я всё также делаю приключенческие фильмы. Я должен

зарабатывать на жизнь, но моё сердце уже стремится вперед. Я вижу себя пишущим и ставящим через десять лет фильмы в Голливуде — судя по всему, прекрасная идея, пока не поймешь, что каждый, кто работает на телевидении, мечтает о том же самом. Итак, я делаю только одно, что дает полет моей фантазии — пишу рассказы, сюжеты которых исходят из самых странных уголков моего сознания. Надеясь, что смогу продать один из своих сценариев и выйти на новый виток своей карьеры, пока кто-нибудь не позвонит мне и не спросит, а не хотел бы я снять фильм об экспедиции на К-2.

Об авторе

Мэтт Дикинсон — создатель фильмов и писатель, специализирующийся на путешествиях в дикие уголки природы и изучении их обитателей во всем мире. Ведомый страстью к приключениям, он побывал почти в ста странах, включая экспедиции: в пустыню Сахара, Гренландию и джунгли Южной Америки.

После окончания колледжа, где он изучал археологию, Дикинсон начал работать на телевидении. После четырех лет стажировки на Би-Би-Си он стал внештатником, чтобы делать Приключенческие фильмы для разных каналов: Би-Би-Си, National Geographic Television, Discovey Channel и Arts&Entertainment Network.

Его фильмы демонстрировались более чем в тридцати пяти странах и побеждали на престижных кинофестивалях.

Новый проект Дикинсона включает в себя поход на яхте в Антарктиду, сплав на рафте по бурной реке Брахмапутра в Индии и пеший переход через суровую пустыню Намиб.

В 1996 году, в отвратительную погоду предмуссонного периода, Дикинсон вместе с выдающимся альпинистом-высотником Аланом Хинксом совершили успешное восхождение на вершину Эвереста с севера — одному из технически сложных маршрутов на высочайшую вершину мира.

Дикиисон живет в Великобритании с женой Фионой и тремя детьми. Его сайт в Интернете — www.mattdickinson.com.

От переводчика

Мой товарищ, живущий в США, зная моё давнее увлечение горами, привез мне однажды в подарок книгу «The Other Side of Everest». Её автор Мэтт Дикинсон — английский путешественник, фильммейкер, писатель написал замечательную повесть о восхождении на высочайшую вершину мира — Эверест. Писать увлекательно об альпинизме крайне трудно (часто получаются сухие отчеты). Дикинсону же это удалось в полной мере. Книга читается на одном дыхании, как детектив, делая читателя участником описываемых событиях. Мне очень приятно, что своим переводом я могу познакомить российского читателя с творчеством автора, пока неизвестного у нас.

Благодарности

Хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в этом издании: Э.Е. Шварца, который подарил мне оригинал «The Oilier Side of Everest», редактора В.А. Преснову за кропотливый труд по устранению грамматических и стилистических ошибок, М.М. Пронина за оформление книги и верстку, а также редакционную коллегию в составе В.М. Авдеева, Д.И. Антоновского и С.И. Шибаева.

notes

Примечания

1

Вероятно, имеется в виду китайская экспедиция 1975 года. — Прим. ред.

2

Максимальная высота горного массива Нупцзе — 7861 м. — Прим. ред.